

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Н.А. Мининков

**ДАНИИЛ НАТАНОВИЧ АЛЬШИЦ:
ГРАЖДАНИН, ИСТОРИК, ПИСАТЕЛЬ**

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2020

УДК 930.85+82Альшиц.06(09)

ББК 63.3(2)6-8Альшиц3

М61

Ответственный редактор

доктор исторических наук *А.И. Алексеев*

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент *Д.П. Исаев*;
кандидат исторических наук, доцент *Е.В. Шандулин*

Мининков, Н.А.

М61 Даниил Натанович Альшиц: гражданин, историк, писатель / Н.А. Мининков ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2020. – 258 с.

ISBN 978-5-9275-3444-9

Известный российский историк Даниил Натанович Альшиц прожил большую жизнь. Он окончил исторический факультет ЛГУ, был участником Великой Отечественной войны и узником ГУЛАГа. Темой его исследований была история эпохи Ивана Грозного, по этой теме он оставил ряд интересных работ. Он был автором воспоминаний, литературных произведений и театральных постановок, которые вызывали значительный интерес и получали общественный отклик.

УДК 930.85+82Альшиц.06(09)

ББК 63.3(2)6-8Альшиц3

ISBN 978-5-9275-3444-9

© Южный федеральный университет, 2020

© Н.А. Мининков, 2020

© Оформление. Макет. Издательство

Южного федерального университета, 2020

Даниил Натанович Альшиц

03.02.1919 – 13.02.2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Заочное знакомство с Д.Н. Альшицем (вместо введения)	6
Глава 1. Страницы большой жизни	13
1.1. Семья, школа, двор, улица	13
1.2. Исторический факультет Ленинградского университета	17
1.3. Фронтовые дороги Д.Н. Альшица	20
1.4. Д.Н. Альшиц – узник ГУЛАГа	24
1.5. Д.Н. Альшиц – ученый, писатель, драматург.....	30
Глава 2. Исторические труды Д.Н. Альшица	38
2.1. Первые научные исследования Д.Н. Альшица	38
2.2. Д.Н. Альшиц как историк эпохи Ивана Грозного: Вопрос о приписках к Лицевым летописным сводам	47
2.3. Анализ повествований о боярском мятеже 1553 г.	56
2.4. Д.Н. Альшиц о Разрядной книге московских государей XVI в.	65
2.5. Д.Н. Альшиц об исторической мысли времени Ивана Грозного	69
2.6. Концепция опричнины Ивана Грозного Д.Н. Альшица и купец Харитон Белоулин	76
2.7. Д.Н. Альшиц о реформах Избранной рады	88
2.8. Список опричников Ивана Грозного	95
2.9. Был ли опричником Генрих Штаден?	100
2.10. «Новые русские» XVII–XVIII вв.: Д.Н. Альшиц о людях и нравах России эпохи первоначального накопления и «демократия под двуглавым орлом»	107
2.11. За правду истории... Д.Н. Альшиц об обороне Ленинграда и о Великой Отечественной войне.....	113
Глава 3. Д.Н. Альшиц в отечественной литературе	121
3.1. «Приказа умирать не было»: Великая Отечественная война в литературном творчестве Д.Н. Альшица-фронтовика	121

3.2. «Диалог»: драматургия Д.Н. Альшица.....	135
3.3. «Опаснее врага»: вершина литературного творчества Д.Н. Альшица.....	154
3.4. Память о послевоенных сталинских репрессиях: образы тюрьмы и лагеря в воспоминаниях Д.Н. Альшица	166
Глава 4. Д.Н. Альшиц о русской литературе и театре.....	177
4.1. Первый опыт литературного анализа Д.Н. Альшица.....	177
4.2. Д.Н. Альшиц о Н.В. Гоголе.....	181
4.3. Д.Н. Альшиц и вопрос о десятой главе «Евгения Онегина»	193
4.4. Д.Н. Альшиц о драматургии	201
4.5. К 25-летию истфака ЛГУ	213
Вместо заключения	218
Приложения	228

*Посвящается героическому поколению
историков, победителей гитлеровского фашизма
и узников ГУЛАГа*

**ЗАОЧНОЕ ЗНАКОМСТВО С Д.Н. АЛЬШИЦЕМ
(ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)**

– Иззагардинер, – так представился ростовский историк Александр Павлович Пронштейн своему ленинградскому коллеге Даниилу Натановичу Альшицу при личном знакомстве на одной из конференций, происходивших в конце шестидесятых годов в северной столице. Оба историка, заочно знавшие друг друга по работам, рассмеялись и увидели, что они – люди своего круга, способные с полуслова понять друг друга.

Представление сыграло в этом свою роль. Марк Иосифович Иззагардинер был героем комедии «Опаснее врага», написанной Д.Н. Альшицем в соавторстве с другим известным деятелем ленинградской культуры того времени, Львом Львовичем Раковым, ученым секретарем Эрмитажа и основателем Музея обороны Ленинграда, затем директором Публичной библиотеки, а позже директором библиотеки Академии Художеств. Эта комедия, появившаяся как одно из видимых выражений культуры времени хрущевской оттепели, быстро приобрела популярность среди интеллигенции, ее «растаскивали на цитаты».

Так в Ленинграде состоялось личное знакомство моего отца с Даниилом Натановичем Альшицем, историком и писателем, хорошо уже известным в то время в Советском Союзе. Однако мое знакомство с ним, заочное, произошло еще раньше. Моя мама, Светлана Николаевна Покровская, филолог и любитель хорошей литературы, познакомила меня с этой комедией, когда мне было несколько более десяти лет. Сюжет комедии, необычность и в то же время историческая типичность ситуации, а особенно ее яркие образы запали мне в память. Несколько позже мне удалось узнать, что авторы ее были

участниками обороны Ленинграда в период Великой Отечественной войны, а после войны, на волне нового витка сталинских репрессий, оказались арестованными. Таким было мое знакомство с Альшицем еще в школьные годы, разумеется, заочное, хотя сам Даниил Натанович приезжал к нам в Ростов.

Дальнейшее «узнавание» Альшица было связано для меня с учебой на историческом факультете Ростовского госуниверситета, когда в центре моего внимания оказалась проблематика истории позднего русского средневековья и, в частности, эпоха Ивана Грозного. В это время я узнал, что Даниил Натанович еще в конце сороковых годов выступал с обстоятельной статьей, в которой обосновывал свою версию, согласно которой пометки и правки на листах Царственного летописца были сделаны самим царем. Эта версия казалась мне достаточно убедительной, при том, что сложность решения подобной источниковедческой проблемы была для меня тогда совершенно очевидной. Но вывод о правке текста Иваном IV, казалось мне, придавал некоторые новые черты к сложившемуся уже в историографии облику царя.

Как историка, в дальнейшем, в конце восьмидесятых годов, мое внимание привлек новый большой труд Д.Н. Альшица, посвященный проблеме становления российского самодержавия. Казался глубоким и обоснованным вывод автора об опричнине Ивана Грозного с ее репрессиями как о необходимом предварительном условии для установления в стране неограниченной власти царя. Он не только давал объяснение роли опричнины в становлении политической системы Московского государства, при которой самодержавие имело в качестве своей оборотной стороны бесправие подданных перед лицом царской власти и всяких властей вообще. Он, кроме того, содержал в себе убедительную аргументацию в пользу вывода о наличии глубокого внутреннего смысла в опричнине, и противостоял другому выводу, об отсутствии в ней какого бы то ни было рационального содержания, который был распространен в историографии и пользовался известной популярностью. Он, наконец, давал четкое представление о самой тесной и неразрывной связи сложившегося к концу XVI в. политического строя в России с кровавыми опричными репрессиями, с массовым для своего времени уничтожением людей,

относившихся к разным слоям населения страны. Подобный вывод соответствовал культурно-исторической ситуации, сложившейся в советском государстве на последнем этапе его существования, когда в опричной и самодержавной тирании Ивана Грозного видели отдаленные, но весьма определенные и ясные исторические предпосылки массовых репрессий советского времени в период красного террора и сталинской диктатуры.

Что же касается сталинских репрессий, то и сам Даниил Натанович попал под их тяжелый каток вскоре после возвращения с фронта и выхода в свет его статьи о приписках к Царственной книге из Лицевого летописного свода. И вообще, он оказывался человеком с исключительно богатой биографией, в которой имело место органичное сочетание интеллигентной ленинградской семьи, хорошей школы с углубленным преподаванием немецкого языка и исторического факультета университета, фронта и ГУЛАГа, научной работы, литературного творчества и театральной жизни Ленинграда. В судьбе его нашли выражение все важнейшие вехи истории страны ушедшего столетия со всем ее величием и с глубиной ее трагедии, а также начало нынешнего века с его острейшими проблемами, доставшимися от прошлого. Его биография в чем-то типична для интеллигента советского времени, и в то же время в ней очень много особенного, уникального и личного. Она пронизана талантом человека, умевшего воспринимать и выражать эпоху и через отношение к отечественному прошлому, и на основе анализа событий, которые прошли в его жизни. Следовательно, жизнь Д.Н. Альшица, известного в качестве ученого-историка и писателя, позволяет на конкретном историко-биографическом материале уяснить, как в судьбе человека выразилась новейшая история России, насколько глубоко она была осмыслена и понята им, и насколько полно и ясно его мысли были доведены им до заинтересованного российского читателя. Отсюда совершенно очевидный интерес к этой исключительно яркой личности новейшей отечественной истории. В ее судьбе нашли своеобразное отражение все вехи и все исторические трагедии страны за советский и начало постсоветского периода в ее развитии.

Кроме того, интерес к личности и многогранной деятельности Даниила Натановича определяется некоторыми другими обстоятельствами. Это, во-первых, тем, что общий процесс гуманизации современной культуры все более заметно ставит в центр исследовательского внимания проблему человека в истории и истории в человеке. Во-вторых, тем, что история такого феномена новейшей отечественной культуры, как шестидесятники, по существу, только находит своего исследователя. Одной из сторон этой большой проблемы являлась деятельность Д.Н. Альшица в исторической науке, литературе и в театральном искусстве. В-третьих, наконец, тем, что история отечественной исторической науки советского периода также только начинает изучаться. Одним из путей этого изучения является анализ исследований и концепций отдельных видных историков, к числу которых с полным правом относится Даниил Натанович. В этой связи история его жизни и деятельности в исторической науке и культуре страны должна представить интерес для читателя, желающего понять характер и особенности исторического пути, пройденного страной в новейшее время в свете биографии одного из известных в истории отечественной культуры людей.

О Д.Н. Альшице, его жизни и деятельности в отечественной культуре и исторической науке, имеется определенный круг литературы. Самые общие сведения дает справочная литература. Это статьи справочного характера, посвященные Альшицу как писателю и историку. В краткой статье В.А. Калашникова «Аль Д.» из Краткой литературой энциклопедии содержались краткие сведения о его литературной деятельности. Он указан в статье только как драматург. Отмечалось, что его творчество «связано главным образом с исторической тематикой, опирается на документ». В его комедиях, среди которых названо совместное с Л.Л. Раковым произведение «Опаснее врага», «бичуются бюрократы, приспособленцы, зажимщики критики»¹. В статье не указано на участие Альшица в Великой Отечественной войне. Это представляется недостатком, поскольку некоторые стороны литературного и публицистического творчества его напря-

---

¹ Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1978. Т. 9 (дополнительный). Стб. 52.

мую связаны с войной. Статья несет в себе терминологию, типичную для своего времени, когда в сатирической литературе эти самые бюрократы, приспособленцы и зажимщики критики выступали в качестве важнейшего объекта, что ничуть не мешало существовать бюрократизму и приспособленчеству в эпоху брежневского застоя. Известный литературный критик И.О. Фоянков указал, что произведения Альшица вызывали большой читательский интерес. Говоря о его военной прозе, Фоянков подчеркивал, что для нее характерны «точность и достоверность деталей, ясность языка, юмор, не покидающий автора-рассказчика даже в самых драматических ситуациях»¹. Книге Альшица «Гоголь – наш современник» посвящена рецензия Ю. Манна. В ней подчеркивалось, что Н.В. Гоголя Альшиц исключительно высоко ценил не только как художника, но и как историка².

Интересный очерк, содержащий психологическую характеристику Д.Н. Альшица, содержит статья Э. Мороз, опубликованную в журнале «Знамя» непосредственно после его кончины. Особенно интересна его характеристика накануне ареста. По словам Э. Мороз, в период, когда вышло в свет постановление об А. Ахматовой и М. Зощенко, прошел разгром на сессии ВАСХНИЛ «вейсманистов-морганистов-менделистов», развернулась борьба с «космополитизмом», Альшиц «не просто “возникал”, а вел себя прямо-таки разнузданно», и прямо «лезет на рожон». И вообще, накануне ареста, отмечала она, Альшиц вел себя «дерзко, бесстрашно, с величайшим достоинством ... и чувством юмора, порой граничащим с наглостью». При этом Э. Мороз обращала внимание на способность Альшица подходить с юмором к самым разным жизненным ситуациям. Так, отмечала она, даже обращение к Н.С. Хрущеву после смерти Сталина об освобождении из заключения в лагере и о реабилитации он подал, в стихотворной форме. Несмотря на такую необычную форму обращения, по существу уникальную, он скоро был освобожден и реабилитирован³.

¹ Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь. Т. 1. С. 51–53.

² Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 117.

³ Мороз Э. Валерий Фрид. 58 ½, или Записки лагерного придурка; Даниил Аль. Хорошо посидели! // Знамя. 2012. № 3. С. 218–222.

Небольшая статья посвящена исследованиям Д.Н. Альшица, относящимся к «Слову о полку Игореве», в энциклопедии этого произведения. Автор этой статьи, М.Д. Каган, подчеркивал, что Альшиц не считал произведение непосредственным откликом на события 1185 г., когда новгород-северский князь Игорь Святославич потерпел поражение от половцев. Он отмечал как актуальность произведения для периода с 1223 по 1237 г., когда было важным единство действий русских князей против угрозы со стороны Степи, от поражения русских сил на речке Калке до нашествия Батгя. Обращалось также внимание на отмеченное Альшицем влияние Слова на Степенную книгу второй половины XVI в.¹

Несогласие с точкой зрения Д.Н. Альшица по поводу датировки приписок к Царственной книге Лицевого свода высказывал Б.М. Клосс. Вывод Альшица, согласно которому приписки могли быть сделаны до июня 1570 г., когда был казнен дьяк Иван Висковатый, который позитивно оценивался в повествовании свода, он не принимал. По мнению Клосса, положительные характеристики в ней Висковатого не могла служить датирующим признаком. Он указывал, что Лицевой свод составлялся до 1575 г., когда был представлен царю и вызвал его неодобрение. Переработка же текста велась не самим Иваном Грозным, но по его указанию². Весьма критически воспринимал положения и выводы труда Д.Н. Альшица об Иване Грозном Д.М. Володихин³.

Участие Д.Н. Альшица в обсуждении доклада А.А. Зимина, состоявшегося 27 февраля 1963 г. и посвященного проблеме авторства «Слова о полку Игореве» и времени создания произведения, было проанализировано в статье М.А. Базанова. Он указывал, что в ходе своего выступления в прениях по докладу Даниил Натанович не поддержал точку зрения Зимина, согласно которой произведение

¹ Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5-ти т. / Рос. Акад. Наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Ред. кол.: Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, С.А. Семячко, О.В. Творогов (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 49–50.

² Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. С. 208, 254, 255, 265.

³ Володихин Д.М. Эпоха Ивана Грозного в сочинениях С.Ф. Платонова и Р.Ю. Виппера // Платонов С.Ф. Иван Грозный (1530–1584), Виппер Р.Ю. Иван Грозный / Сост. и вступ. статья Д.М. Володихина. М.: Изд-во РАО, 1998. С. 14.

было «творением талантливого писателя XVIII в.». Не соглашался он с утверждением Альшица о том, что Зимин «расчленяет ткань единого цельного художественного произведения». В то же время он указал на оригинальность точки зрения Альшица, согласно которой «Слово» было создано не сразу после неудачного похода князя Игоря Святославича 1185 г., но после 1223 г., когда состоялась битва русских и половцев с монголами на Калке. Поэтому Базанов предположил, что отказ Альшица принимать традиционную датировку создания «Слова» «воодушевил» Зими́на¹.

Автор благодарен за помощь в работе сотрудницам Российской национальной библиотеки Галине Ремовне Ильяевой, Ольге Валентиновне Мещеряковой, Наталье Борисовне Роговой.

---

¹ Базанов М.А. Предыстория обсуждения книги А.А. Зими́на «Слово о полку Игореве»: опыт реконструкции событий // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Вып. 7. Омск: Изд-во ОмГУ, 2011. С. 308–312.

Глава 1

СТРАНИЦЫ БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ

1.1. Семья, школа, двор, улица

Как и для многих других представителей самого старшего поколения граждан России нашего времени, для Даниила Натановича Альшица рубежом между юными годами и взрослой жизнью была Великая Отечественная война. Первый этап их жизни, довоенный, был для них очень значимым. В этот период закладывались основы их личности, начала, которые они пронесли сквозь испытания великой войны и в послевоенной жизни.

Сам Альшиц в своих автобиографических заметках уделял этому первому периоду весьма значительное внимание. Это не случайно. В этом в полной мере проявилось историческое мышление автора, способность его видеть значение первых этапов в развитии явления для последующего его развития, для характеристики самой его сущности. В данном случае таким явлением, которое оказывалось объектом рассмотрения Альшица-автобиографа и историка, являлась собственная жизнь.

День рождения будущего историка, писателя и драматурга, 3 февраля 1919 г., приходился на разгар гражданской войны. Родился он в Петрограде. В это время недавняя столица бывшей российской империи была прифронтовым городом. С мая по ноябрь этого года за город шли бои между красной Армией и силами Северо-Западной белой армии генерала Н.Н. Юденича. Только к концу года Красной Армии удалось одержать решающую победу и отстоять Петроград. Но Даниил Альшиц, будущий защитник Ленинграда, об этом важном эпизоде в истории города, который он вскоре так глубоко любил, узнал значительно позже.

Родителями Даниила были типичные российские интеллигенты начала прошлого века. О своем отце, Натане Львовиче, Альшиц писал, что он родился в Петрозаводске и учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Затем за револю-

ционную деятельность он был выслан из России. В чем заключалась эта деятельность, Альшиц не конкретизировал, но указывал, что в дальнейшем к ней Натан Львович не возвращался. Совершенно очевидно, что это была первая русская революция, и, по-видимому, 1905 г., когда во главе революционной борьбы в стране, вплоть до осени, шла столица Российской империи. Участие Натана Львовича было достаточно активным, что заставило власти принять в отношении его определенные меры, которые выразились в высылке за границу. В общем, такое поведение было довольно типичным для своего времени. Немало российских студентов в разных университетских городах выражало сочувствие революционной борьбе, в той или иной степени и форме принимало в ней участие и подвергалось за это репрессиям.

Не менее типичным был отход его от всякой революционной деятельности после поражения первой революции в России. В период, который наступил после государственного переворота 3 июня 1907 г. и который в советской историографии назывался годами реакции, происходило разочарование многих участников революции в ее методах, прекращение их дальнейшего участия в борьбе. Вместе с тем оказывалась так, что для них самих революция 1905–1907 гг. имела положительные последствия. Режим, во всяком случае, значительно смягчился. Была разрешена деятельность политических партий и профсоюзов, оппозиционной печати. Оказалось возможным возвращение к учебе и к работе по полученной специальности для лиц, участвовавших в студенческий период своей жизни в революции. Этой возможностью Натан Львович в полной мере воспользовался. Не бросая учебу за рубежом, в стенах Берлинского университета, а затем Сорбонны, он вернулся в Россию и получил диплом об окончании Харьковского университета по юридическому факультету. Свидетельством высокого уровня его подготовки было принятие его в 1916 г. в Петербургскую коллегию адвокатов¹, а затем в течение ряда лет работа после революции в качестве юрисконсульта в разных советских учреждениях.

¹ Как писал позже Альшиц, Н.Л. Альшиц был принят в петербургскую коллегию адвокатов «великим русским защитником Карабчевским». Альшиц Д.Н. Хорошо посидели! СПб.: Нестор-История, 2010. С. 182.

О своей матери, Ольге Семеновне, в девичестве – Иоффе, Даниил Натанович говорил, что она родилась в Вильно и училась на Бестужевских курсах. Революция 1917 г. не позволила ей, как и многим другим курсисткам и студентам, окончить высшее учебное заведение. Тем не менее, она получила глубокие и прочные знания. В тридцатые годы, как отмечал Альшиц, она была преподавателем немецкого языка в одной из ленинградских школ.

В этой связи обращают на себя внимание три характерных обстоятельства в жизни Даниила Натановича. Во-первых, это немецкий язык. Как он сам указывал, уже с детства он говорил по-немецки, а затем свободно читал на этом языке. В дальнейшем знание немецкого языка в совершенстве, в значительной мере полученное под материнским влиянием, ему не раз пригодилось в дальнейшей жизни и, в частности, во время Великой Отечественной войны. Вторым обстоятельством была его семья. Сам Альшиц не раз высказывался о самом благотворном воздействии его семьи на формирование его личности. Он обращал внимание в своей автобиографии, что на эту тему высказывался один из героев упоминавшейся его комедии «Опаснее врага», Виталий Плевацкий, который заявил: «Я окончил три учебных заведения – школу, вуз и хорошую семью». Конечно же, аналогия Альшица с Плевацким была бы несправедлива. Плевацкий – герой комедии достаточно сомнительный. Но его образованность и несомненная культура явно выделяет его на фоне других героев, стоявших на пути перемен, которые приносили стране пятидесятые-шестидесятые годы со свежим ветром хрущевской оттепели.

Самую высокую оценку со стороны Альшица получила школа, которую он закончил. Он указывал, что это до революции была третья гимназия, а в советское время в этом же здании оказалась 13-я школа, а затем 1-я образцовая школа Дзержинского района Ленинграда. Учителями школы, писал Даниил Натанович, были как педагоги прежней гимназии, так и новые учителя, которых он назвал молодыми советскими педагогами и энтузиастами тридцатых годов. Конечно же, между этими поколениями советского учительства были свои сложности во взаимоотношениях. Но в том, что касалось отношения к своим воспитанникам, в этой школе педагогический коллектив проявлял самую высокую профессиональную ответст-

венность. Отсюда глубокая благодарность Альшица к своей школе и к своим учителям.

Тем более, такая благодарность определялась тем, что в 1930 г. его отец, Натан Львович, как писал Альшиц, был признан вредителем и арестован. Для того времени обвинение было настолько расхожим, что служило сюжетом для отдельных произведений советской литературы того времени. Так, в далеком от Ленинграда Ростове в 1930 г. вышла в свет пьеса «Вредители», написанная журналистом и историком Н.Л. Янчевским. За этим обвинением стояли трагедии множества семей. Когда был арестован отец, Даниилу Натановичу было одиннадцать лет. И благодарность его по отношению к школе определялась не только уровнем знаний, которые она давала, но и тем, что педагоги не оставили без внимания одного из своих учеников, сына репрессированного отца. Между прочим, самого Даниила Альшица характеризует тот факт, что в 1932 г., в тринадцать лет, он сбежал из дома и добрался до пристани Ярцево на Енисее, ниже города Енисейска, куда был сослан его отец, и виделся с ним. На вопрос сына-подростка, чем же он виноват «перед нашей советской властью», отец ответил, что ничем. В то время, честно писал Альшиц, он в это не поверил. Но окончательно поверил в справедливость слов отца лишь после собственного ареста в 1949 г.¹

Помимо школы, Альшиц в своей автобиографии выражал благодарность улице и двору. Согласно расхожим представлениям, улица и двор являются своего рода антиподом школе и оказывают на молодежь негативное влияние. Отчасти такое мнение обоснованно. Выражение «питерская шпана», ставшее за последнее время не без причины достаточно распространенным в общественном мнении, выражает определенную историческую реальность. Нравы этой среды и ее язык, усвоенные с детства, переносятся и в совершенно иные сферы, в том числе самые высокие. И когда они воспроизводятся, ошарашенный слушатель и читатель может узнать о том, что кого-то следует «мочить в сортире», кому-то – «обрезать по самое», или что кто-то кому-то «подхрюкивает», и еще нечто подобное и откровенно похабное. Но история знает и совершенно иные нравы в москов-

---

¹ Альшиц Д.Н. Хорошо посидели! С. 119, 168.

ских, ленинградских и иных дворах. Из песни Булата Окуджавы мы знаем о московском дворе, из которого ушел на войну Ленька Королев и не вернулся. Сам Окуджава, поэт и фронтовик, также воспитывался в таком московском арбатском дворе, вблизи того места, где ныне стоит ему памятник. Подобные двор и улица воспитывали молодого Данила Альшица. Место это находится, как писал Даниил Натанович, находится на углу Литейного и Пантелеймоновской улицы, которая стала известна в советское время как улица Пестеля.

Самое благоприятное влияние на детей в таком дворе могли оказывать отдельные личности. Такое влияние оказывал известный советский детский поэт Самуил Яковлевич Маршак, поселившийся в 1926 г. том же доме, где жили Альшицы. Даниил Натанович приводил случай, когда Маршак читал ему и другим детям, жившим рядом, только что завершенного «Мистера Твистера». И когда поэт читал о поисках мистером Твистером гостиницы в Ленинграде, то прозвучали строки «Улица Герцена, первый подъезд. Нет, отвечают, в гостинице мест». Тогда Даниил, слушавший Маршака вместе со своими друзьями, спросил его, нельзя ли написать про их подъезд. Немного подумав, Маршак заменил «Улица Герцена» на «Улица Пестеля». Так начался, считал Альшиц, путь его в литературу. Следующим шагом было посещение им с восьмого класса литературного кружка при Выборгском Дворце культуры, которым руководил писатель Л.И. Раковский. С руководителем кружка у старшего школьника завязалась крепкая дружба, которая продолжалась, как писал Даниил Натанович, до кончины писателя.

1.2. Исторический факультет Ленинградского университета

Ко времени окончания школы у Альшица уже сложился глубокий интерес к гуманитарным дисциплинам. Это привело его в 1937 г. на исторический факультет Ленинградского университета. В то время на факультете работал целый ряд выдающихся историков. В своих автобиографических записках Даниил Натанович приводит имена четырех академиков. Это был выдающийся специалист по новой

истории Е.В. Тарле, по Древнему Востоку – В.В. Струве, по русскому феодализму – Б.Д. Греков, по античной истории и археологии – С.А. Жебелев. Это были также профессора, среди которых выдающийся исследователь русского летописания М.Д. Приселков и известный источниковед С.Н. Валк. Обозначился постепенно научный интерес студента Альшица к проблемам русской истории эпохи феодализма. Вместе с тем уже в первый, студенческий период его научного творчества, которое развивалось под руководством М.Д. Приселкова¹, обозначилась в качестве характерной его черты стремление и умение донести научную историческую мысль до широкого читателя, не относящегося к профессиональному цеху историков, не имеющему специального исторического образования. В этой связи обращают на себя внимание две примечательные черты, связанные с началом его работы в качестве историка, исследователя и популяризатора исторических знаний.

Одной из них являлась подготовка им еще на первом курсе работы под названием «Роль Куликовской битвы в определении национального самосознания русского народа». В условиях, когда проблема истории объединения русских земель и его последствий оставалась одной из актуальных проблем отечественной исторической мысли, обращение к этой теме соответствовало одному из важных направлений научного поиска того времени. Тем более, относилось это к такой сложной составной части процесса, как русское национальное самосознание. О качестве этой студенческой работы первокурсника свидетельствует публикация ее в столь авторитетном журнале, как «Ученые записки ЛГУ» за 1939 г. Вскоре, на втором курсе, Альшиц создал другую работу, по его словам, небольшую популярную книжку «Нашествие Батя». Она была издана сотысячным тиражом Воениздатом в серии «Библиотека красноармейца». Как отмечал сам ее автор, он видел ее у бойцов в землянках на фронте. Это давало ему все основания гордиться этой своей работой, которая была первой его книгой.

Второй примечательной чертой того времени, связанной с появлением и публикацией двух студенческих работ Альшица, являлась

¹ Альшиц Д.Н. Письмо писателю Виктору Астафьеву // Альшиц Д.Н. За нами был наш гордый город. Подвиг Ленинграда – правдивую и достойную оценку. СПб.: Наука, 2010. С. 312.

реакция на них его товарищей, самой студенческой среды, к которой он принадлежал. Со стороны товарищей по кружку Даниил подвергся весьма резкой критике. Вызвана была эта критика, как позже вспоминал Альшиц, выходом в свет упоминавшейся его книги о нашествии монголов. Среди критиков были известные впоследствии историки, В.Т. Пашуто, М.И. Белов, С.Я. Лурье, П.П. Шаскольский. Оценка товарищей была весьма резкой: «Недостойное занятие», «Хорошо написано, но халтура!», – утверждали они. Историк-исследователь, полагали они, не должен заниматься популяризацией.

Эта критика имела свои культурно-исторические и философские основы. Речь шла о принципиальном вопросе, относящимся к месту истории в культуре человечества и значению труда историка. Оказалось так, что студенты, товарищи Альшица, критикуя его, стояли на позициях научного пуризма, для которого всякий отход от чистой науки в сторону ее популяризации признавался недопустимым. Они, как писал позже Альшиц, обвиняли даже его в «измене» «серьезной науке», по существу, перенося в область научной, философской и в какой-то степени идеологической дискуссии категорию морально-нравственной сферы.

Сама проблематика критических выступлений товарищей против Альшица, накал дискуссии самым положительным образом позволяет оценить студенческую среду на историческом факультете ЛГУ того времени. Вопросы, затрагивавшиеся ими, были в самом деле актуальны для исторической науки не только того периода, но и всего столетия, а острота и резкость свидетельствовала о неравнодушии студентов, о глубине их заинтересованности в судьбах своей науки. Но заинтересованность проявляли не только студенты в своей науке, но и их учителя в судьбах самих студентов. Поэтому на заседаниях научных кружков они присутствовали.

И, как вспоминал Альшиц, он получил поддержку от одного из наиболее авторитетных историков, академика Евгения Викторовича Тарле. Он высказывался за то, чтобы историк не замыкался на достижении чисто научных целей и считал, что умение донести до сознания широкого читателя достижения исторической науки является ценным качеством историка. Это помогает внести достижения исторической науки в массовое сознание и формировать тем

самым историческое сознание общества, приближая его к стандартам исторической научности. Излагая выступление академика, Альшиц указывал, что, по его словам, «художественное, образное описание прошлого отнюдь не противоречит задачам исторического исследования. Напротив, оно является завершением труда всей армии историков» Но добавлял при этом: «Разумеется, если оно не извращает научно обоснованной правды истории»¹. В этом отношении сам академик Тарле подавал пример молодым историкам, облекая некоторые из своих трудов в блестящую литературную форму. От этого они, не снижая свой научный уровень, становились доступны для широкого читателя, интересующегося историей.

Так начинался путь Даниила Натановича в науку. К лету 1941 г. он не успел окончить исторический факультет ЛГУ. Начавшаяся в том же году Великая Отечественная война не позволила ему продолжать свой научный поиск. Он оказался в Красной Армии и прошел путями войны с обороны Ленинграда до Победы над нацистской Германией.

1.3. Фронтовые дороги Д.Н. Альшица

На фронт Даниил Натанович пошел с самого начала войны, когда он заканчивал обучение на четвертом курсе исторического факультета. Как и абсолютное большинство студентов исторического факультета ЛГУ, он был добровольцем. По приведенным им сведениям, из двухсот десяти студентов факультета добровольцами на фронт пошло двести девять².

О чувствах, охвативших в то время его самого и его товарищей, Альшиц писал позже в повести «Приказа умирать не было»: «Я думал, я чувствовал – не может быть, ни за что не будет так, чтобы в нашу парадную вошел фашист, чтобы он поднялся по нашей лест-

---

¹ Альшиц Д.Н. Спор между самонадеянным студентом и знаменитым историком – академиком Е.В. Тарле – о том, как надо писать историю. Из воспоминаний автора книги // Аль Д. (Альшиц Д.Н.) Шаги истории России из прошлого в будущее. СПб.: Наука, 2007. С. 80.

² Альшиц Д.Н. Масштабу и значению героической обороны Ленинграда – правдивую и достойную оценку! // Аль Д. (Альшиц Д.Н.) Шаги истории России из прошлого в будущее. СПб.: Наука, 2007. С. 191–192.

нице, схватился за ручку нашей двери»¹. Так думали и многие другие ленинградские добровольцы. Стремление студентов и множества других ленинградцев защищать город было настолько велико, что, как писал позже Альшиц, «ленинградцев насильно “гнали” порой, но не в ополчение, а из ополчения. Ученых, высококвалифицированных специалистов и рабочих оборонных предприятий буквально выводили из строя и отправляли на места их работы. Позднее, сплошь и рядом принудительно отправляли в эвакуацию рабочих и инженеров, деятелей культуры и искусства, да и вообще многих жителей города»².

Так думали не только добровольцы, но и оказавшиеся в блокаде жители Ленинграда. Альшиц приводил в этой связи пример того, как рассуждала его старая мама, Ольга Семеновна. Она пробыла в блокаде страшные зимние месяцы 1941–1942 гг., и оказалась, как писал Даниил Натанович, в состоянии дистрофии. Он вспоминал, что ему так и не удалось уговорить ее «своевременно уехать. Она хотела во что бы то ни стало посылно участвовать в защите города, разделить общую судьбу его жителей»³. Лишь по его, как он писал, настоятельным требованиям, она отправилась из Ленинграда в эвакуацию. Выехала она 11 апреля 1942 г., по залитому уже водой льду Ладожского озера. Очень скоро, через три месяца, в эвакуации она скончалась, и, по словам Альшица, говорила перед кончиной: «Надо было оставаться в Ленинграде – там я ни за что не стала бы умирать»⁴. В этих словах старой женщины нашел яркое проявление исключительно высокий боевой дух ленинградцев.

Оказавшись на фронте, доброволец Альшиц попал во Вторую дивизию народного ополчения Московского района Ленинграда. После пополнения ее личным составом, мобилизованным в Казахской ССР, она получила наименование «85-я Казахская стрелковая

---

¹ Аль Д. Приказа умирать не было // Аль Д. Приказа умирать не было: Повести и рассказы. Л.: Лениздат, 1985. С. 7.

² Альшиц Д.Н. Масштабу и значению героической обороны Ленинграда – правдивую и достойную оценку! С. 192.

³ Альшиц Д.Н. Письмо писателю Виктору Астафьеву. С. 310.

⁴ Альшиц Д.Н. Масштабу и значению героической обороны Ленинграда – правдивую и достойную оценку! С. 192.

дивизия», а затем она стала 85-й стрелковой дивизией¹. В связи с этим соединением приводится одна деталь, интересная для суждения о положении в СССР довоенных и военных лет. Неофициально, в разговорах, дивизию называли еще кулацкой. Связано это было с тем, что в нее было мобилизовано немало спецпереселенцев из числа раскулаченных. Рассказывая об этом журналисту Аркадию Медведеву, Даниил Натанович рассказывал, что шутки на тему кулацкой дивизии прекратились, когда летом 1942 г., в очень тяжелое для Красной Армии время, дивизия освободила город Урицк. Бывшие кулаки показывали себя на фронте с самой лучшей стороны, и командование части нередко просило, чтобы дивизия пополнялась этим же спецконтингентом, который представляли собой бывшие репрессированные крестьяне-кулаки.

Всю войну Альшиц воевал на Ленинградском фронте. Он был на Ораниенбаумском пятачке, под городами Колпино и Пушкин. В дальнейшем участвовал в боях на территории Эстонии, в освобождении городов Нарвы и Раквере, а в сентябре 1944 г. побывал в освобожденном к тому времени Таллине. Об одном из эпизодов Альшиц позже писал в своей книге воспоминаний «Хорошо посидели!» Он вытащил из боя одного из бойцов и доставил его в медсанбат. Позже этот боец подарил ему финский нож, но такие ножи, писал Альшиц, были у многих офицеров на фронте. Нож этот «всплывет» после его ареста в 1949 г. во время обыска на его квартире².

Война подходила к концу. Между тем, Альшиц, уходя на фронт добровольцем, не доучился и не получил диплома об окончании университета. Ему предоставили возможность закончить учебу и в марте 1945 г. демобилизовали из рядов Красной Армии в воинском звании старшего лейтенанта. Боевые заслуги Даниила Натановича были отмечены орденами Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды, медалью «За оборону Ленинграда». Сам Даниил Натанович в своей автобиографии, написанной уже через много лет после войны, отмечал: «Великая Отечественная война – безусловно великая. Горжусь тем, что являюсь ее участником». Военная тема не-

¹ Альшиц Д.Н. Масштабу и значению героической обороны Ленинграда – правдивую и достойную оценку! С. 198.

² Альшиц Д.Н. Хорошо посидели! С. 30–31.

однократно звучала в его литературном, публицистическом и историческом творчестве.

С Великой Отечественной войной был связан весьма краткий период пребывания Альшица в рядах ВКП(б). Наиболее подробные сведения об этом содержатся в заявлении в отдел кадров ГПБ от 14 июня 1949 г.¹, а затем в дополнительных сведениях к анкете от 12 сентября 1972 г.² В дополнительных сведениях он писал, что был принят в партию в 1942 г., «в боевой обстановке, при формировании ударного коммунистического полка». При вступлении его в партию он «не указал в партийных документах», что отец его в 1930 г. «был арестован, а затем в административном порядке выслан из Ленинграда в район г. Красноярска». Это было сделано «под прямым влиянием организаторов полка – заявивших – “все равно погибнешь – так уж лучше коммунистом”». В заявлении 1946 г. он писал, что 9 февраля 1945 г. «партийным бюро упр. “СМЕРШ” Ленфронта» он был за это исключен из партии «после 9-ти месячного пребывания в чл. ВКП(б)». Подробное обоснование своего заявления об отмене этого решения и о праве его на восстановление в рядах партии он давал в заявлении 1949 г. Во-первых, ко времени его вступления в партию ссылка его отца уже закончилась, причем был «он вполне свободным человеком и даже ответственным работником». Во-вторых, отмечал Альшиц, он сам «всегда и везде работал честно» и «проявил себя в период войны, как это отмечалось даже при исключении». В-третьих, он указывал, что исключение его из партии прошло с нарушением, «в обход партийного собрания», которое его, как он писал, «не исключало». Он подал дело на пересмотр в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б). Однако комиссия подтвердила исключение. В решении комиссии, как отметил Альшиц, была неточность в формулировке, поскольку в ней говорилось о высылке его отца по решению суда. На самом деле, писал он, суда не было, а отец его «был выслан в административном порядке, без лишения в правах, даже на время высылки». В дополнительных сведениях 1972 г. Альшиц указал, что его исключение из партии и «энергичные жалобы послужили главным поводом к фальсификации против меня «дела» в

¹ ОАД РНБ. Ф. 10/1. Личное дело Отдела кадров Д.Н. Альшица № 1. Л. 12–12 об.

² ОАД РНБ. Ф. 10/1. Личное дело Отдела кадров Д.Н. Альшица № 3. Л. 39–40.

1949 году». При реабилитации же в 1955 г. ему было заявлено, что он может «в своих анкетах и биографиях “не ворошить” это прошлое, т.к. оно незаслуженно компрометирует меня и заслуженно компрометирует провокаторов времен культа личности». Новой попытки восстановиться в рядах уже КПСС Д.Н. Альшиц не делал. Во всяком случае, в документах его последнего личного дела о партийности его не говорится ничего.

1.4. Д.Н. Альшиц – узник ГУЛАГа

По-разному сложились судьбы фронтовиков. Некоторые из них в условиях нового, послевоенного витка массовых сталинских репрессий через определенное время после возвращения с фронта оказались арестованными и провели по несколько лет в тюрьмах и концлагерях вплоть до освобождения и реабилитации, наступивших при Н.С. Хрущеве. Наряду с фронтом суровой жизненной школой таких людей стал ГУЛАГ. Не удалось избежать этого Даниилу Натановичу. Впрочем, к своему аресту каждый из этих достойнейших людей шел своим путем. Весьма своеобразны были обстоятельства ареста и обвинения у Альшица.

Однако до возвращения с фронта до ареста в жизни его прошло немало событий. Исключение из партии не помешало ему после демобилизации с отличием окончить исторический факультет ЛГУ и поступить в аспирантуру Государственной Публичной библиотеки по специальности «Древнерусская рукописная книга». С начала 1946 г. он был принят на работу в эту библиотеку в должности старшего библиографа. Но, вспоминая в более поздний период свое психологическое состояние за время от окончания войны до ареста, он отмечал, что в нем как бы сосуществовали два человека. С одной стороны, это был «молодой, жизнерадостный, уверенный в себе, счастливый» человек, вернувшийся живым с войны, начавшим семейную жизнь, успешно защитивший интересную кандидатскую диссертацию. С другой – совершенно иной человек, не столько осознававший, сколько ощущавший вероятность наступления неблагоприятных перемен, человек «мрачный, растерянный, что-то вроде жалкой букашки, суетливо уползающей из-под наступающего на

него неумолимого сапога». Этот, второй человек, в отличие от первого, «болезненно, как-то очень лично реагировал на удручающие явления тогдашней общественной жизни, которые, следуя одно за другим, отравляли атмосферу, убивали всякую радость бытия и сулили еще более страшные “подарки” судьбы в будущем»¹. В качестве примера он приводил Постановление ЦК ВКП(б), относившееся к А. Ахматовой, М. Зощенко, автору «веселой и остроумной поэмы “Евгений Онегин в Ленинграде”» Хазину². Затем, после этого «литературного погрома» – «начались новые чудеса» – «борьба с “низкопоклонством перед Западом”». Кампанейщина порождала массу приспособленцев, пытавшихся использовать ситуацию для сведения счетов, для личных целей. «Больно было человеку, искренне любящему Россию и ее историю, видеть, как нелепая эта кампания унижает и выставляет на посмешище великую страну и ее действительно великую, не нуждающуюся в “приписках” культуру», – с горечью писал позже Альшиц. «Дикая эта возня», – отмечал Альшиц, – «естественным образом перешла в следующую более “высокую” фазу – в разоблачение “безродных космополитов”»³. Подобные настроения владели в эти мрачные годы многими представителями советской интеллигенции.

Между тем, эти настроения не мешали научной работе Альшица и работе его в Отделе рукописей Публичной библиотеки. По сравнению со студенческими годами круг научных интересов Альшица изменился. Если в то время его привлекала история борьбы русского народа за независимость во время нашествия Батюга и Куликовской битвы, то в аспирантуре в центре его внимания оказалась личность и эпоха Ивана Грозного, летописание его времени. По-видимому, интерес к проблемам этого царствования был не случаен и определялся некоторыми обстоятельствами. Во-первых, еще в студенческие годы, а затем как офицер-фронтовик, Даниил Натанович мно-

¹ Альшиц Д.Н. Хорошо посидели! С. 10–11.

² Имеется в виду Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. Сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД, 1999. С. 587–591.

³ Альшиц Д.Н. Хорошо посидели! С. 12.

гое повидал и понял, а его глубокое историческое мышление было способно выстраивать аналогии между российским прошлым и современностью, между тиранией второй половины XVI в. и сталинским режимом. Тем более, что такие аналогии напрашивались. Это, конечно же, вовсе не означает, что его сознание историка допускало какие-либо прямые параллели между двумя разными эпохами в жизни страны. Во-вторых, по-видимому, сказалось то обстоятельство, что в официальной идеологии сталинского времени сороковых годов, особенно после войны, активно формировался культ Ивана Грозного, который представлялся продолжателем дела объединения русских земель и защитником государственного единства. В-третьих, избранный им аспект проблематики царствования Ивана Грозного напрямую касался его работы в Государственной Публичной библиотеке, поскольку был связан с историей русской книжности эпохи позднего средневековья и касался загадки происхождения приписок к лицевым летописным сводам, сохранившим официальную версию истории страны этого царствования. Избранная тема, таким образом, носила многоаспектный характер. Она касалась как археографической проблематики, так и проблемы особенностей монархии Ивана Грозного и тирании его времени.

Работа шла быстро. Досрочно, за полтора года Даниил Натанович закончил работу над кандидатской диссертацией и защитил ее в 1947 г. в Институте истории Академии Наук СССР. К тому времени она вызвала значительный интерес и была опубликована в таком авторитетном научном историческом издании, как Исторические записки¹. Исследование стало широко известным и привлекло внимание специалистов. Но то же самое исследование послужило причиной репрессий против его автора. Способствовало его аресту развертывание в 1949 г. Ленинградского дела. Оно привело к тому, что власти стали уделять более пристальное внимание не только партийным и советским работникам, но и интеллигенции. 6 декабря 1949 г. Альшиц был арестован. Ему было предъявлено обвинение в антисоветской агитации, которой он, по собственному его более

¹ Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. Т. 23. 1947.

позднему замечанию, не занимался. Кроме того, в связи с выходом в свет его труда о приписках к лицевым сводам он был обвинен в том, что в нем содержалась пародия на редакторскую работу товарища Сталина над «Кратким курсом истории ВКП(б)». Эта версия была выдвинута следствием по показаниям одного из знакомых по Публичной библиотеке, которого он даже не называл по имени, но ограничился инициалом «П». Альшиц решительно отрицал это обвинение, заявляя, что в своем исследовании за пределы темы, относящейся ко времени Ивана Грозного, он не выходил, и это подтверждали оппоненты¹.

В воспоминаниях «“Своя” тюрьма», которые в 2010 г. стали частью его книги воспоминаний «Хорошо посидели!», Альшиц рассказывал о ходе следствия, пребывании в тюрьме, о так называемом «суде» и об отправке в лагерь. Под следствием он провел долгих десять месяцев². В этих воспоминаниях в нескольких штрихах он дал убедительный и выразительный портрет следователя Трофимова, который вел его дело. Указывая, что следователь не имел к нему личной неприязни, Альшиц при этом подчеркивал, что он выполнял задание, всячески старался спасти липовое обвинение и упрятать его в лагерь в качестве врага народа. Он при этом во время допроса заводил с ним разговоры на исторические, но отвлеченные от его дела темы, которые относились к Петру I или к Екатерине II, но не к Ивану Грозному, поскольку это было связано с обвинением. После завершения следствия он был переведен в общую камеру. Он оказался среди людей, также получавших статьи по совершенно нелепым обвинениям, причем некоторым дали по 25 лет. Сам Даниил Натанович по известной репрессивной статье 58, пункт 10, часть 1 получил Постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 28 июня 1950 г. 10 лет. Умевший замечать характерные детали явлений, Даниил Натанович указывал, что на воронке, увозившем его и других арестованных из тюрьмы на отправку в зону, было написано «Хлеб». Маскируя массовые репрессии под развозку продуктов питания, власти тем самым пытались не выставлять напоказ их чу-

¹ Альшиц Д.Н. Хорошо посидели! С. 115–116.

² Альшиц Д.Н. «Дела» и люди // Аль Д. (Альшиц Д.Н.) Шаги истории России из прошлого в будущее. С. 220.

довещные масштабы в послевоенный период. Но сделать из таких перевозок тайну можно было только на время.

Оказался Даниил Натанович в одной из зон строгого режима системы Каргопольлага Архангельской области. В своих воспоминаниях Альшиц отмечал, что он попал на самые тяжелые работы в лагере, которые были на лесоповале. Но через четыре месяца его внезапно вызвали к самому начальнику Каргопольлага полковнику Коробицыну. Причина интереса столь высокого начальника к простому ээку была связана с тем, что в «Исторических записках» вышла в свет публикация Альшица. Это был список опричников Ивана Грозного, который ему удалось разыскать. Случай публикации автора-заключенного по существу для советской исторической науки уникальный. Как писал Альшиц, эта публикация была сделана по инициативе ответственного секретаря «Исторических записок», известного историка Исаака Уриелевича Будовница, высоко оценившего статью, и была поддержана фактическим главой исторической науки в стране того времени, академиком Борисом Дмитриевичем Грековым. После получения этой публикации начальник Каргопольлага приказал снять Альшица с лесоповала и перевести его на такую работу, где он мог бы заниматься наукой. В лагерной судьбе Альшица это означало значительное изменение к лучшему. Новая лагерная должность пожарного в зоне не требовала такой тяжелой работы, как лесоповал, и оставляла время, чтобы он, по словам всемогущего в этих местах Коробицына, мог «продолжать свою научную деятельность»¹. Альшиц был глубоко признателен И.У. Будовницу за эту публикацию. Он прекрасно понимал, что ответственный секретарь немало рисковал, когда принимал публикацию арестованного по 58-й статье «врага народа».

Десять лет Даниилу Натановичу сидеть не довелось. После того, как пятого марта 1953 г. страна освободилась от Сталина, ушедшего, наконец, на тот свет, положение заключенных, в том числе сидевших по политической 58-й статье, как вспоминал сам Альшиц, стало более свободным. Между тем, началась реабилитация жертв политических репрессий. Альшиц при этом добивался освобождения не по амнистии, но по реабилитации, с признанием несостоятель-

¹ Альшиц Д.Н. Хорошо посидели! С. 222.

ности обвинения, воздвигнутого на него. Добиться освобождения посредством подачи обычного заявления ему не удалось. Он получал стандартные ответы, согласно которым для пересмотра дела и реабилитации нет оснований. Это заставило Альшица обратиться непосредственно к Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву. В таком обращении не было бы ничего удивительного, поскольку многие пострадавшие от репрессий обращались к нему. Но обращение Альшица было необычным по своей форме: оно было написано в стихах¹. Кратко и выразительно он выделил в стихотворении несколько смысловых пластов. Первый из них – незаконность, несправедливость с недоказанность обвинения. Обращает на себя внимание, что в этой части стихотворения Альшиц умело использовал политическую ситуацию, по существу подчеркивая заслугу Н.С. Хрущева в свертывании репрессий и в наказании руководителей органов госбезопасности, руками которых они творились. В самом деле, по его словам, «Одни только бериевские кретины, По счастью взятые теперь за жабры, Могли малевать такие картины, Такие строить абракадабры». К таким абракадабрам и относилось его следственное дело. Второй пласт – указание на свое участие в Великой отечественной войне и на свои немалые к тому времени заслуги в науке. Как он писал, «страну от фашистских ударов Я защищал не одним автоматом, А бился в ста тысячах экземпляров Книжки моей, выпущенной Воениздатом»². Наука, ее ценность, как подчеркивалось в стихотворении, всеильна. Никакое нелепое обвинение, состроенное «кретинами» от советской госбезопасности, неспособно остановить распространение в обществе научной мысли. Поэтому когда «в ходе архивных кротовых разрытий, Вздымавших рукописей пласты непочатые, Родилось немало полезных открытий (После ареста и то печатали)». И, наконец, Альшиц в своем письме прямо сказал о своем намерении вернуться на прежнее место работы в Публичную библиотеку, заявляя, что «Хочу одного: назад за решетки Отдела рукописей в Ленинграде». Для этого «Ваша помощь нужна, гражданин Хрущев», – обращался он к Первому секретарю.

¹ Полностью стихотворение-обращение опубликовано: там же. С. 332–334.

² Имелась в виду публикация в 1939 г. книги Д.Н. Альшица «Нашествие Батяя».

Письмо, которое само по себе является замечательным памятником общественной мысли того времени, по-видимому, сыграло свою роль. По Постановлению Центральной Комиссии по пересмотру дел от 3 января 1955 г. обвинительное постановление 1950 г. в его отношении было отменено. Через несколько дней, 15 января, он был реабилитирован за отсутствием состава преступления и освобожден. Повторная реабилитация Альшица произошла уже после падения коммунистического режима, когда в соответствии с Законом РСФСР от 18 января 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» он по заключению прокурора Санкт-Петербурга от 15 января 1992 г. попал под действие этого закона.

После встречи этого нового года Альшиц уже недолго пробыл в заключении. Через несколько дней он был реабилитирован и отбыл из лагеря в Ленинград.

1.5. Д.Н. Альшиц – ученый, писатель, драматург

После освобождения Даниил Натанович вернулся на свое прежнее рабочее место, в Отдел рукописей Публичной библиотеки. В нем он работал много лет, до 1 января 1983 г., занимая должности старшего, а затем главного библиографа. Помимо работы в одной из главных научных библиотек страны, он развернул в эти годы многогранную научную, литературную и театральную деятельность. Кроме того, с 1972 г. Альшиц преподавал в Институте культуры в должности доцента, а в 1984 г., вскоре после оставления Публичной библиотеки, становится профессором этого института.

Как отмечал Альшиц, в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов творческой деятельности интеллигенции способствовала культурно-историческая ситуация, сложившаяся в стране в период оттепели, неразрывно связанной с именем Н.С. Хрущева. В самом деле, волна реабилитаций, осуждение культа личности Сталина и массовых репрессий сталинского режима на XX съезде КПСС, решительное развенчание многих устоявшихся сторон жизни советского общества и принятых в годы культа личности порядков создавала самые благоприятные условия для творчества в научной и литературной сфере. Кроме того, она способствовала формированию в

художественном сознании сюжетов, отражавших ситуации отпелевного времени, в которых действовали вполне узнаваемые герои недавнего прошлого, выступавшие или в качестве палачей и тюремщиков, или жертв репрессий. С такой ситуацией был связан целый пласт отечественной культуры, в рамках которой Альшицу принадлежит достойное место. С полным правом он относится к кругу шестидесятников, являвшихся деятелями культуры, формировавшими и развивавшими в то время пространство свободы, создававшими условия для исключения реставрации сталинских порядков и массовых репрессий. К шестидесятиникам относил он и сам себя¹.

Вместе с тем весь жизненный опыт Даниила Натановича, основу которого составляли сороковые и пятидесятые годы, фронт и лагерь, предопределили важнейшую проблему всего его творчества. В полной мере она соответствовала представлению о смысле многовекового исторического пути человечества, которым, как обосновывали классики философской мысли нового времени, являлся тернистый путь к осознанию идеи свободы и воплощению ее в жизнь. Идея свободы красной нитью проходит через многие произведения Альшица. И даже если объектом его исследовательского внимания выступает общество, бесконечно далекое от идеалов свободы, такой идеал прослеживался как антитеза изучаемому им обществу, или такому состоянию Московского государства, которое возникло в результате объединения русских земель. Все это относилось к магистральной проблеме его научного исторического исследования, которой являлось становление русской государственности в эпоху Ивана Грозного. Самодержавная монархия этого царя, оказавшаяся в центре внимания историка, являлась начальной точкой, от которой началось трудное многовековое восхождение страны к свободе. Этапы на пути к ней составляли некоторые известные явления отечественной истории, которым Альшиц уделял внимание в разных своих произведениях, относящихся к исторической науке, и не только к ней. Это становление в Московском государстве слоя людей, честных и ответственных, собственников, для которых свобода становилась духовной потребностью. Это носители свободомыслия

¹ Аль Д.Н. Дискуссия о сатире и юморе – от Аристотеля до наших дней // Аль Д. (Альшиц Д.Н.) Шаги истории России из прошлого в будущее. С. 205.

в дореформенной и пореформенной России, «Салтыков и Щедрин», революционные потрясения начала XX в. и Великая Отечественная война. Считая XX век «веком подведения итогов» исторического развития России, Альшиц был в то же время далек от того, чтобы, подобно Гегелю, видевшему в современной ему Пруссии идеал общественно-политического устройства, считать, что в посткоммунистической России конца XX в. осуществились идеалы свободы. Критический и иронический взгляд Альшица на многое из того, что происходило в то время, как показали события первого десятилетия нынешнего века, вполне оправдал себя. На пути России к свободе возникло новое препятствие в виде властной вертикали и попыток втиснуть российское общество в умозрительный кабинетный концепт суверенной демократии, в котором от самой демократии мало что оставалось. Он был также далек от идеи конца истории, которая стала подниматься в философско-исторической мысли конца прошлого века, и, тем более, не считал, что все изменения девяностых годов, означавших шаг нашей страны на пути к свободе и демократии, означали конец российской истории.

Другим объектом исследовательского интереса Альшица стал человек в разных исторических ситуациях, от времени Ивана Грозного до человека советского времени, его современника. В разных своих произведениях он создал множество образов людей и характеров, не обязательно положительных, но ярких и запоминающихся. В ситуации, когда в европейской исторической науке разворачивались дискуссии по вопросу выбора в качестве главного объекта исследования разного рода общественных структур или человека, прослеживается стремление Альшица к ориентации на познание человека. И хотя советская историческая наука шестидесятых-семидесятых годов по-прежнему развивалась в значительной мере изолированно, среди наших историков также усиливался интерес к проблеме личности в истории, к антропологической направленности научного исторического познания. Заметно при этом, что особым объектом внимания Альшица стал историк как личность, испытывавшая глубокую потребность в создании условий для свободы мысли в качестве исключительно важной предпосылки его познавательной и вообще исследовательской деятельности. Личность историка стала

проблемой всего его творчества, научного, публицистического, литературного. Его интересовала тема историка на войне и в условиях хрущевской оттепели, значения петербургской исторической школы и продолжения ее традиций среди историков послереволюционного Ленинграда.

Наконец, исключительно яркая отличительная черта творчества Альшица – смех. Для будущего историка смеховой культуры, относящейся к позднему советскому времени, его произведения представят несомненный интерес. Он владел всеми формами выражения комического в литературе, от мягкого юмора до сатиры, и ввел в отечественную литературу целый ряд героев, вызывающих сочувственный или саркастический смех читателя.

Главной темой Альшица стала история формирования самодержавной монархии в эпоху Ивана Грозного и роль в ее создании опричнины и опричных репрессий. В 1983 г. в Ленинградском отделении Института истории СССР Академии Наук СССР им была защищена докторская диссертация «Опричнина и формирование власти самодержавия. Разыскание и исследование новых исторических источников». В самой формулировке темы заметен особый интерес историка к источнику, к поисковой работе исследователя и к выявлению в нем разных смыслов. В этом состоял результат многолетней его работы в Отделе рукописей Публичной библиотеки, в том числе исследование приобретенной в 1958 г. Публичной библиотекой рукописи о купце Харитоне Белоулине, погибшем в период опричнины. Помимо этой повести, им были введены в научный оборот некоторые другие рукописи, среди которых был список опричников двора Ивана Грозного. Он, кроме того, участвовал в работе по каталогизации и научному описанию собраний древнерусских книг, в частности, Кирилло-Белозерского монастыря, исторической коллекции Эрмитажного собрания и других. Итогом работы в Отделе рукописей стал вышедший в 1968 г. труд «Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей», представляющий собой научное описание этого огромного собрания.

В сферу интересов Альшица вошла одна из «вечных» проблем отечественной историографии и истории русской литературы, которой являлось «Слово о полку Игореве». Он выступал в прениях на

известном заседании в Секторе древнерусской литературы 27 февраля 1963 г., где делал доклад А.А. Зимин, доказывавший, что произведение было создано не в средневековье, но в XVIII в. Известно, что Альшиц не поддержал Зимина. Но в то же время он не поддержал на этом заседании его противников, поскольку, в отличие от них, доказывал, что «Слово» было создано гораздо позже неудачного похода князя Игоря на половцев 1185 г., в первой половине XIII в., когда объединение сил русских княжеств было особенно актуально накануне монгольского нашествия.

В ноябре 1961 г. состоялся настоящий литературный триумф Альшица, когда Академический Театр комедии под руководством режиссера Николая Павловича Акимова поставил написанную им совместно с Л.Л. Раковым комедию «Опаснее врага». Триумф был вполне заслуженным, и с этого времени он становится широко известным в стране и за ее пределами писателем и драматургом. После этого Альшицем были написаны другие произведения драматургии на исторические темы. Свой богатый опыт работы в театре он изложил в учебном пособии для студентов художественных вузов «Основы драматургии», которое выдержало два издания, относящихся к позднему советскому и к постсоветскому времени.

Еще большая литературная известность пришла к Альшицу после выхода в свет его военных повестей и рассказов под общим заголовком «Приказа умирать не было». В качестве художника он сохранял глубокий историзм, характерный для его мышления как историка и, как писал он, в повестях и рассказах нет «выдуманых эпизодов. Все рассказанное имело место в действительности, вплоть до деталей»¹. Эти рассказы также были с интересом восприняты читателем.

Как справедливо отмечали коллеги Даниила Натановича из Российской национальной библиотеки, в начале шестидесятых годов он сыграл огромную роль в борьбе за сохранение ценнейших рукописных фондов библиотеки. Когда в системе Центральных архивов возник проект передачи множества рукописных сокровищ из библиотеки в другие архивы, именно Альшиц, по словам его коллег, «поднял всю научную общественность, объединил ее и без преувеличения спас

---

¹ От автора // Приказа умирать не было. С. 4.

наш отдел, исторически сложившийся в недрах Публичной библиотеки от механического разъединения всех наших коллекций и фондов».

Конец девяностых годов и нулевые годы ознаменовались изданием нескольких книг, в которых подводились общие итоги исследовательской работы и художественно-публицистического осмысления Альшицем отечественной истории. К 1998 г. относится выход в свет сборника «Становление российской государственности. Начало самодержавия в России. Цикл монографических исследований 1947–1997 гг.», включавший в себя избранные научные труды за пятьдесят его творческих лет. Вклад Даниила Натановича в науку был отмечен указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 12 января 1994 г. о присвоении ему звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Большой сборник научных, публицистических и литературных произведений Даниила Натановича, «Шаги истории России из прошлого в будущее», был опубликован в 2006 г. Основным его содержанием был анализ исторического опыта России и размышление о будущих ее судьбах. Глубокий интерес Альшица к русской классической литературе, близость его мышления к гоголевскому восприятию реальности в категориях смеховой культуры Н.В. Гоголя предопределили появление его сборника «Гоголь – наш современник». Отдельным изданием вышел сборник, посвященный событиям Великой Отечественной войны «За нами был наш гордый город. Подвигу Ленинграда – правдивую и достойную оценку». В центре авторского внимания были в ней вопросы, связанные с обороной Ленинграда.

Как человек, живо интересующийся окружающим миром, Д.Н. Альшиц объездил разные города и республики Советского Союза, в том числе Ростов-на-Дону, побывал за рубежом. В 1967 г. он вместе со своей второй женой, Тамарой Александровной Мельниковой, с которой у него было пятьдесят лет совместной жизни, на гонорар, полученный за издание одного из своих драматических произведений, побывали в первом арктическом туристическом рейсе от Мурманска до Игарки. Туристический рейс предусматривал заход на Землю Франца Иосифа, где туристы на шлюпке ездили на арктическую полярную станцию.

На склоне лет Даниил Натанович не только сохранял свои прежние ценности свободы, но и отстаивал их. Он при этом отмечал, что

в условиях новой России эти идеалы и их носители, шестидесятники, подвергаются не только критике, но и снисходительной насмешке. «Самое мягкое из тех расхожих определений, которыми их теперь постоянно награждают, примерно такое: наивные, социально озабоченные дуралеи-романтики, всерьез надеявшиеся придать человеческое лицо социализму. Словом, не просто обыкновенные “совки”, а еще того хуже – “соцки”»¹. Как глубокий социальный аналитик, Альшиц совершенно справедливо указывал: «Разве те, кто был “опаснее врага” в прошлом – номенклатурщики, занимавшие руководящие посты в политике, в экономике, в науке без достаточных для этого ума, знаний, честности, полезности – не расплодилось сегодня в еще больших количествах? Разве не стали они еще более опасными, потому что сделались еще более наглыми и хищными, и во много раз менее ответственными?»² Социальный и культурный анализ сделан весьма точно. Дорвавшиеся до собственности прежние советские номенклатурщики, озабоченные охраной системы, обеспечивавшей им такую собственность, составили мощный, сплоченный слой, являющийся прочной опорой новейшей российской диктатуры, главной идеей которой является сохранение власти в своих руках. И, как личность, сохранившая ценности и идеалы шестидесятников, Альшиц не мог принять новых реалий российской жизни первого десятилетия наступившего века с ее достойными наследниками многовекового самодержавия и сталинского тоталитаризма.

В феврале 2009 г. сообщество российских историков и театральный мир отметили девяностолетний юбилей Альшица. Признанный на родине и за рубежом ученый, один из известных драматургов и писателей, Даниил Натанович продолжал трудиться, внося вклад в развитие отечественной исторической мысли и духовной культуры современной России. Еще в 2010 г., как отмечал журналист А. Медведев, он читал лекции студентам, занимался активной творческой работой, щедро делится своими огромными знаниями с молодым поколением³.

13 февраля, в возрасте 93 лет, Даниил Натанович скончался в Санкт-Петербурге. Он был похоронен на Серафимовском кладбище

¹ Дискуссия о сатире и юморе – от Аристотеля до наших дней. С. 205.

² Там же. С. 209.

³ Медведев А. Указ. соч.

города. Как отмечалось в некрологе, написанном коллегами из Российской национальной библиотеки, где он многие годы успешно и плодотворно работал, Даниил Натанович «запомнится энергичным, остроумнейшим, деятельным человеком, не терпящим никакой ссорности, бездарности, посредственности и рутины. Боец по натуре, он всегда поднимал самые острые, злободневные вопросы и умел вещи называть своими именами». Эти слова очень хорошо передавали глубокое впечатление, которое оставил на знавших его людей этот выдающийся ученый, драматург и писатель.

Глава 2

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ Д.Н. АЛЬШИЦА

2.1. Первые научные исследования Д.Н. Альшица

Не так уж часто студенту удается издавать свои научные труды. Тем более относится это к первокурсникам, которые даже по самоощущениям в студенческой среде не готовы к такой серьезной работе. И тем более это относится к тому случаю, когда публикация первокурсника сделана на весьма высоком научном уровне. Студент-первокурсник Даниил Альшиц издал свою первую публикацию в 1938 г.

Посвящена она была месту Куликовской битвы в национальном историческом сознании русского народа, исключительно сложно-му явлению, связаному с событием, изучавшимся на первом курсе исторического факультета, которым была Куликовская битва. Сильной стороной этой небольшой работы, выполненной в формате статьи, оказался внимательный анализ источников, который позволил с достаточной надежностью и глубиной обосновать вывод, относящийся к политической ситуации на Руси конца XIV–XV вв. и к особенностям русского исторического сознания в то время. В центре авторского внимания оказалось освещение Куликовской битвы в новгородском летописании. Так, Альшиц показал, что в Новгородской IV летописи 1448 г. на первый взгляд имело место освещение событий, благоприятное по отношению к Москве. Но за внешней дружественностью рассказа автор летописи «был врагом Москвы, старающимся влить каплю дегтя в каждую бочку меда». При этом, по словам историка, летописец брал сведения из Московской княжеской (Симеоновской) летописи и из Новгородской I летописи. Из первой он брал «похвальные для Москвы сведения», а из второй – «методы умаления московских успехов»¹. Так, одним наглядным примером является описание в рассказе о Куликовской битве бег-

¹ Альшиц Д.Н. Роль Куликовской битвы в определении национального самосознания русского народа // Альшиц Д.Н. Шаги истории России из прошлого в будущее. С. 65.

ства литовского князя Ягайло. Уже после одних только известий о победе русских сил над ордой Мамай этот князь «побегоша назад со всей своей скоростью никем же гоними». По утверждению Альшица, фраза имела еще один, прямо не высказанный смысл. Ранее, в соответствии с этим вторым смыслом, «от одного имени великого князя Дмитрия враги наши трепетали», но теперь «ничего похожего нет». Тем самым летописец внес в свой текст явно антимосковский смысл. И вообще, по замечанию историка, «для каждой похвалы, для каждого дружелюбного Москве описания Новгородской IV летописи можно было бы отдельно доказать их двойственность, компромиссность или неискренность»¹.

Проявлением этого он считал содержащийся в летописи «прием обожествления причины всякого события, так или иначе говорящего в пользу Москвы». Это прямо относится к характеристике великого князя Дмитрия Ивановича, доблесть которого и его победа объяснялась помощью бога. По словам Альшица, летописец внушал читателю мысль, что «если бы не бог, то Дмитрия Ивановича пришибли бы очень скоро, во всяком случае раньше, чем он успел бы высказать даже стремление к смелости и героизму»². Таким образом, победа на Куликовом поле было не столько заслугой великого князя и героизма москвичей и других участников битвы, сколько помощью высшей силы. Вокруг события создавалась «религиозная, церковно-духовная романтика, направляющая восторги и благодарность народа не в сторону “орудия божьего” Москвы, а, минуя его, непосредственно к богу»³.

Такое отношение к Куликовской битве в Новгородской IV летописи было, как подчеркивал Альшиц, вызвано внутренним положением в Новгороде. Летописец, несомненно, представлял интересы тех кругов новгородского боярства, которые стремились к сохранению новгородской независимости и не желали присоединения к Русскому государству под властью великого князя московского. Вместе с тем он не мог не учитывать того, что, как подчеркивал историк, отношение широких слоев новгородского населения к Москве

¹ Там же. С. 67.

² Там же. С. 66.

³ Там же. С. 68.

и к формировавшемуся вокруг Москвы Русскому государству было совершенно иным. Что же касается Куликовской битвы, то она была «политической ценностью в памяти новгородских низов, тяготевших к Москве», и была «сильнейшим агитационным орудием в руках московской партии середины XV в. в Новгороде, ею сторонники Москвы попрекали боярскую антимосковскую верхушку»¹.

Вместе с тем Альшиц поставил вопрос об особенностях освещения Куликовской битвы в тверском летописании по сравнению с новгородским. Он подчеркивал, что если Новгородская IV летопись представляла собой компромисс между сторонниками и противниками Москвы в Новгороде, то освещение Куликовской битвы в тверском летописании было иным. Объяснял он это тем, что «тверская правящая верхушка – тверские князья – правила единодержавно», тогда как новгородское боярское правление должно было считаться с народом при наличии в городе демократического устройства значительно больше. Поэтому не случайно, подчеркивал он, сообщение о Куликовской битве в тверском летописании московская «цензура начисто выкинула»² при переработке в духе московских интересов тверских летописных записей.

Вместе с тем Альшиц проанализировал еще одно произведение, посвященное Куликовской битве. Это было «Поведания Софония», или «Задонщину», автором которой он считал рязанского монаха Софония. Он обратил внимание на то, что в историографии было принято считать, что «Задонщина» восходит к «Слово о полку Игореве». Он привел мнение А.А. Шахматова, что «Задонщина» является своего рода плагиатом, когда создавал «Поведания» «бесталанный книжник, неспособный создать что-либо свое, а по сему подставляющий в заведомо хорошие литературные формы новые имена и даты»³. С этим выводом Альшиц не согласился. Он стремился показать, что автор «Поведания» Софоний не был плагиатором, имел несомненный литературный талант и четко выражал свою политическую позицию. Что же касается «Слова» как литера-

¹ Альшиц Д.Н. Роль Куликовской битвы в определении национального самосознания русского народа. С. 68–69.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 70.

турного образца для «Поведания», то оно было выбрано не только в силу своих литературных качеств, но и своей политической тенденции, состоявшей в наличии в «Слове» призыва к единению русских князей. Как подчеркивал Альшиц, Софоний давал исключительно высокую оценку действиям великого князя Дмитрия Ивановича, других русских князей и русских войск в Куликовской битве. Он обращал внимание, что в произведении «15 раз повторяет Софоний, что Дмитрий Иванович и его богатыри сражались “за землю русскую и за веру христианскую”»¹. Он тем самым, согласно Альшицу, ставил Дмитрия Ивановича в пример многим другим князьям. По мнению историка, Софоний подчеркивал, что победа на Куликовом поле принесла славу князю Дмитрию Ивановичу во всем мире, и в этом содержалась самая высокая оценка этой победы.

Вместе с тем, говоря об этой победе, по наблюдению историка, Софоний писал, что «у царей татарских отпала охота на русскую землю ходить»². Он заметил, что эти слова дают основание для датировки произведения Софония. В самом деле, подчеркивал он, написано «Поведания» было в 1382 г., но до нашествия хана Тохтамыша, когда была сожжена Москва. После этого события было бы невозможно писать о том, что у этих «царей татарских» не было возможности и желания ходить на русские земли.

Наконец, самый главный вывод из анализа произведения состоял в том, что оно было создано, по аналогии с Новгородской IV летописи, с учетом внутренней обстановки в Рязанском княжестве. Известно, что рязанский князь Олег не выступил на стороне Москвы в Куликовской битве, а в Рязани князья «наиболее активно враждовали с Москвой». Однако и в этом княжестве имела «симпатизирующая Москве среда», и это – «главным образом рязанские горожане, купцы, ремесленники, посад». Софоний же вовсе не «писал на свой страх и риск», он «имел за собой серьезную силу»³.

Завершая свой анализ, Альшиц отмечал, что других документов, по которым можно было бы судить об отношении широких слоев русского населения к Куликовской битве, нет. Тем не менее, и в

¹ Там же. С. 73.

² Там же. С. 75.

³ Там же. С. 76.

проанализированных источниках, по его мнению, оценка народом Куликовской битвы и его стремление к объединению «проступают довольно ясно»¹. Не все положения, высказанные в данной статье Альшицем, получили в дальнейшем поддержку в науке. Так, высказывалась точка зрения, согласно которой Софоний не был автором «Задонщины». Автор произведения не известен, но он использовал «Слово о полку Игореве», а также не дошедшее до нас произведение Софония. Указывая на это, Р.П. Дмитриева обращала внимание, что данный вывод вполне согласуется с гипотезой А.А. Шахматова об общем источнике «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище», которым было «Слово о Мамаевом побоище»², не дошедшее до нас. Тем не менее, статья Альшица содержит интересные мысли. Содержащиеся в ней выводы, относившиеся к месту Куликовской битвы в русском историческом сознании конца XIV–XV вв., были выстроены на анализе содержания текстов исторических сочинений, относившихся к этой битве. В статье молодого историка проявилось его ярко выраженное стремление читать источники и вскрывать содержащиеся в них смыслы, видеть вторые планы авторских замыслов. Издание этой статьи, которая не случайно привлекла внимание историков ЛГУ, свидетельствовало о появлении на первом курсе историка, способного к интересному научному творчеству.

Вторая научная публикация Д.Н. Альшица относилась к 1939 г., когда он учился на втором курсе. Посвящена она была исторической трагедии русских земель, которую представляло собой нашествие монголов. Она свидетельствует, что глубокий интерес к русскому средневековью, который сформировался у Альшица еще на первом курсе, сохранялся и позволял ему ставить новые проблемы. Совершенно очевидно, что проблема в историческом труде ставится современной историку социокультурной ситуацией, которая самым серьезным образом воздействовала на массовое сознание. Заключалась она в том, что в качестве важнейшего факта современной жизни воспринималась угроза новой большой войны, которая надви-

¹ Альшиц Д.Н. Роль Куликовской битвы в определении национального самосознания русского народа. С. 77.

² Дмитриева Р.П. Об авторе «Задонщины» // Сказание и повести о Куликовской битве. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1982. С. 368.

галась со всей очевидностью. В этой связи военная история страны воспринималась как проблема, вызывавшая все более глубокий интерес советского общества, а понимание ее с неизбежностью переносилось на ситуацию текущего времени.

Вместе с тем постановка проблемы, относящейся не к военным победам России, но к трагическому исходу ее военного противостояния с сильным и жестоким противником, была также не случайна. В определенной степени в этом сказалось следование культурной традиции, выражением которой являлось «Слово о полку Игореве», когда трагический исход похода 1185 г., предпринятого князем Игорем Святославичем против половцев, оказался, возможно, в центре внимания неизвестного автора, видевшего в княжеских распрях и усобицах опасность ослабления страны перед внешним врагом. Едва ли поэтому случайно студент-второкурсник Даниил Альшиц, пристально следивший за событиями, решил поставить в центр своего внимания историю нашествия монголов.

Несомненно, что молодой историк при этом очень хорошо знал, что нашествие Батыя описывалось в русской историографии множество раз, и в средние века, и в новое время. Поэтому перед ним с неизбежностью вставал вопрос о том, что нового можно сказать по этой теме историку его времени. Содержание этой публикации свидетельствует о том, что определенную новизну в этих известных событиях, в духе своего времени, Альшицу найти удалось. Следует вместе с тем учитывать, что Альшиц, несомненно, имел в виду, что книга была заказана ему наркоматом обороны. Тем самым он понимал, что его книга должна носить популярный характер. Это означало, что при сохранении научности она должна быть принята широким читателем, которыми могли быть школьники, рабочие колхозники, красноармейцы. Создание такой книги было делом не простым.

Структура книги включала в себя несколько составных частей. Началом ее был рассказ об избрании в 1206 г. съездом монгольских феодалов на реке Онон Темучина Чингисханом. Еще одной завязкой стало освещение им состояния русских земель накануне монгольского нашествия. Кульминацией стали события военной истории, которыми были битва на Калке 1223 г. и защита русских городов во время Батыева нашествия 1237–1240 гг.

Говоря об избрании Чингисхана, он обратил внимание на две детали, которые должны были особо привлечь внимание читателя. Одна из них свидетельствовала о том, что это избрание сопровождалось исключительной жестокостью. Альшиц писал, что Чингисхан «приказал ... сварить не пожелавших ему подчиниться ханов» в семидесяти «больших котлах». Другая деталь заключалась в связи между избранием Чингисхана и завоеваниями монголов. Чингисхан в книге Альшица говорил: «Этот народ ..., который среди всевозможных опасностей сопровождал своей преданностью каждое мое усилие, я хочу возвысить над всем, что движется по земле»¹. Тем самым он весьма точно учел особенности массовой психологии советских людей предвоенного времени. История страны, подчеркивал тем самым он, знала столкновение в прошлом с сильным и исключительно жестоким врагом. Вместе с тем он обращал внимание на то, что восточный тиран будто бы ставил задачей «возвысить» свой народ над другими. Перед читателем немедленно возникало представление о ситуации конца тридцатых годов, когда подобную же программу заявляли немецкие нацисты.

Что касается положения на Руси, то в качестве определяющей его черты Альшиц выделил ее политическую раздробленность. Оценивал он ее односторонним образом, как крайне негативное для страны явление. Следствием ее он считал «падение ее военной мощи и неспособность противопоставить врагам единый фронт обороны». В результате «Литва, Польша, немецкие рыцари, шведы, половцы – пользовались отсутствием взаимопомощи между русскими князьями и захватывали в разное время отдельные русские земли». Несомненно, что такая характеристика раздробленности, даже на уровне советской историографии того времени, не может быть признана вполне научной. Не учитываются объективные причины политического распада прежнего относительного единства в рамках Киевского государства, а также некоторые ее позитивные последствия, которые привели к хозяйственному и культурному подъему на местах, к увеличению количества городов в пределах русских княжеств и земель. Альшиц, несомненно, знал, что раздробленность на Руси не

¹ Альшиц Д.Н. Нашествие Батые. М.: Гос. воен. изд-во НКО Союза ССР. М., 1939. С. 4.

сопровождалась одними негативными последствиями. Но его книга была популярной. Она не претендовала на раскрытие всей сложности и противоречивости внутренней жизни Руси того времени. Ему необходимо было выделить главенствующие условия, которые привели в конечном счете к завоеванию страны монголами. Для широкого читателя популярной книги все это было весьма убедительно.

Переходя к изложению событий, которые привели к установлению власти ханов над русскими землями, Альшиц подчеркивал, что в этих трагических событиях народ проявил «такие чудеса стойкости, героизма и любви к родине, что и сейчас нельзя без волнения и гордости перечитывать эти благороднейшие страницы его истории»¹.

Так Альшиц провел переход к основному содержанию книги, которое составляла борьба с захватчиками. Ему удалось создать яркие картины этой борьбы, как и страшной жестокости противника, которые не могли не запомниться читателю. Рассказывая о битве на Калке, он особо выделял доблесть молодого галицкого князя Даниила Романовича. «Князь Даниил, возбужденный и разгоряченный, носился на своем коне по полю, ввязываясь то в одну, то в другую стычку. Шлем Даниила съехал назад, из-под него выбились черные кудри, красивое лицо было запачкано кровью. Но он не замечает ничего, врубался в самую гущу врагов, увлекая за собой дружинников, опрокидывая и расстраивая вражеские ряды»². В самом деле, об активном участии в битве сообщается в летописи³. Вместе с тем подробности, приведенные в книге, выходят за рамки исторических сведений из летописи. Но в этих строках с очевидностью проявилось умение автора создавать яркие художественные образы излагавшихся им событий. Что касается самой битвы, то поражение союзников, русских и половцев, Альшиц объяснял бегством половцев, в результате которого были расстроены русские ряды. Другой причиной он считал отсутствие необходимого для победы единства в самих русских рядах. Если бы, по его словам, «мужество, выносливость и сила, проявленные русскими на Калке, сочетались с единством действий,

¹ Там же. С. 8.

² Там же. С. 14.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 743–744.

то татары были бы наголову разбиты, и дорога на Русь была бы им надолго заказана. Но единства не было»¹. Конечно, тем самым он вступал в сферу предположений. В советской исторической науке это не вполне поощрялось, поскольку считалось, что строгая наука не могла ставить вопрос об исторических альтернативах. Определялось это представлением о существовании исторических закономерностей, которым подчиняется ход событий. Такое представление о строгой исторической предопределенности восходило еще к историческому мышлению эпохи Просвещения и к тому времени, когда философией истории был позитивизм. Оно было принято и в советской историографии. Вместе с тем в данном случае сделанное Альшицем предположение, которому он, конечно же, не давал глубокого обоснования, соответствовало идеологическому и политическим потребностям того времени, когда накануне неизбежной войны власть стремилась укрепить единство общества, подорванного революцией, гражданской войной и массовыми репрессиями.

Мысль об отсутствии единства среди русских князей Альшиц подчеркивал при изложении последующих событий. Так, говоря о взятии Рязани Батыем в 1237 г., он отмечал, что великий владимирский князь Юрий Всеволодич «отказался помочь рязанцам, так как вспомнил старую, начавшуюся еще его отцом вражду владимирского князя с рязанским. Отказывались помочь рязанцам и черниговские князья, обиженные на них за неучастие в Калкском походе»².

В этом, подчеркивал Альшиц, состояли исторические уроки событий далекого прошлого, когда русские земли были завоеваны и попали под ханскую власть. «Советский народ, – делал вывод он, – как зеницу ока бережет свое отечество и безжалостно пресекает попытки врагов разорвать великую дружбу братских народов. Он в состоянии на любой удар врага ответить двойным ударом и на территории противника завершить его разгром. СССР крепок, могуч, непобедим!»³ Эти заключительные слова книги несли в себе не только патриотический пафос. В них свидетельство того, что в книге решались не только просветительские, но и пропагандистские задачи.

¹ Альшиц Д.Н. Нашествие Батыя. С. 19–20.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 47.

Накануне войны постановка таких задач была не случайна. И, поскольку ее читали красноармейцы на фронте, то можно сказать, что она сыграла свою роль. Несомненно при этом, что научное значение ее крайне невелико.

Таким образом, еще на первых курсах исторического факультете студент Даниил Альшиц отметил издание двух исторических трудов, одного в формате статьи, другого – в виде книги. Статья свидетельствовала о способности его к самому серьезному научному историческому анализу, книга – об умении вести популяризацию исторических знаний для широкого читателя. Так еще в студенческие годы начиналась научная работа историка Д.Н. Альшица.

2.2. Д.Н. Альшиц как историк эпохи Ивана Грозного: Вопрос о приписках к Лицевым летописным сводам

Вскоре после Великой Отечественной войны, поступив в аспирантуру при Государственной Публичной библиотеке, Д.Н. Альшиц поставил в центр своего исследовательского внимания политическую ситуацию в России времени Ивана Грозного. Результатом его исследования явилась кандидатская диссертация, основные положения которой были изложены им в обстоятельной статье, опубликованной в год защиты диссертации¹. Центральной ее темой оказались приписки к Лицевым летописным сводам, создававшимся в период этого царствования. Данные приписки представляли собой глоссы, или такие приписки, которые не сливаются с основным текстом и визуально существовали отдельно от него. Содержались они в последнем, десятом томе Лицевого летописного свода, в Синодальном списке так называемой «Никоновской летописи с рисунками». В нем сообщалось о событиях времени царствования Ивана Грозного, происходивших в 1535–1567 гг. Они представляли собой редакторскую работу над текстом.

¹ Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 23. С. 251–289. Повторное издание этой статьи: Альшиц Д.Н. От легенд к фактам: разыскания и исследования новых источников по истории допетровской Руси. СПб.: Наука, 2009. С. 79–123.

Интерес к этим припискам определялся тем, что, по мнению Альшица, они имели политическое содержание и были поэтому весьма важны. И, поскольку они представляли собой порчу уже написанного и украшенного рисунками листа рукописи, он предположил, что такая порча могла быть создана лицом, «обличенным большими полномочиями и большой властью»¹. Как отмечал Альшиц, в 1769 г. выдающийся историк князь М.М. Щербатов обнаружил рукопись, которую он назвал «Царственная книга». По своему содержанию она представляла собой переписанный начисто Синодальный список с включением в текст глосс из этого списка, которые превратились, таким образом, из глосс в интерполяции. В отличие от глосс, интерполяции сливаются с тестом². Таким образом, в Царственной книге были учтены замечания, сделанные в Синодальном списке, что отразил текст этой книги. Но и к этому исправленному тексту Царственной книги тем же почерком были сделаны новые приписки, по оценке Альшица, «особо острого политического содержания»³. Эти приписки, отмечал историк, в отдельных случаях являются единственным летописным источником о событиях.

Эти приписки, считал Альшиц, ставили перед исследователями истории Ивана Грозного ряд вопросов. Это – такие, как вопрос об авторстве приписок, об источнике содержащихся в них сведений и о причинах появления приписок с правками текста. Кроме того, возникали вопросы о том, как и когда делались приписки, сколько времени прошло между приписками к Синодальному списку и к Царственной книге. На эти вопросы, актуальные для понимания политической ситуации времени Ивана Грозного, он попытался дать ответ.

Предварительным условием для ответов на эти вопросы Альшиц считал датировку Лицевых сводов. Он принял вывод известного археографа Н.П. Лихачева о создании их не в XVII, но в XVI в. Этот вывод был сделан на основании анализа водяных знаков бумаги, на

---

¹ Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам // Альшиц Д.Н. От легенд к фактам. С. 80.

² Лихачев Д.С. Текстология. На материалах русской литературы X–XVII веков. Л.: Наука, 1983. С. 87–88.

³ Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам // Альшиц Д.Н. От легенд к фактам. С. 81.

которой эти своды были написаны, что позволяло вести дальнейшее исследование. Касалось оно времени возникновения Синодального списка и сделанных к нему приписок. Альшиц отрицал простейший и поверхностный ответ на вопрос, согласно которому Синодальный список относится к 1567 г., и считал, что завершилось создание этого списка в более раннее время. Исходил он из того, что последние приписки, или следы редакторской работы, относятся к 1557 г. Но завершение этой работы он отнес к несколько более позднему времени. По его мнению, текст за период до 1560 г. включительно отличается от текста, начиная с этого года до 1567 г. Об этом свидетельствовали внешние признаки текста. Так, по его наблюдению, с 1560 г. изменилась система организации материала в тексте летописи. До этого года записывались отдельные рассказы с заголовками, причем заголовки выделялись киноварью. Но с 1560 г. заголовков уже значительно меньше, в тексте ставятся только выражения «того же лета» и «того же месяца». Как указывал Альшиц, первая часть Синодального списка, до 1560 г., создавалась под наблюдением митрополита Макария, умершего 31 декабря 1563 г.¹

Решая вопрос о времени создания приписок к Синодальному списку, Альшиц обращал внимание на различия между приписками к этому списку и текстом более поздней Царственной книги. Так, в Синодальном списке содержится рассказ о событиях 1539 г., в котором сообщалось, что боярин Михаил Васильевич Тучков пострадал и явился жертвой усобицы между князьями Василием и Иваном Шуйскими и Иваном Бельским. Но в Царственной книге, в которой, как отмечал Альшиц, обычно с точностью переписывался Синодальный список с поправками, события 1539 г. излагаются иначе. В них боярин Тучков подается уже не как жертва усобицы, но как один из «зачинщиков кровавых местнических споров»². Такую перемену Альшиц объяснял родственной связью между Тучковым и князем А.М. Курбским, который в 1564 г., во время Ливонской войны, бежал к противнику, в Литву. Такая родственная связь вызывала очевидную неприязнь царя к Тучкову, что отразилось в Царственной книге, где запись об этих событиях, содержавшаяся в Синодаль-

¹ Там же. С. 91.

² Там же. С. 93.

ном списке, была отредактирована. Еще одним указанием на дату создания Синодального списка было, по мнению Альшица, знакомство князя Курбского с записью о взятии в 1552 г. Казани, в котором князь активно участвовал. Но такое знакомство могло иметь место до отъезда в 1559 г. его из Москвы. Поэтому, делал вывод Альшиц, Синодальный список был создан до 1559 г., во всяком случае, та его часть, которая была доведена до взятия Казани включительно. Еще одним доказательством создания Синодального списка до 1564 г. было, по мнению Альшица, отсутствие негативных характеристик главы Избранной рады Алексея Адашева. В списке есть рассказ об участии Адашева в расследовании событий 1553 г., когда многие бояре во время болезни Ивана Грозного отказывались целовать крест его сыну, «пеленочнику» Ивану и готовы были выдвинуть на престол двоюродного брата царя, князя Владимира Андреевича Старицкого. Но уже в письме бежавшему князю Курбскому 1564 г. об участии в событиях 1553 г. «собаки Алексея Адашева» царь писал очень резко¹.

Наконец, еще одним аргументом в пользу появления Синодального списка до 1564 г. Альшиц считал, что при исправлении Синодального списка в ходе подготовки Царственной книги источником для изложения некоторых событий была Степенная книга. Но, со ссылкой на исследование П.Г. Васенко, он отмечал, что Степенная книга появилась не ранее 1563 г. Поэтому, следов влияния Степенной книги нет в Синодальном списке. В то же время они, указывал Альшиц, имеются в Царственной книге. Исходя из всего этого, делал вывод он, Синодальный список появился до 1564 г., тогда как Царственная книга – после этого года².

Альшиц обратил внимание на обстоятельства, позволявшие сделать предположение об авторстве приписок. Так, он обратил внимание на то, что переписчик прямо указал вычеркнуть государя на одном из рисунков, написав, что «государь написан не к делу». Смысл приписок к рисункам состоял, по словам Альшица, в восхвалении царя, в них имело место «подчеркивание его первой роли во всевоз-

---

¹ Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам // Альшиц Д.Н. От легенд к фактам. С. 96.

² Там же.

можных благих деяниях»¹. Историк привел ряд признаков, которые косвенно указывают на личность автора. Первый из них заключался в том, что после 1564 г. он оставался в живых. Второй – что по вопросам редактирования сводов он был «последней инстанцией». Третий – что его политические взгляды соответствуют взглядам Ивана Грозного, а царю «он исключительно предан». Четвертый касается кругозора этого редактора, который обладал, по оценке историка, «большим политическим кругозором». Пятый состоял в том, что он был в курсе всех важнейших событий, являлся очевидцем взятия Казани и был знаком с делом «о боярском брожении» 1553 г., «об измене князя Лобанова-Ростовского», с другими делами. Исходя из этого, Альшиц сделал вывод, что все эти признаки характерны для самого Ивана Грозного, который на этом основании мог быть автором приписок. В то же время он подчеркивал, что это предположение и его еще необходимо доказывать².

Доказательство этого положения он строил на основе сопоставления приписок к Синодальному списку и к Царственной книге с известными сочинениями царя, и прежде всего с письмами его к князю А.М. Курбскому. Он установил, что приписка в Синодальном списке о столкновениях между боярскими группировками Шуйских и Бельских в 1539 г. совпадает с рассказом об этом же событии в письме царя князю Курбскому. При этом почти одними словами говорилось о заточении Шуйскими князя Ивана Федоровича Бельского. Еще одна приписка к Синодальному списку под 1542 г. о новом мятеже Шуйских соответствует рассказу письма Курбскому о боярском разгуле, но в приписке об этом говорится подробнее, чем в царском письме. Следующая приписка относится к сообщению 1554 г. о попытке князя Семена Лобанова-Ростовского бежать в Литву. При этом в Синодальном списке было вычеркнуто объяснение бегства «палоумством» князя, оно объяснялось политическими причинами. В этом проявилось сходство с царским письмом Курбскому, где поведение князя Лобанова-Ростовского также показано в негативном свете. Отсюда Альшиц сделал вывод о родстве приписок к Синодальному списку и письма Ивана Грозного князю Курбско-

¹ Там же. С. 97.

² Там же. С. 98.

го¹. Такое же сходство обнаруживал историк между письмом царя князю и поправками к Царственной книге. Он видел это сходство в рассказе о событиях 1543 г., когда князья Шуйские хотели убить боярина Ф.С. Воронцова. Сопоставляя соответствующие места из двух этих источников, он подчеркивал, что в них «родство текстов полное». Такое же сходство заметно в освещении событий 1547 г., когда в Москве произошел пожар, вызвавший народное восстание. В приписке летописный рассказ об убийстве в ходе этих событий черными людьми князя Юрия Глинского был исправлен, в результате чего появился рассказ о боярском заговоре против Ивана Грозного и его родственников, который привел к убийству одного из них, князя Юрия Глинского. С тех же позиций подан рассказ об этом событии в письме Курбскому, где обвинялись «изменники-бояре», которые «подстрекали народ»².

Альшиц при этом подчеркивал, что появление рассказа об убийстве князя Юрия Глинского в царском письме князю Курбскому и появление приписки об убийстве Юрия Глинского в Царственной книге было не случайно. Это было прямым ответом царя на обвинение в послании Курбского в том, что он проливал кровь в церквях, причем это была кровь невинных людей. Это обвинение, которое Курбский возлагал на царя, было царем возложено на бояр. Появление же этого обвинения в виде приписки к Царственной книге появилось, полагал Альшиц, для того, чтобы сведения о боярских преступлениях стало известно. Это также свидетельствовало, указывал Альшиц, что правки в Царственной книге появились уже после бегства князя Курбского в Литву в 1564 г.

Сходство находил он в описании в письме царя Курбскому и в приписке к Царственной книге боярского мятежа в 1553 г., когда Иван Грозный опасно заболел. Так, он подчеркивал полное совпадение в оценках деятельности в обоих источниках попа Сильвестра, которые были резко негативными. При этом в приписке деятельность Сильвестра освещалась более пространно и подробно, чем в письме. С одних позиций сообщается о поведении бояр во время болезни царя,

¹ Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам // Альшиц Д.Н. От легенд к фактам. С. 101.

² Там же. С. 103.

которые отказывались целовать крест царскому сыну, царевичу Дмитрию, и готовы были целовать крест двоюродному брату царя, князю Владимиру Андреевичу Старицкому. Совершенно одинаково в письме и в приписке к Царственной книге оценивались последствия боярского мятежа. Это – «вражда веляя» царя с двоюродным братом, «в боярах смута и мятеж», а «царству» «во всем скудость»¹.

Вместе с тем Альшиц отмечал, что не все детали, даже очень яркие, содержащиеся в письме царя, нашли отражения в приписках. Это относится к известному сообщению о том, как князь Иван Васильевич Шуйский во время детских игр молодого великого князя Ивана Васильевича с братом Юрием «сидит на лавке, локтем опершись, – от отца нашего постелю»², но не оказывал должного почтения царственным братьям. Этот эпизод не представлен в приписках. То же самое относится к рассказу в письме о боярских хищениях из великокняжеской казны.

На этом основании Альшиц делал вывод о родственности текстов царского письма князю Курбскому и приписок к Синодальному списку и к Царственной книге. В качестве же дополнительного доказательства родственности списков он указывал на то, что о таком значительном событии, как болезнь царя в 1553 г., не сообщается в других источниках. Отсюда – его вывод о том, что автор приписок тот же, что и автор письма князю Курбскому, то есть Иван Грозный³. На это, подчеркивал Альшиц, указывало также сообщение об особой роли в событиях самого царя. Это относилось к рассказу о взятии Казани и о некоторых других событиях. Альшиц при этом соглашался с современным ему историком того времени, И.И. Смирновым, согласно тому, что во всех действиях Ивана Грозного было характерно единство теории и практики. Так, он был теоретиком неограниченной самодержавной власти. Но при этом он понимал свою деятельность как живое выражение этой теории, проведение ее в жизнь. Это, указывал Альшиц, нашло отражение в приписках к Царственной книге, где царская «практическая деятельность поднималась до высоты теории»⁴.

¹ Там же. С. 106.

² Там же.

³ Там же. С. 108.

⁴ Там же. С. 109.

Еще одним доказательством Альшиц считал активное использование Иваном Грозным царского архива, документы которого он брал с собой. На это есть прямое указание от ряда дней в августе 1566 г. Историк подчеркивал, что изучение этих документов позволило царю внести приписку к Царственной книге относительно сысского дела 1554 г. князя Семена Лобанова Ростовского. Никаких следов летописной версии по поводу «палоумства» князя или дипломатической версии о том, что «с ним воровали его племя – такие же дураки», в приписках нет. Но есть отражение версии следственного дела «о сознательном изменнике и о его сообщниках»¹.

Говоря о времени редактирования Царственной книги, Альшиц делал вывод, что проводилось оно не ранее 1564 г., но и не позднее 1568 г. Это не случайно. Им обращалось внимание на то, что в 1568 г. Иван Грозный брал из архива на проверку текст уже подготовленной летописи за 1560–1568 гг., причем текст за более ранние периоды он проверил еще раньше. Следов работы Ивана Грозного над текстом летописи за более позднее время Альшиц не находил. Относительно же лица, записывавшего в Лицевых сводах отредактированный текст, историк подчеркивал, что делал это не переписчик. На это указывают нередкие исправления и зачеркивания того, что было написано², или, по существу, то, что отредактированный текст представлял собой черновик. Между тем, если бы это был бы текст, переписанный набело, то таких следов творческой работы над ним не было бы видно, и никаких зачеркиваний и исправлений в нем бы не имелось. Поэтому он делал предположение, что редакторская работа проводилась самим Иваном Грозным. Как он подчеркивал, никаких оснований считать, что царь не умел писать, у историков нет. Таким образом, автором приписок к Синодальному списку и к Лицевому своду Альшиц считал царя Ивана Грозного.

Отсюда Альшиц выделял стадии работы над последним томом Лицевого летописного свода. Первым этапом выступало создание Синодального списка. Вторым были приписки к Синодальному списку, которые появились не позднее 1564 г. Третий этап – появ-

¹ Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам // Альшиц Д.Н. От легенд к фактам. С. 112.

² Там же. С. 117.

ление Царственной книги с учетом приписок, сделанных к Синодальному списку. Наконец, четвертый этап – поправки и приписки к Царственной книге, которые делались не ранее 1564 г. и не позднее 1568 г. Но по поводу последней даты у Альшица оставалась доля сомнения, которую он совершенно определенно выделил в слове «видимо» в отношении 1568 г.¹

Исследование Д.Н. Альшица было признано интересным. По характеристике официального оппонента, доктора исторических наук В.Г. Геймана, помимо «логических и исторических к тому обоснований, т. Альшиц, проявляя большое палеографическое и археографическое чутье, находит здесь и чисто палеографическое обоснование». Оно состояло в том, что он обращает внимание на обилие киноварных заголовков в текст описания событий, относящихся ко времени ранее 1560 г. и на отсутствие этих заголовков после 1560 г.»² Автор отзыва отметил, что Альшиц «впервые в нашей науке» сделал вывод о стадиях работы над «лицевым сводом летописи». Он подчеркивал, что «в этом большая его научная заслуга»³. В.Г. Гейман особо обращал внимание на вывод Альшица о редакторской работе Ивана Грозного, правившего текст Синодального списка и Царственной книги. Делал он это с помощью «логических умозаключений», а затем «на подготовленную таким образом почву бросает свой наиболее веский аргумент». Он состоял в сравнении «приписок с письмом Ив. Грозного Курбскому». О таком сравнении Гейман говорил как о «новым методологическом приеме», который позволял усмотреть ему «полную научную зрелость автора»⁴.

Как подчеркивал Гейман, Альшиц видел в приписках «подлинный автограф Грозного». В этом, по его оценке, проявлялся «научный энтузиазм молодого исследователя», и состояли «целых два открытия – и авторство Грозного, и его автограф». И вообще, работа Альшица «вызывает впечатление прекрасных кружев ручной работы, где каждая петля связана с другой и все вместе дают прекрасный в своей цельности узор». Он отмечал высокий уровень логического

¹ Там же. С. 118, 122.

² РНБ. ОР. Ф. 1338. Гейман В.Г. № 126. Л. 2 об.

³ Там же. Л. 3 об.

⁴ Там же. Л. 4.

обоснования Альшицем своих положений. Оно было способно убедить скептика, убедила и его самого. Но, как писал Гейман, «не совсем, а почти совсем»¹. Мешало ему полностью поверить выводам Альшица отсутствие автографов Ивана Грозного, с которыми можно было бы сравнить почерк приписок. Это не помешало Гейману дать самую высокую оценку исследованию Д.Н. Альшица. Но, в то же время, по мнению В.Г. Геймана, главный вывод этого исследования, согласно которому авторство приписок принадлежит Ивану Грозному, оставался на уровне гипотезы, не превратившись в абсолютно доказанное положение. С этим выводом рецензента можно согласиться. В самом деле, в исторической науке, помимо безупречной логики, которая представлена у Альшица, нужно доказательство на эмпирическом уровне, которого при отсутствии образцов царского почерка нет. Кроме того, внимательное исследование Б.М. Клоссом вопроса о приписках давало ему основание поставить под сомнение вывод Альшица о приписках, делавшихся Иваном Грозным. По его мнению, редактором был не царь, но другое лицо, пользовавшееся доверием царя. Им, по его мнению, мог быть какой-то монах Чудова монастыря, а сама редакторская работа проводилась в 1574–1575 гг., то есть в несколько более позднее время, чем указывал Альшиц. Он также обратил внимание на филигранные Синоподальные списки и перебеленной Царственной книги. Также он указывал на то, что текст, который правился в Царственной книге, в Синоподальном списке не имеется². Тем не менее, исследование Д.Н. Альшица вызвало в свое время большой научный интерес и привлекало исследователей к данной проблеме.

2.3. Анализ повествований о боярском мятеже 1553 г.

На другой год поле защиты Д.Н. Альшицем кандидатской диссертации, в 1948 г., им была опубликована еще одна обстоятельная статья, относившаяся к политической истории времени Ивана Гроз-

¹ РНБ. ОР. Ф. 1338. Гейман В.Г. № 126. Л. 5 об.

² Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. С. 215–216; Данилевский И.Н. Текстология. М.: Изд-во ВШЭ, 2018. С. 308–309, 311, 314.

ного и к ее источниковедению¹. Темой ее стали политические события 1553 г., когда Иван Грозный опасно заболел. С этой болезнью связывался в историографии явление, известное как боярский мятеж у постели умиравшего, как казалось, царя, и только его внезапное выздоровление привело к прекращению разворачивавшегося будто бы мятежа.

Состояние источников, повествовавших об этом событии, дало Альшицу основание для скептического подхода не только к принятым в историографии версиям этого события, но и к факту существования самого этого события. Основывалась эта гипотеза на том, что, как он подчеркивал, известий об этом событии в источниках всего три, и все они исходили от самого царя. Это – приписки к Синодальному списку и к Царственной книге, а также письмо Ивана Грозного князю А.М. Курбскому от 3 июля 1564 г., после того, как князь бежал в Литву и прислал царю свое послание. Что касается упоминания о событии в приписках, то основывалась данная гипотеза Альшица на выводе о том, что автором этих приписок был Иван Грозный. Может быть, с методологической точки зрения такая постановка проблемы не в полной мере корректна. В самом деле, вывод об авторстве Ивана Грозного в отношении приписок был очень хорошо обоснован самим Альшицем, но полностью не утратил черт гипотезы, так как сравнить почерк автора приписок с почерком Ивана Грозного было невозможно в связи с отсутствием общепризнанного царского автографа. Но, учитывая, что вывод об авторстве Ивана Грозного был логически обоснован, и такое обоснование не было в то время поставлено под сомнение, имеется основание согласиться с тем, что Альшиц вполне мог выдвигать гипотезу, основывавшуюся на изначальном признании факта царского авторства.

Приписка к Синодальному списку под 1554 г. – наиболее ранний из источников о боярском мятеже. Согласно этой приписке, судная комиссия из 11 лиц, расследовавшая попытку бегства в том году князя Семена Лобанова-Ростовского в Литву, установила со

¹ Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г. // Исторические записки АН СССР. М.: Изд-во АН СССР. 1948. Т. 23. С. 266–292. Повторное издание этой статьи: Альшиц Д.Н. От легенд к фактам. С. 124–159.

слов князя, что такой заговор имел место. Состоял он в стремлении бояр во время тяжелого заболевания царя передать престол не царевичу-младенцу Дмитрию, но двоюродному царскому брату, князю Владимиру Андреевичу Старицкому. Но когда царь выздоровел, участники заговора попытались скрыть свое участие в нем, как и сам факт заговора. Князь Лобанов-Ростовский опасался, что о его участии в заговоре узнает царь, и он попытался бежать в Литву. Попытка была неудачной, князя Лобанова-Ростовского арестовали, и он под пыткой оговорил сообщников. В приписке были названы участники заговора, имена которых были раскрыты в ходе следствия по делу князя Лобанова-Ростовского, а также имена лиц, которые вели следствие и пытали в ходе его князя. Заговор, таким образом, как подчеркивал Альшиц, по данным приписки к Синодальному списку был тайным, хотя и участвовало в нем немало лиц.

По-иному был составлен рассказ об этом же событии в приписке к Царственной книге. В нем сообщалось об ожесточенных спорах между боярами у постели умиравшего царя, причем о спорах вообще не тайных. В это же время князь Владимир Андреевич собирал войско из дворян, чтобы прямо использовать его в случае необходимости прямого захвата власти в стране. Таким образом, версия о тайном заговоре бояр была разрушена. Кроме того, Альшиц обратил внимание, что роль отдельных участников событий в приписке к Царственной книге была дана иначе, чем в приписке к Синодальному списку. В приписке к Царственной книге речь шла уже не о тайном заговоре, но о прямых и активных действиях по передаче престола князю Владимиру Андреевичу Старицкому. Кроме того, трое лиц в более ранней из приписок были названы не в числе заговорщиков, но среди членов судной комиссии, которая расследовала дело князя Лобанова-Ростовского. Это были князья Д.И. Курлятев и Д.Ф. Палецкий, а также казначей Никита Фуников. Судя по приписке к Синодальному списку, эти лица, таким образом, не участвовали в заговоре. Они лишь, как подчеркивал Альшиц, в ходе следствия над князем Лобановым-Ростовским, вообще услышали, что в прошедшем году был заговор против царя¹. Кроме того, сре-

¹ Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников // Альшиц Д.Н. От легенд к фактам. С. 128.

ди участников мятежа оказались князь И.М. Шуйский, отец главы правительства Избранной рады Алексея Адашева Ф.Г. Адашев, а также поп Сильвестр. Были указаны также лица, сохранившие верность царю в условиях боярского мятежа. Среди них был думный дворянин А.Ф. Адашев, князь В.И. Воротынский и другие, Все они, за исключением князя Воротынского, были названы в приписке к Синодальному списку в качестве членов судной комиссии по делу князя Лобанова-Ростовским. Таким образом, Альшиц указывал на противоречие между сообщением приписок к Синодальному списку и к Царственной книге. Так, если о заговоре бояр 1553 г. члены судной комиссии только узнали в ходе следствия, то в приписке к Царственной книге оказывалось, что они знали об этом заговоре и противостояли боярам-заговорщикам.

Третий источник, письмо Ивана Грозного князю Курбскому, не давал, по оценке Альшица, оснований для разрешения противоречий между двумя приписками. Царь писал о боярском заговоре 1553 г., но из строк этого письма не ясно, были ли это какие-то тайные действия, или же открытое выступление в поддержку передачи престола не «пеленочнику» царевичу Дмитрию, но князю Владимиру Старицкому. Вместе с тем текст письма, по словам историка, «вносит новое противоречие», поскольку в числе заговорщиков в нем указан Алексей Адашев, тогда как в приписке к Царственной книге он назван среди тех, кто был против заговорщиков.

Подводя итог общему анализу содержания рассказов о событиях 1553 г. в двух приписках и в письме, Альшиц замечал противоречия между ними и делал вывод, что «автор трех этих рассказов обращался с фактами самовластно, передавая их каждый раз так, как ему казалось наиболее подходящим в каждом случае»¹. Противоречия были очень существенными. Наличие их позволяло Альшицу поставить вопрос о том, был ли вообще в 1553 г. этот самый боярский заговор. Но, как проницательный историк, он не торопился отвечать на него и привел сведения об относящейся к нему историографии.

Он отмечал, что князь М.М. Щербатов уделил много места описанию боярского мятежа 1553 г. Но, как отмечал Альшиц, Щерба-

¹ Там же. С. 129.

тов «просто пересказал языком XVIII в. содержание приписки», но даже не упоминал о деле князя Лобанова-Ростовского. Он, таким образом, решил вопрос «самым простым образом», из источников «выбрав один и отбросив другой». Совершенно очевидно, что отношение Альшица к такому подходу была весьма критическая как к «простому и легкому пути», по которому, по его словам, шли «некоторые позднейшие историки»¹. Н.М. Карамзин, указывал Альшиц, «хорошо заметил противоречивость показаний источников», но не более того. Он дополнил текст летописи «художественными подробностями», но не связывал дело о попытке бегства князя Лобанова-Ростовского с событиями 1554 г.² С.М. Соловьев не принимал во внимание приписку о деле князя Лобанова-Ростовского. Но о деле Лобанова-Ростовского он упоминал и для объяснения его использовал слово «палоумство» из летописного текста, созданного еще до появления приписки к Синодальному списку³. Мнение о написании правки к рассказу от 1553 г. «наивным летописцем», свободным от каких-либо тенденций, и поэтому точных, высказывал Е.А. Белов. С.Ф. Платонов, по мнению Альшица, лишь согласовал сведения из двух приписок. А.Е. Пресняков заметил противоречия в рассказе о событиях 1553 г. между двумя приписками и пришел к выводу о путанице в источниках. Подводя итог своему краткому историографическому анализу, Альшиц указывал, что сколько-нибудь приемлемого анализа рассказов о событиях 1553 г. в приписках в ней не было. Он отмечал, что в целом каждый историк вместо такого анализа «выбирал тот источник, который по тем или иным соображениям больше удовлетворял»⁴.

Для решения вопроса Д.Н. Альшиц проделал сравнения сообщений приписок о событиях 1553–1554 гг. Он подчеркивал, что сообщение приписки к Синодальному списку о попытке побега князя Лобанова-Ростовского подтверждается в других источниках, независимых от приписки. Совершенно иначе он говорил о сообщении

---

¹ Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников // Альшиц Д.Н. От легенд к фактам. С. 130.

² Там же. С. 130–131.

³ Там же. С. 132.

⁴ Там же. С. 133.

приписки к Царственной книге о боярском заговоре 1553 г. «Нет ни одного летописного текста, где хотя бы косвенно упоминалось о мятеже 1553 г.»¹, – подчеркивал он. В то же время он рассмотрел выводы историков об этом событии, сделанные на основе анализа приписки к Царственной книге. С.В. Бахрушин видел в нем выражение недовольства удельной знати внешней политикой и ограничением местничества. Что же касается участия окольного Ф. Адашева, отца А. Адашева, то он отражал тем самым недовольство дворянства боярским правлением в молодые годы Ивана Грозного. И.И. Смирнов считал, что мятеж был вызван опасением прихода к власти Захарьиных, родственников жены Ивана Грозного и матери выдвигавшегося на престол царевича Дмитрия. Боялись этого как представители видных боярских родов, так и деятели Избранной рады во главе с А. Адашевым и попом Сильвестром. По мнению Альшица, вывод И.И. Смирнова о «сближении позиций всех “мятежников”»² позволял лучше понять «если не сами события, то ... рассказ о них», а общая основа недовольства – возможность перехода власти к Захарьиным. Отсюда вывод Альшица, согласно которому участников мятежа 1553 г. «на основании данного рассказа нельзя разделить на социальные группы»³. Он подчеркивал, что прежде, чем анализировать расстановку социальных сил в ходе этих событий необходимо установить ход событий, причем не делать выводов на основании источника, который не дает для этого необходимых сведений.

Мысль, высказанная Альшицем, кажется совершенно очевидной. В самом деле, невозможно обеспечить достоверность социального анализа без ясного представления об исторической реальности на уровне хода событий и роли в них отдельных личностей. Но эта мысль была высказана в то время, когда недооценка социально-исторического начала могла привести к обвинению в отступлении от марксистского анализа. Но Альшиц этого как бы не замечал, и писал с полной определенностью о том, что предпочитал выяснение фактов достаточно абстрактному социологизированию на материале времени Ивана Грозного. Возможно, что он тем самым тоже явно

¹ Там же. С. 135.

² Там же. С. 137.

³ Там же. С. 138.

в период перед арестом «лезет на рожон»¹, как писала Эльвина Мороз, а не только в стихах, обращенных к академику Лысенко. Что же касается описания в приписке к Царственной книге мятежа 1553 г., то, по оценке Альшица, оно определялось «отношением к героям своего рассказа, которое было у него на момент написания рассказа, т.е. в 1567–1568 гг.»

Так, он замечал, что в приписках к Синодальному списку князь Д.И. Курлятев был членом судной комиссии по делу Лобанова-Ростовского. Но в 1562 г. он попал в опалу, был насильственно пострижен в монахи, и Иван Грозный очень резко характеризовал его в письме князю Курбскому². Также из членов комиссии в заговорщики перешел казначей Никита Фуников. Альшиц указал, что за него бралась поручная запись, а вскоре, в 1570 г., он был казнен. Наиболее сложным было отношение царя к князю Д.Ф. Палецкому. В приписке к Синодальному списку о мятеже князей Шуйских в 1542 г. говорилось, что он был среди мятежников, но в то же время пытался отговорить их от убийства митрополита Иоасафа. Такое отношение Альшиц объяснял тем, что дочь князя Д.Ф. Палецкого была замужем за царским братом князем Юрием. Но когда в 1564 г. князь Юрий умер, и родственная связь оборвалась, уже ничего не помешало царю поместить князя Палецкого в приписке к Царственной книге среди бояр-заговорщиков 1553 г.³ Так Альшиц доказывал положение о связи между характеристиками поведении отдельных лиц и отношением к ним Ивана Грозного в период составления приписок.

Далее, Альшиц предположил, что дела, подобные боярскому заговору 1553 г., считались крупными. И, следовательно, после них должны были бы последовать опалы и казни. Но ничего подобного, однако, в то время не произошло. Альшиц решительно не принял объяснения Н.М. Карамзина, который связывал отсутствие репрессий за мятеж с царской милостью по отношению к боярам после своего выздоровления, и С.М. Соловьева, объяснявшего тем, что эти

¹ Мороз Э. Валерий Фрид. 58 ½, или Записки лагерного придурка; Даниил Аль. Хорошо посидели // Знамя. 2012. № 3. С. 219.

² Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников // Альшиц Д.Н. От легенд к фактам. С. 141.

³ Там же. С. 142.

репрессии Иван Грозный как бы откладывал на более позднее время. А чувство мести у него «затаилось пока на дне души»¹, объясняя, таким образом, это с психологической точки зрения.

Альшиц обращал внимание на то, что лица, участвовавшие, судя по приписке к Царственной книге, в боярском мятеже 1553 г., не были подвергнуты опале. Напротив, они были пожалованы. Так, боярином стал Ф.Г. Адашев, П. Щенятев приводил в 1554 г. к крестному целованию на верность царице и царевичу Ивану Ивановичу. Боярин князь И.М. Шуйский оставался «крупнейшим военачальником», а в отсутствие в Москве Ивана Грозного в 1556 г. был «царским заместителем на Москве». Очень хорошими были отношения между царем и князем Владимиром Андреевичем Старицким. Объяснял это Альшиц не тем, что царь испытывал «радость и благодарность к богу» после выздоровления, как полагали Н.М. Карамзин и С.М. Соловьев, но фактом «отсутствия тогда подлежащих наказанию лиц и действий»².

Доказательством Альшиц считал отсутствие упоминания о боярском мятеже в письмах князя Курбского и в его произведении «История о великом князе Московском». В этом произведении князь писал, что царь после похода на Казань заболел «зело тяжким огненным недугом», но о мятеже бояр беглый князь не сообщал ничего. Обвинение же со стороны царя в письме Курбскому А. Адашева и попа Сильвестра в стремлении посадить на престол князя Владимира Старицкого князь, по оценке Альшица, считал просто нелепым³.

Из приписки к Синодальному списку Альшиц считал достоверной только ту часть, в которой говорилось о попытке бегства князя С. Лобанова-Ростовского в Литву. В приписках же к Царственной книге налицо был, по его мнению, «рост тенденциозности автора». Это было не случайно, поскольку после бегства Курбского и введения опричнины Иван Грозный стал вести борьбу со своими противниками «со всей беспощадностью, и пером, и топором»⁴. Но при этом он стремился провести две важные для него мысли. Одна из

¹ Там же. С. 144.

² Там же. С. 147.

³ Там же. С. 149.

⁴ Там же. С. 151.

них состояла в том, что в приписке к Царственной книге он стремился показать, что еще со времени мятежа 1553 г. началась его вражда с князем Владимиром Андреевичем Старицким. Вторая – в том, что «причина “смут и мятежей” лежит только внутри самого боярства», а царь боролся не против бояр вообще, но только против бояр-изменников. Тем самым он не принимал обвинения Курбского в «побиении» «лучших родов, лучших своих бояр и воевод»¹.

На этом основании Альшиц отрицал сам факт боярского мятежа 1553 г., считая его изобретением Ивана Грозного, сделанным в своих политических целях. В то же время он сделал вывод, относящийся к редакционной работе Ивана Грозного. Он считал, что более старые летописные известия в случае несоответствия новым толкованиям событий приводились им в соответствие с новыми толкованиями, устраивавшими царя, в отличие от прежних. С этим выводом можно согласиться.

Общая идеологическая ситуация конца сороковых годов, когда в стране под прямым воздействием Сталина распространялся культ Ивана Грозного, сказалась на данной статье. Так, Альшиц написал, что в его приписках при всей их тенденциозности проявлялась «объективная правота Грозного в его борьбе обеспечила общую правильность его оценок событий и деятелей»². Данная оценка целиком и полностью соответствовала официозным взглядам того времени на историю царствования Ивана Грозного. Но она шла вразрез со всем тем, что Альшиц высказывал выше об Иване Грозном и его редакторской работе с текстом Лицевого летописного свода. Вероятнее всего, что такое противоречие можно объяснить стремлением Альшица, как и всякого автора, обеспечить публикацию его исследования. Он и обеспечил ее. Но, конечно же, внимательный современный читатель должен понять Д.Н. Альшица и причины появления нескольких этих строк, которые противоречат смыслу и духу статьи в целом, наполненной самым негативным отношением к тирану-самодержцу, которые не соответствовали официозному толкованию истории России второй половины XVI в.

¹ Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников // Альшиц Д.Н. От легенд к фактам. С. 155.

² Там же. С. 159.

2.4. Д.Н. Альшиц о Разрядной книге московских государей XVI в.

Вскоре после защиты кандидатской диссертации и за несколько месяцев до своего ареста, в марте 1949 г., Д.Н. Альшиц сделал в Институте истории АН СССР доклад, посвященный Разрядной книге московских государей. Он пришел к выводу об официальном характере этой книги XVI в. Она служила основанием для исправления других разрядных книг. В ней, кроме того, содержалось несколько десятков грамот московских государей, от Ивана III до Бориса Годунова, дававшихся по разным поводам. За XVI – начало XVII вв. в ней имелось множество местнических дел. Они, по оценке Альшица, содержат «интереснейшие детали административного управления, военной организации, личных взаимоотношений и, наконец, яркие детали бытового характера»¹. По его мнению, такой подробный архив местнических дел мог браться только из государственного архива.

Как указывал Альшиц, в историографии имела место недооценка этой Разрядной книги как источника. В частности, в соответствии с принятым разделением списков разрядных книг на официальные, частные и компилятивные, Н.П. Лихачев и С.А. Белокуров, использовавший из нее сведения о Смутном времени, относили ее к частным и компилятивным. С такой оценкой Альшиц не соглашался. Он указывал на механизм составления данной Разрядной книги. Говоря об этом механизме, он указывал, что сначала шло описание событий. За описанием излагались документы, среди которых были подлинные разрядные столбцы, отписки воевод и дневники походов. Значительное место занимали местнические дела и челобитные по ним. В нее включались приговоры Боярской думы, данные польских и писцовых дел, копии царских грамот воеводам, вести о замыслах или военных действиях противника².

Он указывал, что появление этой книги определялось стремлением властей к приведению в порядок военной документации и находило свое место в ряду других реформ этого времени. Книжная

¹ Альшиц Д.Н. Разрядная книга московских государей XVI в. (Официальный текст) // От легенд к фактам. С. 390.

² Там же. С. 394.

форма создавала удобство в пользовании различными материалами Разрядного приказа, такими, как разрядные столбцы, отписки воевод, документы, исходившие от царя и другие документы, поскольку в книге они располагались в хронологическом порядке. В этом было ее преимущество, но при этом, как отмечал Альшиц, эта книга, «при всей своей официальности и объективности, – источник вторичный»¹. Порядок ее составления он видел таким образом, что от конца XV до середины XVI в. записи шли «задним числом», но в дальнейшем в книге были сведены переписанные документы. Вместе с тем, замечал Альшиц, записи в этой книге начинаются с 1375 г. Это было не случайно. По его мнению, после взятия Казани в 1552 г. книга отразила стремление ее составителей начать со времени первых русских побед над Ордой, и прежде всего с Куликовской битвы. Но поскольку с 1375 г. почти до конца XV в. разрядных записей не было, то составители для рассказов о военных событиях использовали сведения из других источников, придавая им форму разрядных записей. Это была, по оценке Альшица, несомненная компиляция. Составители при этом пользовались, указывал он, Симеоновской летописью, Софийской 1-й летописью, Московским сводом конца XV в., Посольскими книгами и отдельными документами². Он подчеркивал, что важно установить четкую хронологическую границу между чистой компиляцией и использованием в книге разрядных записей. Такой границей был 1492 г., когда количество записей в книге стало резко возрастать. Он приводил сравнение, согласно которому за период 1375–1492 гг. в 116 лет в книге имелось 32 записи, а за время 1492–1497 гг., всего за 5 лет, 30 записей. Нет ссылок до 1492 г. и в местнических делах, имеющих в книге. Причину появления разрядных записей в 1492 г. Альшиц объяснял не только развитием государственного аппарата и военного управления. Он также выделил причину, которую назвал внешней и которую связал с общим характером культуры. По его словам, 1492 г. был таким годом, который сейчас нередко называют круглой датой, поскольку это был 7000 год от сотворения мира, по эре, принятой в Византии

¹ Альшиц Д.Н. Разрядная книга московских государей XVI в. (Официальный текст) // От легенд к фактам. С. 394.

² Там же. С. 395.

и перешедшей на Русь. Отсюда – «рубеж новых начинаний»¹. Замечание в полной мере соответствует интересу современной историографии к культурно-историческим символам. Таким символом и в самом деле была для средневековья круглая хронологическая дата.

Как подчеркивал Альшиц, Разрядная книга в XVI в. составлялась непосредственно после событий. Вместе с тем в списках разрядных книг имеются разночтения, которые Альшиц объяснил тем, что переписка делалась разными писцами, которые по-своему сокращали и редактировали имевшиеся в их распоряжении документы. Говоря о разрядах, Альшиц указывал на государевы разряды и на «иные» разряды, среди которых могли быть и частные, где текст государевых разрядов подвергался некоторым изменениям. Он не принял точку зрения, согласно которой частные разряды содержали недостоверные сведения. В частных разрядах, указывал он, нуждались служилые люди, на основании содержащихся в них сведений какой-нибудь служилый человек мог при необходимости подавать челобитную.

Особое значение имеет Разрядная книга, как указывал Альшиц, для изучения военной истории России. По его словам, он начинал совместно со студентами ЛГУ и ЛГПИ имени А.И. Герцена составлять картотеку деятелей Московского государства, охватывавшую период до 1566 г., с использованием сведений Разрядной книги Всего удалось учесть 12 тысяч назначений. Но, по его словам, эта работа была прервана в 1949 г. и более не возобновлялась.

Что касается значения Разрядной книги для изучения истории военного дела на Руси и его эволюции, то в ней наглядно проявляются изменения в структуре войска и военного командования. Как подчеркивал Альшиц, еще до XVI в. в войсках, которые шли из удельных княжеств, находился удельный князь, но при этом реальное управление находилось в руках московских великокняжеских воевод. В XVI в. удельный князь во главе такого войска как «декоративная фигура» уже исчезает². Помимо этого, в Разрядной книге содержатся данные о тактике русских войск, организации разведки и проведения мобилизации служилых людей. Также она дает сведения

¹ Там же. С. 397.

² Там же. С. 401.

о некоторых политических событиях в государстве и по истории опричнины. Он еще в 1957 г. подчеркивал необходимость издания этой разрядной книги¹.

На значимость исследования разрядных книг XVI в., сделанных Альшицем, указал В.И. Буганов. По его оценке, Альшиц провел исследование одной из разновидностей Разрядных книг, относившихся к этому столетию, которая содержится в Эрмитажном собрании Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Изученная Альшицем Разрядная книга XVI в. из Эрмитажного собрания, как отмечал Буганов, подробнее записей редакции 1556 г., публиковавшейся П.Н. Милюковым, и древнее по происхождению. В отличие от Альшица, Буганов полагал, что рукопись из Эрмитажного списка не являлась не официальной разрядной книгой, но одним из ее частных списков, правда, как он подчеркивал, наилучших по своему качеству².

Оценивая вклад Д.Н. Альшица в исследование разрядных книг, современный исследователь Ю.В. Анхимюк справедливо отметил, что благодаря его работе над Эрмитажным списком было привлечено внимание к сведениям из разрядных книг, которые относились к частным редакциям. Он также отметил, что вместе с В.И. Бугановым Альшиц ставил вопрос о возможности ведения «второй официальной редакции разрядных книг». Вместе с тем за период в развитии исследований разрядных книг, прошедшее со времени исследования Разрядной книг из Эрмитажного собрания Альшицем, изучение этого источника значительно продвинулось вперед. Отсюда у Анхимюка были основания для некоторых критических оценок вклада Альшица в исследование проблемы разрядных книг. Критика касается того, что выводы были сделаны Альшицем «большой частью с помощью логических умозаключений и догадок», что не всегда привлекался в необходимой степени фактический материал, в том числе из Эрмитажного списка³.

¹ Альшиц Д.Н. Разрядная книга московских государей XVI в. (Официальный текст) // От легенд к фактам. С. 406.

² Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 20.

³ Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М.: Древлехранилище, 2005. С. 52.

Учитывая справедливость замечаний Ю.В. Анхимюка, следует вместе с тем иметь в виду, что исследования Д.Н. Альшица составляли один из этапов в изучении разрядных книг, в использовании их в качестве источника по военной истории России и по истории местнических споров.

2.5. Д.Н. Альшиц об исторической мысли времени Ивана Грозного

Глубина исторического мышления Д.Н. Альшица проявилась, в частности, в том, что без характеристики исторической мысли он не мог представить изучаемую эпоху. В полной мере относил он это ко времени царствования Ивана Грозного, которое было в центре его исследовательского внимания. Кроме того, необходимость самого пристального внимания к этой теме была вызвана участием Альшица в обсуждении рукописи монографии «Слово о полку Игореве», написанной выдающимся советским историком А.А. Зиминим¹. Обсуждение, на котором присутствовало более 150 человек, происходило 27 февраля 1963 г. в Секторе древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР. Согласно полному и обстоятельному описанию этого заседания, проделанного за последнее время М.А. Базановым, Альшиц выступал на этом заседании в числе восьми докладчиков. Позицию его Базанов совершенно справедливо оценил как своеобразную. Как он подчеркивал, «упреком» со стороны Альшица, предъявленным Зимину, было то, что он «расчленяет ткань единого цельного художественного произведения на отдельные кусочки и разбирает все эти кусочки независимо друг от друга». Это замечание Базанов оценивал как «безосновательное» и объяснял это тем, что Зимин «всегда рассматривал анализируемые им источники именно в качестве произведений цельных». Вместе с тем он отмечал, что позиция Альшица отличалась от точки зрения на датировку «Слова», которую высказывали другие критики Зимина. Так, «он назвал “курьезной”

¹ Статья Д.Н. Альшица об изображении Всеволода Большое Гнездо в Степенной книге появилась еще до обсуждения книги А.А. Зимина. См.: Альшиц Д.Н. Легенда о Всеволоде – полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. С. 64–70.

датировку «Слова» 1187 годом, предложенную Д.С. Лихачевым, и в выступлении обосновал свою точку зрения, согласно которой оно появилось значительно позже, уже после битвы на Калке»¹.

В качестве доказательства того, что «Слово» возникло в русском средневековье, он приводил свой анализ рассказа Степенной книги, созданной при Иване Грозном, о событиях, связанных с походом в 1185 г. на половцев новгород-северского князя Игоря Святославича и князей, являвшихся его ближайшими родственниками. По его мнению, в этом рассказе содержалась полемика с версией похода и его последствий, изложенной в «Слове». Следовательно, считал Альшиц, составители Степенной книги хорошо знали «Слово».

Согласно Альшицу, в Степенной книге описание событий было иным, чем это было не только в «Слове», но и в Ипатьевской летописи, где под 1185 г. сообщается об этом событии. Так, в шестой степени, или главе, Степенной книги, сообщалось, что великий князь владимирский Всеволод Юрьевич Большое Гнездо совершил поход на половцев, окончившийся победой. Согласно Степенной книге, у князей Ольговичей, к которым относился Игорь Святославич, этот успех вызвал чувство зависти, когда «позавидеша Ольгови внуцы» и «уповающее собою», двинулись на половцев. Но они потерпели поражение и попали в половецкий плен. И тогда Всеволод Большое Гнездо, «умилосердися о них»², а также на выручку им пришел волынский князь Роман Мстиславич. Всеволод Юрьевич и Роман Мстиславич будто бы повели свои дружины против половцев, спасая попавших в плен князей.

В этой версии, как подчеркивал Альшиц, были ложно поданы два эпизода. Во-первых, это был рассказ о первом успешном походе князя Всеволода на половцев до похода Игоря Святославича. В Степенной книге говорилось об этом весьма торжественно. Как «токмо увидеша Половьцы Владимировъ полк, и побегоша, гоними гневомъ Божиимъ, и побежени быша мнози Половьцы»³. Но, в самом деле, подчеркивал Альшиц, этого похода не было. Второй эпизод – «тоже сплошная выдумка» авторов Степенной книги – поход владими́ро-

¹ Базанов М.А. Указ. соч. С. 310.

² ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21. Ч. 1. С. 226.

³ Там же. С. 225–226.

суздальского и волынского князей на вырчку плененного князя Игоря и других черниговских князей.

Как объяснял Альшиц, появление этих эпизодов в Степенной книге, который противоречил изложению событий 1185 г. в Ипатьевской летописи, было не случайно. Он полагал, что «версия о бездействии» «некоторых князей», и прежде всего Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, которая содержалась в «Слове», «показалась неподходящей книжникам XVI века», и поэтому «возведение шестого этажа их конструкции – описание княжения Всеволода Суздальского – доставляло особенно много хлопот и беспокойств». Альшиц обратил внимание на то, что история Владимиро-Суздальской Руси, отраженная в источниках, плохо вписывалась в официальную концепцию, сутью которой был «непосредственный переход единой державной русской великокняжеской власти рода Мономаховичей из Киева во Владимир, а затем и в Москву»¹. Однако никакого русского единогодержавия из летописных материалов для того времени не выстраивалось. Киевское государство, сложившееся в IX–X вв., и без того рыхлое и неустойчивое, как и все раннесредневековые государственные образования Европы, распалось в первой трети XII в. на отдельные княжества и земли, причем Владимиро-Суздальское княжество было лишь одним из них. К тому же, отмечал Альшиц, даже оно при Всеволоде Большое Гнездо раздиралось внутренними противоречиями на территории Северо-Восточной Руси между старым Ростовом и новым Суздалем. Кроме того, Владимиро-Суздальское княжество вело постоянную борьбу с рязанскими князьями. По его словам, авторитет его в Северо-Восточной Руси несомненно возрастал, но русским самодержцем он так и не стал и не мог в то время стать.

Альшиц при этом обращал внимание на то, что князь Всеволод Юрьевич в самом деле совершал походы на половцев, было это в 1199 и 1205 гг. и отразилось в летописи. Кроме того, он указывал, что иных случаев конструирования вымышленных походов русских князей против половцев, кроме не бывшего в действительности похода Всеволода 1185 г., в Степенной книге не было. Отсюда он задавался вопросом: что заставило составителей этого исторического сочинения

¹ Альшиц Д.Н. И от фальсификаторов бывает польза. Правда, в редчайших случаях // Альшиц Д.Н. От легенд к фактам. С. 154.

второй половины XVI в. поместить рассказ об этом не существовавшем событии, сведений о котором не было в более ранних летописях.

Вообще постановка вопроса о цели появления источника или его фрагмента в значительной мере помогает понять заключенные в них внутренние смыслы. На этот вопрос Альшиц отвечал так, что для составителей Степенной книги было необходимо представить Всеволода Большое Гнездо «самодержцем», добродетельным в отношении подвластных ему остальных русских князей». В доказательство историк привел яркую цитату из Степенной книги, в которой развертывается концепция самодержавия на Руси. «Богохранимый же великий князь Всеволод Юрьевич благоденственно пребывал во граде Владимира и правя скипетром Русьского царствия ... и всему множеству Владимировых сродников своим старейшинствуя. ... И все послушаху его и покоряхуся ему», – писалось в книге. Так великий князь владими́ро-суздальский Всеволод Юрьевич Большое Гнездо был представлен настоящим самодержцем, безусловным главой всех остальных русских князей. Такой ответ давал Альшиц на этот вопрос.

Отсюда возникал другой вопрос: что заставило авторов Степенной книги так настойчиво подчеркивать роль великого князя Всеволода Юрьевича не просто как одного из сильных русских князей, но русского самодержца, которому подчинялись все остальные князья. По мнению Альшица, такая настойчивость в характеристике Всеволода Большое Гнездо как самодержца могла объясняться наличием другой концепции межкняжеских отношений времени неудачного похода князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. В ней Всеволод Юрьевич занимал совершенно иное место. Такая концепция, указывал он, содержалась в «Слове о полку Игореве». Во-первых, к ней владими́ро-суздальский князь представлен лишь «как один из многих князей», но вовсе не как русский самодержец. Во-вторых, в качестве старшего из князей рассматривался в ней двоюродный брат князя Игоря, великий князь киевский Святослав Всеволодич – князь «великий, грозный». В-третьих, в «Слове» князю Всеволоду был брошен прямой «упрек в равнодушии к киевским делам, в частности для борьбы южнорусских князей с половцами»¹.

¹ Альшиц Д.Н. И от фальсификаторов бывает польза. Правда, в редчайших случаях // Альшиц Д.Н. От легенд к фактам. С. 155.

Такой упрек был не случаен. По существу это упрек в равнодушии не просто к киевскому, но к общерусскому делу. В самом деле, Всеволод Юрьевич не участвовал в походе на половцев после неудачного похода князя Игоря, который возглавлял великий князь киевский Святослав Всеволодич.

В этой связи, подчеркивал Альшиц, авторам Степенной книги важно было не только подчеркнуть особую, исключительную роль на Руси князя Всеволода Большое Гнездо, но и принизить, даже развенчать великого князя киевского Святослава Всеволодича. Поэтому в Степенной книге говорилось об особом походе на половцев Всеволода Большое Гнездо, направленном на выручку попавшего в плен князя Игоря, который в самом деле был от начала до конца выдумкой составителей Степенной книги, но ничего не говорится о действительном участнике событий, великом князе киевском Святославе Всеволодиче. Между тем, князь Святослав Всеволодич, как указывал Альшиц, в Степенной книге действительно был назван среди участников этого похода на половцев, в самом деле не существовавшего. Но это был не великий князь киевский, но сын Всеволода Большое Гнездо, будто бы посланный, согласно Степенной книге, отцом в этот поход.

Еще одним князем, которому в Степенной книге приписывался успех в походе на половцев, был волынский князь Роман Мстиславич. Альшиц объяснил это генеалогическими обстоятельствами. Он указывал, что Роман Мстиславич, как и Всеволод Юрьевич, также являлся потомком Владимира Мономаха, причем оба князя, владимиро-суздальский и волынский, были родственниками¹.

Налицо, таким образом, как считал Альшиц, полемика авторов Степенной книги со «Словом о полку Игореве», причем в официальной версии истории, которой была Степенная книга, подвергалась пересмотру не только концепция истории событий 1185 г., но и исторические факты. На этом основании Альшиц имел право характеризовать концепцию событий, связанных с походом на половцев Игоря Святославича, в Степенной книге, в качестве фальсификации истории. Фальсификации, на взгляд Альшица, была подвергнута не

---

¹ Там же. С. 157.

только роль в событиях Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, прямого предка Ивана Грозного. Фальсификацией было, кроме того, снятие языческих мотивов, которые весьма ярко выражены в «Слове». Последнее объяснял он тем, что, кроме «государьской» цензуры, издревле существовала на Руси и цензура церковная¹. В этом он был совершенно прав.

По наблюдению Альшица, отношение между «Словом о полку Игореве» и рассказом Степенной книги о Всеволоде Юрьевиче примерно такое же, как «между голосом и эхом», Рассказ Степенной книги – «отголосок» «Слова», но «отголосок искаженный». Так, автор «Слова» «гиперболизировал роль Святослава Киевского в происходивших событиях», а в Степенной книге о ней не говорилось вовсе. Но если автор «Слова» «с укоризной в бездействии обращался к Всеволоду и Роману», то в Степенной книге «сочинили версию об их решающем участии в событиях»².

Известно, что Альшиц не раз выступал против самых разных фальсификаций истории. Поэтому некоторым парадоксом выглядит название его известной статьи, посвященной отражению в Степенной книге событий похода князя Игоря на половцев в 1185 г. – «И от фальсификаторов бывает польза»³. В чем же в данном случае он видел эту пользу?

По мнению Альшица, польза от данной фальсификации была в том, что она наглядно свидетельствовала о существовании во время создания Степенной книги «Слова о полку Игореве». Отсюда полемика ее авторов со «Словом». Poleмика была скрытая, но достаточно резкая и острая. Книжники второй половины XVI в. совершенно иначе давали историю событий 1185 г., чем это было в «Слове». При этом они, указывая Альшиц, используя современную ему идеологическую и политическую терминологию, «подлинную историю они в своих трудах фальсифицировали в угоду политической конъюнктуре» – конъюнктуре времени царствования Ивана Грозного. Как подчерки-

¹ Альшиц Д.Н. И от фальсификаторов бывает польза. Правда, в редчайших случаях // Альшиц Д.Н. От легенд к фактам. С. 158.

² Альшиц Д.Н. Легенда о Всеволоде. С. 69.

³ Альшиц Д.Н. И от фальсификаторов бывает польза // Альшиц Д.Н. Шаги истории России из прошлого в будущее. С. 153.

вал Альшиц, в такой полемике «еще раз доказана несостоятельность точки зрения о том, что “Слово” – искусная подделка XVIII века»¹.

Польза от фальсификации истории русскими книжниками времени Ивана Грозного была в то же время, как отмечал Альшиц, случаем особым, из ряда вон выходящим, своего рода историческим казусом. И, конечно же, данный случай пользы от фальсификации он не рассматривал как какую бы то ни было историческую закономерность. Для него это была историческая случайность, вызванная особыми обстоятельствами политической и культурной ситуации в России того времени.

Несомненно, что Д.Н. Альшиц представил один из аргументов в пользу существования «Слова» как произведения русской средневековой литературы. Аргумент весьма интересный, даже при том, что он не может быть окончательным доказательством этого дискуссионного положения. Доказательство, выдвинутое Альшицем, не прямое, но косвенное. Но оно позволяет глубже понять особенности исторической мысли и практику подачи исторического материала во время царствования Ивана Грозного, особенности Степенно книги как большого исторического труда, выражавшего взгляды на русское прошлое которые разделял.

Возникает вместе с тем вопрос о необходимости для Д.Н. Альшица участвовать в дискуссии по поводу книги А.А. Зимина, которая не была издана. В этом отношении более корректной представляется позиция Л.В. Черепнина, который также привлекался к обсуждению книги. Как отмечал В.Д. Назаров, Л.В. Черепнин не разделял взглядов Зимина на «Слово» как на произведение конца XVIII в. Но он полагал в то же время, что для развертывания научной дискуссии и критики построений Зимина необходима публикация его книги. Поэтому в числе участников дискуссии Черепнина не было². Такое отношение к мероприятию, организовывавшемуся академическим руководством, было вполне объяснимо. Оно соответствовало традиции научной дискуссии. Между тем, книга А.А. Зимина опубликована ко времени

¹ Там же. С. 159.

² Назаров В.Д. Лев Владимирович Черепнин: судьба и наука (1905–1977) // Черепнин Л.В. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. Т. 1 / Сост., общ. ред. В.Д. Назарова. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 377.

проведения этой дискуссии не была. Она была лишь отпечатана на машинке в количестве ста экземпляров, и была роздана участникам дискуссии. В целом позицию Д.Н. Альшица в ходе дискуссии можно считать такой, что она была ближе к противникам А.А. Зимина. Но он также не признал принятую среди противников А.А. Зимина датировку «Слова» временем после 1185 г., и отнес создание произведения к более позднему времени. Оно появилось, по его мнению, после того, как в 1223 г. русские князья потерпели поражение в битве на Калке с монголами, и вызывалось этим событием.

2.6. Концепция опричнины Ивана Грозного Д.Н. Альшица и купец Харитон Белоулин

Являясь историком России эпохи Ивана Грозного, Д.Н. Альшиц уделил опричнине как наиболее яркому проявлению личности и деятельности этого царя самое значительное внимание. В этом отношении он шел по пути, который был проложен русской историографией, и начало которому положил современник монарха, его сподвижник, а затем враг, князь Андрей Михайлович Курбский.

За этот длительный период развития историографии опричнины выделилось несколько подходов к этому явлению. Один из них имел ярко выраженную морально-нравственную основу. С таких позиций подходили к характеристике Ивана Грозного крупнейшие русские историки XVIII – первой половины XIX вв. князь М.М. Щербатов и Н.М. Карамзин. Они резко осуждали опричнину и последовавшие в результате ее репрессии, которые приняли массовый характер, давали очень выразительную, на самом высоком художественном уровне, картины расправ царя со своими противниками, новгородского похода опричников. При этом художественная выразительность создававшейся ими картины исторических событий того времени нисколько не являлась отступлением от разнообразных сведений, сохранившихся об опричнине по источникам, не шла в ущерб зафиксированным в них следам исторической реальности времени царствования Ивана Грозного.

В русской историографии последующего времени обозначился более рациональный подход к этому явлению. Состоял он в том, что

историки, нисколько не отказываясь от общей негативной морально-нравственной характеристики опричнины, опричников и самого создавшего ее царя, стали стремиться найти в ней внутренний исторический смысл. В этом отношении очень заметно выделение историками двух противоположных точек зрения. Так, В.О. Ключевский вообще не видел смысла в опричнине, причины ее связывал исключительно с особенностями психологии царя, определявшимися его психическим нездоровьем и порожденным им страхами за свою жизнь. По его словам, опричнина «была в значительной мере плодом чересчур пугливого воображения царя. Иван направлял ее против будто бы страшной крамолы, будто бы гнездившейся в боярской среде и грозившей истреблением всей царской семьи»¹. Близкой точки зрения придерживался Е.Ф. Шмурло. Опричнину он напрямую выводил из состояния психики царя. «Недоверчивый, с детства, с впечатлительными нервами, легко раздражающийся, Иван начал видеть вокруг себя одну только крамолу, измену; это болезненное чувство постепенно овладевало им», – писал историк. Как он указывал, такому «неуравновешенному человеку, как Иван, достаточно было однажды вступить на наклонную плоскость, чтобы покатиться по ней с возрастающей скоростью»². Для начала XX в. утверждение о роли психологического начала не удивительно. В это время, во многом в связи с успехами психологии, с позиций этой науки стремились нередко объяснять исторические события и явления, проводить психологическую интерпретацию источников.

Большинство историков, однако, с этим утверждением не соглашалось. Так, согласно К.Д. Кавелину, опричнина имела глубокий внутренний смысл. По его мнению, она «была первой попыткой создать служебное дворянство и заменить им родовое вельможество, на место рода, кровного начала, поставить в государственном управлении начало личного достоинства»³. Следовательно, в опричнине он видел прогрессивное по своей сути явление. Это вместе с тем не значит, что

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2 // Ключевский В.О. Сочинения в 8-ми т. М.: Госполитиздат, 1957. С. 183.

² Шмурло Е.Ф. История России IX–XX вв. М.: Вече, 2005. С. 131.

³ Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт Древней России // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 54.

выдающийся историк-юрист оправдывал опричнину. Он усматривал расхождение между ее внутренним смыслом и характером действий опричников. «Опричники, взятые из низших слоев общества, ничем не были лучше бояр», – подчеркивал он. Поэтому позитивных результатов это явление не дало. Кавелин объяснял это тем, что «в самом обществе не было еще элементов для лучшего порядка вещей»¹. Мотивы страха царя перед боярами выделял еще до В.О. Ключевского С.М. Соловьев. «Опричнина была учреждена потому, что царь заподозрил вельмож в неприязни к себе и хотел иметь при себе людей, вполне преданных ему»², – подчеркивал он. Но в то же время опричнину он видел в рамках общей политики Ивана Грозного: «Характер, способ действий Иоанновых исторически объясняются борьбой старого с новым»³. Они отмечали наличие в опричнине совершенно определенного политического смысла. Такой смысл так или иначе заключался в связи с основным процессом, развивавшимся в России эпохи позднего средневековья и состоявшим в преодолении раздробленности страны и в создании единого государства. Этот смысл они видели в том, что опричнина занимала свое место среди других явлений, направленный на борьбу с остатками удельной старины, на укрепление центральной власти московских великих князей и царей и, следовательно, на укрепление государства в целом.

Цель опричнины четко выделял С.Ф. Платонов и ставил ее в общий контекст внутренней политики Ивана Грозного. «Борьба с “изменою” была целью; опричнина же была средством», – отмечал он. По его словам, «прямая цель опричнины была достигнута, и всякая оппозиция сломлена». Но обернулось это весьма тяжелыми последствиями, поскольку «опричнина разрослась до громадных размеров и разделила государство на две враждебных одна другой половины». И вообще, опричный «террор больше всего подрывал силы самого правительства и готовил ему жестокие неудачи вне и кризис

---

¹ Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт Древней России // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. С. 55.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 3 // Соловьев С.М. Сочинения в 18-ти кн. М.: Мысль, 1989. С. 536.

³ Там же. С. 688.

внутри государства»¹, – отмечал Платонов. Таким образом, он выделял наличие реальной причины возникновения опричнины, но в то же время отмечал сопровождавшие ее тяжелые последствия. И, самое главное, общие итоги опричнины он оценивал как негативные для государства и, по существу, как отдаленную предпосылку Смуты. Согласно М.К. Любавскому, цель учреждения опричнины также имела и определялась положением Ивана Грозного в качестве вотчинного государя. Поэтому, как вотчинный государь, «править вместе с боярами царь не мог». Отсюда «он выделил известную часть государства в свое единоличное распоряжение, а остальное отдал боярам». Но эта затея, по его словам, окончилась неудачей, и даже «современниками она рассматривалась как комедия»².

Позитивная оценка опричнины прослеживается в специальном исследовании по ее истории П.А. Садикова. Главное ее достижение он видел в борьбе со стариной, в утверждении новых политических начал, способствовавших укреплению государства. «Опричнина ломала решительно и смело верхушки феодального класса и поддерживала великокняжескую власть – этим, в условиях времени, она была безусловно прогрессивным фактором», – подчеркивал он. Для советского историка сталинского времени, когда в послевоенный период под прямым воздействием самого диктатора в историческом сознании советского общества формировался культ Ивана Грозного, такое положение было не удивительно. В то же время, как советский историк, Садиков выделял классовый характер опричнины. По его словам, «классовый антагонизм вскрывался в отношениях опричника-землевладельца и зависимого от него населения его поместья – крестьянина и кабального холопа – и временами уже выливался в настоящие крестьянские восстания»³. Но, признавая факт существования при Иване Грозном социальных противоречий, наличия у опричнины классовой направленности, Садиков несколько не отрицал ее общую прогрессивность. Нисколько не осуждал он царя за кровавые проявления опричнины, в том числе за погром

¹ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. С. 205.

² Любавский М.К. Русская история XVII–XVIII веков. СПб.: Лань, 2002. С. 27.

³ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 62.

января 1570 г. в Новгороде, когда за «оппозиционность» «все кары Ивана IV и опричнины обрушились в первую очередь на “духовный чин”», и, таким образом, он оправдывал эти «кары» самодержца по отношению к городу.

Решительный пересмотр позитивной оценки опричнины, утвердившейся в сталинское время, произошел в советской историографии последующего периода. Полностью исчезли всякие попытки оправдания опричных репрессий. В то же время историки продолжали искать объяснение причин, которые вызвали ее появление. В монографии А.А. Зимина выделено несколько таких причин. Все они определялись в свете традиционной идеи борьбы Ивана Грозного за объединение страны и укрепления централизованного государства. Одним из препятствий на этом пути он видел церковь. Зимин отмечал, что «русская церковь XVI в. представляла собой один из наиболее стойких рудиментов феодальной раздробленности, без трансформации которого не могло быть и речи о полном государственном единстве». Поэтому, преодолев «открытое сопротивление церкви», царю «удалось достигнуть крупного успеха в централизаторской политике»¹. Еще одним остатком старины было Старицкое удельное княжество. С гибелью князя Владимира Андреевича Старицкого в 1569 г., по словам Зимина, произошло «завершение длительной агонии последнего сколько-нибудь значительного удельного властителя на Руси»². Также целью опричнины был Новгород. Согласно Зимину, «ликвидация обособленности и экономического могущества Новгорода являлась необходимым условием завершения борьбы с политической раздробленностью страны»³. Не вполне при этом понятно, как ликвидация «экономического могущества» могла вообще содействовать утверждению новых позитивных начал в государстве. Тем более в государстве, отстававшем от западноевропейских стран по уровню своего экономического развития. При этом Зимин оговаривался, что гибель «многих тысяч новгородских крестьян и ремесленников, конечно, ничем не может быть оправ-

---

¹ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М.: Мысль, 1964. С. 259.

² Там же. С. 292.

³ Там же. С. 315.

дана»¹. Но в целом в опричнине он видел явление, направленное на ликвидацию остатков старины и укрепление государства.

Р.Г. Скрынников также видел в опричнине мероприятия, имевшее целью укрепление системы власти в государстве, но главным при этом он считал стремление Ивана Грозного посредством опричнины «упрочить государственную земельную собственность, составляющую основу военно-служилой поместной системы»². Земельную составляющую опричнины Скрынников ставил в связь с усилением не государства, но власти царя. Благодаря опричнине «в стране должен был утвердиться новый порядок, при котором монарх получал право отчуждать в казну вотчины по собственному произволу». Но, по его мнению, «опричная политика потерпела крушение». Ликвидировать «частную собственность» и «поставить аристократию в полную зависимость от самодержца»³ царь, как указывал Скрынников, не смог. Отсюда не удивительно, что Скрынников соглашался с выводом об отмене опричнины в 1572 г.

Таким образом, в советской историографии начиная начала шестидесятых годов ко времени появления исследований Д.Н. Альшица об опричнине сложилось совершенно четко выраженное и вполне обоснованное представление о наличии ее глубоких политических предпосылок. Вместе с тем объяснение их были не вполне одинаковые. Так, А.А. Зимин связывал с политическими предпосылками опричнины коренные интересы страны, заключавшиеся в объединении государства и в уничтожении ради этого важнейших пережитков удельной эпохи. В этой связи, при всей своей страшной жестокости, опричнина выражала в конечном счете эти интересы. С точки зрения Р.Г. Скрынникова, однако, политические предпосылки введения опричнины связывались в первую очередь с интересами не страны в целом, но самодержавия и непосредственно царя, стремившегося к укреплению самодержавной власти. Осуществлялось это в период опричнины путем замены традиционных поземельных отношений, при которых существовало право вотчинника на распоряжение своей вотчиной, новыми порядками, связанными с пе-

¹ Там же. С. 314.

² Скрынников Р.Г. История Российская. IX–XVII вв. М.: Весь Мир, 1997. С. 315.

³ Там же. С. 314.

редачей самодержцу права распоряжения всем земельным фондом государства. Идея прогрессивности опричнины, прослеживавшаяся у Зимина, у Скрынникова была совершенно приглушена. Наверное, отсюда и общая позитивная оценка Альшицем взглядов на опричнину Скрынникова, который «точнее, чем другие историки, проник в ее сущность»¹.

На взгляд Д.Н. Альшица, учреждение опричнины имело несомненные политические причины. Как он писал, «террор» опричнины был направлен «против удельной фронды», но «не только». Как он объяснял, опричный террор также направлялся «против “второй фронды” – оппозиционно или просто слишком независимо (“шляхетски”) настроенных служилых людей, оказывавших сопротивление жесткой и жестокой военной дисциплине, насаждаемой царской властью». В доказательство Альшиц приводил краткий анализ случаев бегства из государства. По его мнению, случай бегства князя А.М. Курбского стал столь широко известен не только вследствие значимости этого лица, но и потому, что бегство таких лиц было скорее исключением. Он сослался при этом на мнение по этому вопросу С.Б. Веселовского. Напротив именно «служилая мелкота составляла главную массу беглецов за рубеж»². Опричнина была, таким образом, мерой, направленных против этих людей. Другой причиной введения опричнины Альшиц считал стремление самодержавия к «ликвидации всякого сословно-представительного начала»³. Он при этом не соглашался с А.А. Зиминным и Р.Г. Скрынниковым о сохранении политической роли за Боярской думой в период опричнины. На уменьшение ее роли, по его мнению, указывали как репрессии против членов думы, так и то, что в тот период «задавали тон “ближние” люди царя – опричники». Суть такой перемены он видел в том, что «дума как учреждение перестала быть “высшим органом государства” и превратилась в покорную, низшую по сравнению с царским опричным правительством инстанцию»⁴.

¹ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л.: Наука, 1988. С. 140.

² Там же. С. 120.

³ Там же. С. 124.

⁴ Там же. С. 125.

Так же, как и Зимин, Альшиц полагал, что сокрушение Новгорода и в самом деле являлось одной из целей опричной политики. Но, в отличие от Зимина, он видел несколько по-иному характер борьбы самодержавия с этим важнейшим экономическим центром страны, хранившим культурно-историческую память о своей вольности. Так, Альшиц не разделял точки зрения Зимина на то, что экономически мощный Новгород служил препятствием на пути укрепления единства страны. Он подчеркивал, что традиции вольного Новгорода явно шли вразрез со стремлением к установлению неограниченной власти самодержца. «Трудно представить себе что-либо политически более чуждое самодержавию, чем вечевого порядок правления в Новгороде, опирающийся на экономическую самостоятельность купеческих и промысловых верхов», – писал он. Но дело не ограничивалось Новгородом. Конечно, упоминание о вечевом порядке правления в Новгороде при Иване Грозном не соответствовало новому порядку управления в городе после присоединения его к Московскому государству при Иване III. Вечевые порядки к тому времени уже не существовали¹. Тем не менее, историческая память о вечевых порядках в Новгороде не могла к тому времени уйти в прошлое. И это, в свою очередь, не могло не вызывать самого негативного отношения самодержца к городу, породившего полное его доверие его к версии опричников о готовившейся новгородской измене, ставшей причиной похода в январе 1570 г. и разгрома города. Расправившись с этим городом в январе 1570 г., царь, делал вывод Альшиц, «в конечном счете ликвидировал как политическую, так и экономическую независимость русских “торговых людей”»², и видел в этом еще одно крайне негативное последствие опричнины.

Вообще к положению посадского населения, и прежде всего купцов, Альшиц проявлял большой интерес. Это, по-видимому, не случайно, поскольку в сознании этого общественного класса он видел проявление стремления к самостоятельности и неприятие все более ясно проявлявшейся тенденции в развитии страны к установлению самодержавия. Для этого историк имел основания. Так, в Ер-

¹ Пронштейн А.П. Великий Новгород в XVI веке (Очерк социально-экономической и политической истории русского города). Харьков: Изд-во ХГУ, 1957. С. 203.

² Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. С. 126.

молинской летописи, отражающей позицию крупного московского купечества, было выражено самое резкое осуждение массовых публичных казней, совершенных в 1462 г. в Москве в самый последний период своего княжения Василием Темным. «Множество же народа, видящее сиа, от бояр и от купець великих, и от священников, и от простых людеи, во мнози быша в ужасе и удивлении», – указывалось в летописи. А поскольку эти казни осуществлялись во время великого поста, то на это также указывалось в летописи, и предьявлялось обвинение великому князю. Как говорилось в летописи, «недостойно бяше православному великому осподарю, во всей подсолнечной сущю, и таковыми казньми казнити и кровь проливати во святые велики пост»¹.

Не случайно поэтому Альшица привлекла рукопись конца XVII в., привезенная из Пустозерска и приобретенная в 1959 г. Государственной Публичной библиотекой. Она содержала повесть об Иване Грозном и купце Харитоне Белоулине, начало которой было утрачено. Историк привел обоснование того, что в повести описана массовая казнь в Москве в июле 1570 г., когда было казнено более ста человек. Среди казненных был дьяк Иван Висковатый, казначей Никита Фуников и многие известные лица. Указание повести на то, что казнь совершалась «на Пожаре среди Москвы» доказывало, что события повести относились к началу семидесятых годов, поскольку после нападения 1571 г. хана Девлет Гирея площадь перед Кремлем стала называться Пожаром. Альшиц отмечал, что опричнина в повести не упоминается, но есть ее прямые признаки. Так, перед казнью царь выехал на площадь «в опричном одеянии – “в черном платье”» Но в еще большей степени участие в казни опричников подчеркивается в повести словом «псарь», которые помогали палачам. Это упоминание «прозрачно указывает на опричников, отличительным знаком которой была песья голова, символизировавшая их собачью преданность царю и готовность выгрызть измену»². В самой повести одним из семи казненных был купец гостиной сотни Харитон Белоулин. Его палачи долго не могли «на плаху склонити, бе бо велик возрастом и силен велми». При этом он «возкрича ко царю рече

¹ ПСРЛ. Ермолинская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 23. С. 157.

² Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. С. 134.

з грубостью: «Почто, царю великий, неповинную нашу кровь проливаеши?». После казни его труп «счочи на ноги свои, и начат трясти на все страны, страшно зело обливая кровию окрест сущих себе». Тогда «многи палачи збиваху тело оно с ног и никак не возмогоша», и даже «царь усумневся и бысть страхом одерожим и отиде в полаты своя»¹. На царя все это произвело такое впечатление, что он «повеле всех поиманных отпустить». И после этого труп Белоулина «паде сам на землю»². Повесть отражала, писал Альшиц, «конфликт Грозного с купечеством». Этот конфликт в самом деле имел место, когда во время своего пребывания в Новгороде царь «повелел лавки новгородских купцов “разсекати и до основания разорити”»³. Повесть, указывал Альшиц, вышла из купеческой среды. В ней были переплетены черты исторической реальности, но сама она имеет «близость к народной сказочной манере»⁴. Повесть, как предполагал историк, была широко распространена. В частности, она дошла и до далекого заполярного Пустозерска, где была переписана в XVII в. Им отмечалась близость этой повести к «Песни про купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова. О знакомстве великого поэта с этой повестью он правомерно не утверждал, для этого не имелось сведений. Но, тем не менее, он выделял то, что сближало эту небольшую повесть с выдающимся произведением русской поэзии первой половины XIX в. Оба героя, Калашников и Белоулин – купцы, «могучие силачи из народа», которые «подняли голос против насилия и произвола»⁵, причем этот голос раздался из посадской среды.

Еще одним вопросом, к которому было приковано внимание Альшица, была отмена опричнины. Историк поставил под сомнение общепринятую в историографии дату ликвидации опричнины в 1572 г. Он подчеркивал, что указа об отмене опричнины не было. Им при этом обращалось внимание на то, что не было и указа об учреждении опричнины. Но, по его словам, «дошли его многочисленные следы и последствия». Среди них такие, как «пересказ в летописи,

¹ Там же. С. 133.

² Там же. С. 134.

³ Там же. С. 135.

⁴ Там же. С. 136.

⁵ Там же. С. 137.

разделение городов и территорий на “земские” и “опричные”, вполне реально обособленный штат опричников»¹. Столь же четких указаний на отмену опричнины Альшиц не находил. Напротив, он указывал, что из текста духовной грамоты Ивана Грозного 1572 г. вопрос о судьбе опричнин должен решаться не им, но «на воле детей моих, Ивану и Федору, как им прибыльнее, и чинят»².

Альшиц обращал внимание на то, что в ходе переговоров 1572 г. с польским послом Воропаем, который привез официальную просьбу некоторых польских панов, чтобы Иван Грозный принял после смерти короля Сигизмунда II Августа польский престол, царь не упоминал об опричнине. Но это, подчеркивал он, не может служить доказательством отмены опричнины, поскольку в дипломатических сношениях русская сторона не подчеркивала разделение государства на опричнину и земщину, и даже отрицала факт такого разделения. У царя «были весьма веские причины для дипломатического сокрытия опричнины»³, – отмечал он. Так, у папского престола ознакомление с записками немца Альберта Шлихтинга, бежавшего из России и писавшего об опричных порядках, вызвало крайне негативную реакцию, и даже стремление вообще «прекратить все сношения с царем Иваном»⁴. Не свидетельствовали об отмене опричнины и казни видных опричников. Согласно Альшицу, эти казни – «попытки положить конец наиболее вопиющим злоупотреблениям опричнины», но они «не затрагивали основ опричного режима»⁵. Едва ли можно соглашаться с мотивами этих казней. Но причины сохранения опричнины после 1572 г. обосновывались весьма подробно.

Важнейший признак существования опричнины после 1572 г. состоял, согласно Альшицу, в сохранении общих результатов земельной политики, проводившейся в тот период. Никакого возврата земель прежним владельцам не происходило, подчеркивал Альшиц. Более того, как он отмечал, как раз в 1572 г. был принят приговор, который запрещал боярам, входившим в думу, передавать вотчины по

¹ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. С. 142.

² Там же. С. 143.

³ Там же. С. 146.

⁴ Там же. С. 145.

⁵ Там же. С. 147.

наследству без специального разрешения царя. Следовательно, делал вывод он, политика сменившего опричнину двора по ограничению вотчинного землевладения в пользу казны «получала решительное подтверждение»¹, причем даже стала еще более последовательной. Сходство имели и меры проведения поземельной политики. Так, сохранились такие ее основополагающие стороны, как конфискации вотчин, раздача их на поместном праве дворовым людям и выплата денежных компенсаций за конфискованные вотчины.

Альшиц выделял еще один важный признак сохранения опричных порядков, которым было «разделение городов и территорий на земские и дворовые», соответствовавшие разделению территории страны на опричнину и земщину. Он приводил список дворовых городов по официальной разрядной книге. В качестве новых городов, ставших дворовыми, но не являвшихся опричными, он указывал на Псков и Ростов². Он не считал верным вывод Р.Г. Скрынникова, согласно которому посылка в города земских сборщиков для сбора на службу служилых людей не свидетельствует о принадлежности этих городов двору. Он отмечал, что следует учитывать проживание в опричных городах земских служилых людей, наряду с опричными, а затем дворовыми. Поэтому собирать земских служилых людей на службу и должны были земские сборщики.

Наконец, по мнению Альшица, в пользу сохранения опричнины говорило отсутствие упоминания об ее отмене князем А.М. Курбским в своей «Истории о великом князе московском», оконченной в 1573–1574 гг. Но высказано это было на уровне предположения. «Нетрудно представить себе, с каким злорадством написал бы он о провале опричной политики Грозного, об отмене ненавистой опричнины»³, – писал о князе Курбском Альшиц. Все это вполне возможно, но является не более чем гипотезой, поскольку доказательств этому нет.

Рецензент этой монографии, Р.Г. Скрынников, оценил концепцию Д.Н. Альшица весьма положительно. «Выводы автора оригинальны, нередко парадоксальны, но каждому из них предшествует серьезная работа с источниками, в чем и заключается одно из главных досто-

¹ Там же. С. 154.

² Там же. С. 156.

³ Там же. С. 157.

инств его книги»¹, – отмечал он. И вообще, по его мнению, Альшиц сумел «соединить стройную научную аргументацию с живым и ярким изложением». Вместе с тем он выделил свое несогласие с некоторыми ее важными положениями. Так, Скрынников не согласился с точкой зрения Альшица о том, что в 1572 г. опричнина не завершилась. Как он указывал, ряд признаков говорили об отмене опричнины, но признаков косвенных. Так, он обращал внимание, что, по данным Разрядов, опричных воевод назначали под команду более знатных земских воевод, а земскую казну царь вовсе не отбирал, но опричную казну передал в подчинение земскому казначею князю В.В. Мосальскому². В этом он видел один из существенных признаков окончания опричнины. Он также указывал, что не только Г. Штаден указывал на 1572 г. как на время конца опричнины и отмечал, что Д. Флетчер писал о существовании опричнины в течение семи лет³.

Вывод Д.Н. Альшица о сохранении опричнины после 1572 г. в целом не был поддержан историками. Тем не менее, он представляет интерес.

2.7. Д.Н. Альшиц о реформах Избранной рады

В сборнике статей, вышедших в 1990 г. в Новосибирске и посвященных шестидесятилетию юбилею известного историка Н.Н. Покровского, содержалась статья Д.Н. Альшица темой которой были реформы Избранной рады. Они были оценены в статье как первый опыт перестройки государственного аппарата в России. По мнению Альшица, это были мероприятия, которые по своему значению «стоят гораздо выше петровских преобразований». Причина, как он подчеркивал, в том, что такой вывод правомерен «с точки зрения отразившихся в них демократических начал»⁴, или то, чего

¹ Вопросы истории. 1989. № 7. С. 157–158.

² Там же. С. 159.

³ Там же. С. 158.

⁴ Альшиц Д.Н. Первый опыт перестройки государственного аппарата в России (Век шестнадцатый. Реформы Избранной рады) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма (Археография и источниковедение Сибири). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. С. 244.

не прослеживалось в ходе реформ системы государственной власти при Петре I.

Для Д.Н. Альшица, известного исследователя эпохи Ивана Грозного, тема Избранной рады была в некоторой степени новой. Ранее основное внимание он уделял опричнине и вопросам, связанным с общественно-исторической мыслью России при этом царе. Но, как он отмечал, «период радикальных общественных перемен», который переживало советское общество в тот период, его «революционной перестройки» «в сторону ... демократизации» способствует возрастанию общественного интереса «к историческому опыту проведения радикальных преобразований в прошлом»¹. Альшиц при этом отметил, что нашему современнику «может показаться парадоксом» сама связь демократизации с царствованием Ивана IV. Но, разъяснял Альшиц, такое было возможно потому, что «почти сорокалетнее царствование Грозного носило в различные периоды различный характер». Причиной, послужившей «толчком к проведению решительной перестройки» порядков в Московском государстве порядка», стало народное движение. Это было, отмечал он, «небывалое по силе и размаху восстание московского “черного” люда против хищнического, угнетательского правления боярских группировок, правивших страной, сменяя она другую в Боярской думе». Эта мысль заслуживает того, чтобы на нее обратить внимание. Конечно же, она не очень оригинальная. В историографии так или иначе проводили связь между реформами Избранной рады и восстанием в июне 1547 г. в Москве. Между тем, это московское восстание было как бы исключением в рамках своего рода закономерности, отмеченной В.О. Ключевским. В условиях, писал Ключевский, когда народу «представлялось, что Московское государство ... есть государство московского государя, а не московского или русского народа», когда «не могли ужиться с существующим порядком, не восставали против него, а выходили из него, “брели розно”». Тем самым «народ выработал особую форму политического протеста»², выражавшуюся в уходе из государства. В самом деле, до Смутного времени массовых народных движений в Русском государстве, в об-

¹ Там же. С. 243.

² Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 3 // Ключевский В.О. Сочинения в 8-ми т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. С. 52.

щем, не наблюдалось. Но восстание в Москве 1547 г. было своего рода исключением как движение крупное и оказавшее влияние на политику властей. Для конца прошлого века, когда на волне критики опыта российских революций в исторической мысли возникла тенденция к негативному восприятию массового народного протеста, мысль Альшица о позитивном влиянии народного движения на политику государства была не только правильной, но и своевременной. Но он выделял еще одну причину реформ, связанных непосредственно с царем. Альшиц отмечал, что для царя еще молодого люди, которые пришли на волне восстания к государственному управлению, были «поистине спасительным кругом», пока он не имел достаточно прочной опоры для своей власти. Эти люди, подчеркивал Альшиц, к которым относились прежде всего дворянин Алексей Адашев и поп Сильвестр, самые «яркие представители нового правительства», соединяли в своей деятельности демократизацию управления с усилением централизованного начала. Как на выражение такого нового демократического начала он указывал на создание Челобитенного приказа, «через который любой житель страны чуть ли не из рук в руки мог передать самому царю прошение или жалобу»¹. Но в то же время он правильно отметил, что эта мера была рассчитана на то, чтобы создать впечатление в народе о доступности для подданных власти и самого царя.

Среди реформ Избранной рады Альшиц особо выделял судебную реформу. Он ее ценил выше, чем реформирование судебной системы при Петре I и Екатерине II. По своему значению судебную реформу Избранной рады он называл «ближайшей предшественницей судебной реформы 1864 г.»² Конечно же, такое заявление требовало четкого обоснования. К обоснованиям Альшиц отнес то, то и судебная реформа при Иване Грозном, и судебная реформа при Александре II появились в сходных исторических ситуациях. Раскрывая, в чем состояло это сходство, он указывал на обстановку в стране, для характеристики которой он использовал хорошо узнаваемое определение революционной ситуации, которое давал В.И. Ленин³, без указания

¹ Альшиц Д.Н. Первый опыт перестройки государственного аппарата в России. С. 244.

² Там же. С. 245.

³ Ленин В.И. Крах II Интернационала // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 26. С. 218.

на него. И в середине XVI в., и в шестидесятых годах XIX в. «верхи» не могли управлять по-старому «низам», не желавшими по-старому жить», – писал Альшиц. Но, принятые под давлением «снизу», указывал он, обе реформы «пришли в решительное противоречие с самодержавным строем». Отсюда сходство в судьбе обеих реформ. Судебные реформы при Александре II «были постепенно, но все же довольно скоро, взяты царизмом назад». То же самое имело место и при Иване IV. Как только, писал он, «самодержавие в 60-е гг. обрело свою сущность», и судебная реформа Избранной рады, и земский строй «были обречены на гибель».

Отмену системы кормлений Альшиц называл «Высшим проявлением политического компромисса феодальных верхов с верхами крестьянского и торгово-промышленного городского населения». Эта мера, подчеркивал он, благоприятно отразилась на торговле и промышленности, на развитие северных областей страны, где при Адашеве и Сильвестре можно было наблюдать «поразительную картину роста ремесла, торговли, мощного промыслового предпринимательства». Отсюда возрастание значения в государстве, которое приобрели «торговые мужики». В частности, «двинские богатеи» Фофан Макаров и Михаил Косицын впервые в 1556 г. ездили в Англию в качестве торговых «гостей»¹.

Для историографии, отмечал Альшиц, характерна недооценка реформ, проведенных Избранной радой. Отчасти он объяснял это кратковременностью реформ, а отчасти тем, что имело место «настойчивое очернение деятельности так называемой Избранной рады, начатое Иваном Грозным»². Он в этой связи напомнил о мысли, которую высказывал еще К.Д. Кавелин по поводу опричнины, что это «учреждение, оклеветанное современниками и непонятое потомству»³. В этом заявлении заметно стремление к некоторой апологии опричнины. Альшиц ни в коем случае не соглашался с апологией этого политического учреждения. Но он посчитал возможным использовать те же слова, которые Кавелин относил к опричнине, к

¹ Альшиц Д.Н. Первый опыт перестройки государственного аппарата в России. С. 246.

² Там же. С. 246–247.

³ Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт Древней России // Кавелин К.Д. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 101.

реформам Избранной рады. В самом деле, отмечал он, трудно найти пример, когда правительство, которое провело такие необходимые реформы, «подверглось бы столь ожесточенным нападкам современников, а затем и вторящих им историков».

Для понимания характера деятельности Избранной рады Альшиц считал не менее важным обоснование реформ, или их идеологическое обеспечение. Он провел сопоставление двух произведений, автором которых признается Иван Пересветов. По его мнению, автором Сказания о Магмет-салтане был не Пересветов, но Алексей Адашев, а Большой челобитной – также не Пересветов, но Иван Грозный. Для Сказания, указывал он, характерна самая резкая критика боярского правления. В нем «осторожное, можно сказать, “первичное”, предложение реформ. А главный герой – Магмет-салтан, тогда как «царь лишь упоминался в конце». В Большой челобитной он видел апологию самодержавия, «поток восхвалений и самовосхвалений» царя, в ней «едва ли не впервые было сформулировано понятие “царь-отец”». И одновременно – «мотивы задабривания служилой массы, демагогического заискивания перед ней»¹. Историко-сравнительный метод по отношению к двум этим сочинениям позволяет, писал Альшиц, «разглядеть своеобразную полемику ближайших политических союзников того времени», когда ими были царь Иван Грозный и Алексей Адашев. Реформы Избранной рады, при всей их значительности, не обеспечили движения страны по пути, укреплении демократических начал, подчеркивал Альшиц. Он считал, что это было не случайно, поскольку в то время «реальным социально-экономическим и политическим условиям развития страны соответствовало самодержавие»². Царь уже позже, после ликвидации Избранной рады, проявлял «неиссякаемую ненависть» к Адашеву и Сильвестру. Причину он видел в том, что они предприняли по существу «попытку создать правовое государство, где власть царя была бы ограничена представительными учреждениями, а власть на местах осуществляла бы выборное самоуправление». В силу же самодержавия и способность только на его основе обеспечить защиту

¹ Альшиц Д.Н. Первый опыт перестройки государственного аппарата в России. С. 248.

² Там же. С. 249.

«общегосударственных интересов» Иван Грозный «фанатически верил». Что же касается опричнины, то в ней Альшиц видел систему мероприятий, направленную на окончательную ликвидацию начал государственного устройства, заложенных при Избранной раде.

Поэтому Альшиц считал необходимым при изучении Избранной рады освободить его «от влияния ее первого историка – царя Ивана Грозного». Это означало, по его мнению, решение двух задач. Первой было выяснение, в самом ли деле Курбский входил в круг лиц, «определявших политику государства» в период накануне и во время деятельности Избранной рады¹. Это он считал важным, поскольку причисление князя к Избранной раде создавало неправильное представление о ней. Это давало возможность решить вторую задачу – опровергнуть представление о «пробоярской ориентации» Избранной рады, но такого представления добивался Иван Грозный. Условием для их решения было умение отличать «Ивана IV конца 40–50-х гг. от Ивана Грозного 60-х и следующих годов его царствования». Он подчеркивал, что такая разница имела место, даже при том, что «Иван Грозный, разумеется, изначально “сидел” где-то внутри Ивана IV». Но, тем не менее, «согласие «царя с Адашевым и Сильвестром держалось «в течение многих лет стойко»².

Данная статья Д.Н. Альшица хорошо вписывается в традицию отечественной исторической мысли, согласно которой в истории России, в том числе в период царствования Ивана Грозного, имели место два очень разных периода. Один из них был благоприятным, а другой выступал как антитеза первому. Еще князь А.М. Курбский в своей «Истории о великом князе московском» четко делил царствование Ивана Грозного на два периода. Благоприятным, было время совместного правления царя с Избранной радой. Другим, неблагоприятным, в котором самому князю пришлось бежать к противнику в Литву, было время, наступившее после ликвидации Избранной рады и начала царских репрессий. Такую концепцию принял в целом Н.М. Карамзин³. В историографии второй половины XX в. мысль о двух периодах в истории страны также получила свое вы-

¹ Там же. С. 250.

² Там же. С. 251.

³ Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М.: Книга, 1983. С. 119–120.

ражение. Так, А.Л. Янов, который отбыл из СССР в эмиграцию, указывал, что при Иване III формировавшееся Московское государство развивалось по европейскому пути. Но в шестидесятые годы XVI в. положение резко изменилось. «В Москве произошла самодержавная революция – и кончилось ее европейское столетие»¹, – писал он. Европейский путь развития страны, ее европейское будущее, которое так старательно выстраивал Иван III, было, как подчеркивал Янов, разрушено самодержавием Ивана Грозного. А.А. Зимин относил переход от одного периода к другому к более раннему периоду. По его мнению, борьба двух возможных путей в развитии страны, более свободного, вольно-посадского и по существу раннебуржуазного, и самодержавного, опрично-крепостнического, происходила при Василии Темном. Состояние русских земель того времени, согласно Зимину, соответствовало названию его книги – «Витязь на распутье». Победа великого князя Василия Темного над своими противниками, опиравшегося на ресурсы Москвы с ее мощным слоем мелких служилых людей, наделявшихся поместьями и стремившихся к закреплению своих людей, над свободно развивавшимися посадскими общинами русского Севера вроде Галича, на который опирался противник Василия II Дмитрий Шемяка, имела самые неблагоприятные последствия. После этой победы «градус несвободы повысился»². «Гибель свободы Галича», когда взял верх над своими противниками «слепой немудрящий правитель» – Василий Темный – «повлекла за собой падение Твери и Новгорода, а затем и кровавое зарево опричнины»³.

Россию времени царствования Ивана Грозного видел «на перепутье» Н.Е. Носов. Он подчеркивал, что до середины XVI в. имел место в стране «интенсивный экономический подъем», который «мог бы явиться началом весьма серьезных сдвигов во всех сферах жизни, сдвигов буржуазного, вернее, предбуржуазного свойства». Предпосылки для подобных сдвигов он видел еще в конце XV в., «особенно на посадах и в черносошных районах страны». Однако

¹ Янов А.Л. У истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 77.

² Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. С. 211.

³ Там же. С. 210.

«в результате “ивановой опричнины” и “великой крестьянской порухи” все-таки победило крепостничество (в сфере социальной и не только крестьянской) и самодержавие (в сфере политической)». Причину такой победы Носов видел в том, что сословно-представительные учреждения страны носили «половинчатый и незавершенный характер, характер придатка самодержавия»¹.

Как и Н.Е. Носов, Д.Н. Альшиц крайне негативно оценивал скатывание страны к опричнине и к утверждению самодержавия. Но если Носов в большей степени строил вою оценку на материалах экономической и социальной истории, то Альшиц выдвигал на первый план явления права и политический строй. Он справедливо указывал, что политика компромисса пятидесятых годов, когда правительство Избранной рады Адашева и Сильвестра проводило реформы, вызывалось массовым народным движением в Москве 1547 г., а также слабостью царской власти, вынужденной опираться на земскую поддержку. По существу, на данном этапе своей научной деятельности Альшиц начинал переходить от темы опричнины к теме Избранной рады. Такой переход для ученого вполне логичен. Он позволяло дать комплексную характеристику отечественной истории за время царствования Ивана Грозного и более четко обосновать исторические тенденции в развитии страны. Это давало также возможность полнее, глубже и конкретнее понять не только опричнину, но и общие тенденции в развитии страны, объяснить меры самодержавной власти по всемерному подавлению ростков демократии. Статья в новосибирском сборнике стала своего рода заявкой на разработку новой темы и относящихся к ней интересных и оригинальных идей. Но довести эту разработку до уровня монографии Д.Н. Альшиц уже не успел.

2.8. Список опричников Ивана Грозного

Еще в 1949 г., вскоре после своей защиты кандидатской диссертации, Д.Н. Альшиц опубликовал список опричников². Само название

¹ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л.: Наука, 1969. С. 9–10.

² Альшиц Д.Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года // Исторический архив. М.; Л., 1949. Вып. 4. С. 3–71.

статьи свидетельствует о том, что уже в то время Альшиц ставил под сомнение традиционное представление об отмене Иваном Грозным опричнины. И после 1572 г., которым датировалась эта отмена, опричнина, считал Альшиц, на самом сохранилась, правда, под иным названием. Значение этого списка он видел в том, что ранее не было конкретных представлений о том, как был организован опричный двор, они были «в основном гадательными». Список позволял получить такое представление, поскольку в нем были указаны не только конкретные люди, входившие в его состав, но и учреждения, относящиеся к нему. Альшиц считал, что на этот список в историографии не обращалось ранее достаточного внимания. Это было, считал он, не случайно, поскольку в списке было указано более 1800 имен, но к нему не было указателя. В новом издании списка 2003 г. он исправил этот недостаток. Список датирован 20 марта 1573 г., когда царь в нем «пометил» денежные и иные оклады¹. Сам список представлял собой рукопись XVIII в. Она была сделана по двум спискам XVI в., и в этом позднейшем списке два более ранних списка были соединены. На это указано в самой рукописи. При этом данные из второго списка вносились в рукопись как дополнение и давались в квадратных скобках. Имела место в данной рукописи, как указывал Альшиц, путаница листов, когда окончание списка опричников Бронного приказа было отнесено в самый конец рукописи, за списком Кормового дворца, или Сытного приказа².

Список различает оклады, которые устанавливались за службу в опричнине. Альшиц выделял наивысшие оклады в размере от 600 до 300 рублей. Он указывал, что один из «наивысших окладов», в 400 рублей, получала «Марья Малютина жена Белского». Он предположил, что это была сумма оклада, который получал погибший незадолго до этого Малюта Скуратов. Как указывал Альшиц, это единственный известный случай выплаты пенсии жене за погибшего мужа. За наивысшими окладами шли оклады, весьма высокие, «которые условно могут быть названы персональными» – от 250

¹ Список опричников Ивана Грозного. Подготовка текста и предисловие Д.Н. Альшица. СПб.: Изд-во РНБ, 2003. Серия «Рукописные памятники». Вып. 7. С. 6. Повторное издание: Альшиц Д.Н. От легенд к фактам. С. 301–346.

² Там же. С. 14.

до 60 рублей. Абсолютное большинство опричников имело оклады от 50 до 3 рублей¹. В составе опричного двора, согласно источнику, было четыре приказа: Постельный, Бронный, Конюший и Сытный. В Постельном приказе обслуживалась царская семья. Среди них – слуги за царским столом, в комнате, лица, приставленные к царским водкам, мойщики в бане. Один из портных получал жалованье 5 рублей деньгами и кормом, но имел еще 50 четей земли, и, таким образом, был и портным, и помещиком². В Бронном приказе служили оружейники, мастера разных специальностей. Функция Бронного приказа – обеспечение «ремонта и подновления оружия всей опричнины», включая служилых из опричных земель и городов». Служба в Конюшем приказе была особо почетной, поэтому в нем служило больше всего помещиков, которые «составляли значительную часть конной свиты царя и царевичей при выездах и охотах». Но наряду с ними множество людей предназначалось для разной «черной работы». Самым большим приказом был Сытный, или Сытный дворец, в котором насчитывалось 4756 сытников, во главе которых стояли «путные ключники»³.

Говоря о комплектовании опричного двора, Альшиц указывал, что «принцип приема “по родству”, т.е. родственников тех, кто уже служил в опричнине, видимо был в то время решающим при отборе новых людей»⁴. Альшиц также обратил внимание на ведение о денежном, поземельном и хлебном жалованье служивших в опричном дворе. Эти сведения, считал он, важны для «выводов об экономической жизни Московского государства»⁵.

При повторной публикации в 2003 г. списка опричников Д.Н. Альшиц вновь вернулся к вопросу об отмене в 1572 г. опричнины. Публикация списка, как подчеркивал Альшиц, имела значение для подтверждения его вывода о том, что в 1572 г. опричнина не была отменена. Он при этом сравнивал ситуацию в 1564–1565 гг., когда опричнина была введена, с ситуацией 1572 г. В первом слу-

¹ Там же. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же. С. 13.

чае царю было важно заявить, что он «оставляет царство, обособляется в “опричнину”», – указывал Альшиц. Но к 1572 г. он сумел «прочно утвердить себя самодержцем, стать подлинным хозяином своей страны». В таких новых условиях «уничжительный смысл слова “опричнина” пришел в противоречие с действительным положением и должен был становиться все более нежелательным как снижающий образ единовластного владыки». Поэтому получалось противоречие между смыслом слова «опричнина» и сущностью ее как системы политических мероприятий. Так, по своему смыслу слово «опричнина» означала разделение территории государства на земскую часть и на то, что находится «опричь» нее, или на опричнину. Но политическая сущность опричнины «означала не разделение власти, а, напротив, ее небывалую консолидацию в руках царя». Поэтому «термин “опричнина” стал себя изживать по мере усиления царской власти»¹, – отмечал Альшиц. Не было, по его мнению, свидетельством отмены опричнины даже казни некоторых опричников. Саму систему они не упраздняли. Он отмечал, что и до 1572 г. были случаи казни видных опричников. Особенно относилось это к 1571 г., когда Малюта Скуратов, «добившись отставки Басманова и Вяземского, ... довершил разгром старой опричной верхушки». Но тем самым, делал вывод Альшиц, «не опричнина была обезглавлена, а ее прежнее руководство», а устранение «старомосковской знати» и «переход главенства в опричнине к Малюте Скуратову и Василию Грязному, естественно, только усиливали “опричность” опричников»². Не говорило об отмене опричнины вхождение в ее состав в начале семидесятых годов представителей «“лучших” родов». Это были князья Ф.М. Трубецкой, Н.Р. Одоевский, С.Д. и П.Д. Пронские, И.А. Шуйский, О.М. Щербатый-Оболенский, А.П. Хованский. Смысл их вхождения в опричную думу Альшиц видел в том, чтобы «прикрыть реальный характер его правления с помощью включения в число деятелей опричнины титулованных марионеток». Второй целью было «впрямь в опричную колесницу представителей высшей аристократии с целью возложить на них ответственность за оприч-

¹ Список опричников Ивана Грозного. Подготовка текста и предисловие Д.Н. Альшица. С. 21.

² Там же. С. 22.

ную, т.е. бескомпромиссную самодержавную политику, способствовать полному подчинению родовой знати царскому правительству, выбить почву из-под обвинений царя в том, что он окружает себя одними худородными “маленькими” людьми¹.

Наконец, Альшиц указывал на упоминание об опричнине в самом тексте списка. В нем упоминался некий «Меншик Недрюев» как один из двух путных ключников Сытного двора. О нем было сказано: «Государево ему жалованье было в земском 50 рублей, а в опричном ему оклад не бывал. Случай, как отмечал Альшиц, был сложным. Если бы Меншик Недрюев оставался в земщине, то он бы получал свой оклад. Но другой путный ключник этого же двора, указанный с ним на пару, Василий Матисов, получал только «25 рублей»². Следовательно, в опричнине Меншик Недрюев не мог получать прежний оклад. Согласно Альшицу, запись в списке о нем свидетельствовал о том, что его «служба в земщине» «была уже в прошлом», а для новой службы ему надо было утверждать новый оклад³. Вместе с тем Альшиц признавал, что в список 1573 г. входили не только опричники⁴. Это не случайно. Многочисленные служители четырех приказов на разных мелких должностях быть опричниками не были.

Таким образом, вывод Д.Н. Альшица состоял в том, что отмена опричнины означала лишь отмену упоминания о ней. Отделение ее от земщины на самом деле сохранялось. Только речь шла уже не об опричнине и земщине, а об опричнине и дворе. Отсюда и упоминание Альшицем двух Разрядов – опричного и земского⁵. Свой прежний вывод о том, что опричнина вовсе не была на самом деле отменена в 1572 г., он сохранил.

Между тем, Альшиц обращал внимание на упоминание в Конюшом приказе среди царских задворных конюхов – Мити Губастого и Ивана Губастого с окладом по 4 рубля и с упоминанием у Ивана Губастого поместья в 70 четей⁶. В них он видел родственников Петра

¹ Там же. С. 23.

² Там же. С. 96.

³ Там же. С. 32.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Там же. С. 50.

⁶ Там же. С. 86.

Губастого. О Петре Губастом, отмечал Альшиц, упоминалось в Описи царского архива, составленного в семидесятых годах XVI в., где говорилось, что в ящике 143 «черный список Ивашка Пересветова да Петра Губастого и иные списки». В Петре Губастом Альшиц видел того самого «воинника», который составил «публицистическое сочинение в форме челобитной», где «содержится имя Пересветова»¹. Следовательно, в Мите и Иване Губастом он видел родственников Петра Губастого, который нередко известен под именем Ивана Пересветова, также попали в список 1573 г., причем Иван Губастый был помещиком.

2.9. Был ли опричником Генрих Штаден?

Частью общей проблематики истории опричнины был вопрос о Генрихе Штадене, вестфальце, авторе записок о Московском государстве. Для Д.Н. Альшица он был интересен как сам о себе, так и в связи с его концепцией, согласно которой в 1572 г. отмены опричнины не было, а она продолжала существовать под видом двора при запрете употреблять само это слово. Что касается самой личности Штадена, то интерес она представляла в качестве наглядного образца наглого авантюриста эпохи позднего средневековья, использовавшего повествование об опричнине для собственной карьеры при дворе императора Рудольфа II Габсбурга.

Тексты, написанные Г. Штаденом, были введены в научный оборот в Германии в 1917 г., а в 1925 г. вышел в свет перевод их на русский язык, сделанный выдающимся историком И.И. Полосиным. С тех пор для всех исследователей опричнины они стали одним из важнейших источников. Все признавали Штадена человеком, хорошо знавшим положение в Московской Руси времени Ивана Грозного, поскольку проживал в стране долго, с 1564 по 1576 гг.² Альшиц при этом выделял существенное противоречие. Так, с одной стороны,

¹ Список опричников Ивана Грозного. Подготовка текста и предисловие Д.Н. Альшица. С. 51.

² Краткий очерк пребывания Г. Штадена в Московии см.: Бахрушин С. Западная Европа и Московия в XVI веке // Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. М., 1925. С. 45–49.

исследователи отмечали довольно единодушно самые низкие моральные качества автора этих текстов, склонность его к хвастовству и, следовательно, к тому, чтобы говорить неправду, что давало основание ставить под сомнение некоторые его сообщения. Но, с другой стороны, сообщению Штадена об отмене опричнины в 1572 г. оказывалось безусловное доверие. Так, о 1572 г. как о годе ликвидации опричнины указывалось в отечественной историографии, начиная с Н.М. Карамзина, когда сочинения Г. Штадена еще не были известны. Эта дата прочно утвердилась в историографии. Ее признавали А.А. Зимин, Р.Г. Скрынников и В.Б. Кобрин¹. Альшиц поставил под сомнение еще одно утверждение Штадена, согласно которому он был опричником. По его мнению, опричником он не был, но о своей службе в опричнине он прямо написал в своей автобиографии².

При анализе текстов Штадена перед Альшицем вставала существенная трудность. С одной стороны, как подчеркивал историк, Штаден очень часто напрямую врал. Но, с другой стороны, описанию им некоторых событий времени опричнины Альшиц вполне доверял и принимал за выражение исторической реальности. Такое отношение к тому, что было написано Штаденом, заметно, впрочем, и в трудах ряда других историков. Но Альшиц обосновал возможность сосуществования в рамках текстов одного автора того и другого. В текстах Штадена заметно выделялись, по мнению Альшица, две части. Одну из них составляли «рассказы о событиях, свидетелем и участником которых он был сам лично». Другую – «пересказы всевозможных легенд и слухов, ходивших в окружавшей его во время пребывания на Руси среде». Что касается этих других, то Альшиц выделял среди них те, которые «отражали достоверные факты», и другие, явно мифологические. Из них одни можно проверить по источникам. Примером таких фактов являлся рассказ Штадена о скотопримышленнике Микуле, который будто бы спас Псков от разгрома его опричниками в 1570 г., когда они явились туда после разгрома Новгорода. В нем отмечал Альшиц, можно видеть известного по другим источникам «легендарного псковского юродивого

¹ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 477; Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М.: Наука, 1975. С. 190; Кобрин В.Б. Иван Грозный.

² Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. С. 132.

Николку»¹. Но целый ряд приводимых им сведений, писал он, проверить по другим источникам невозможно. Такая классификация сообщений Штадена, проделанная Альшицем, представляется правильной. Вместе с тем она может быть дополнена тем, что при условии признания справедливости сделанного Альшицем вывода о том, что Штаден не был опричником, могут быть выделены известия, которые являются намеренной и прямой ложью автора.

Альшиц провел анализ текста «Автобиографии» Штадена с целью выявления лжи в его утверждении о службе его в опричнине. Так, он выделял противоречие между сведениями в разных частях сочинения этого автора. Он подчеркивал, что если в таких поданных им императору Рудольфу II сочинениях, как «Проект завоевания Руси» и «Описание страны и правления московитов» Штаден заявлял о своем жительстве в земщине, то в «Автобиографии» «несколько раз заявляет, будто был опричником». Но и при этом он «проговаривается», многие объективные детали выдают истину, состоящую в том, что он постоянно жил в земщине». Таким образом, он противопоставлял два рода свидетельств Штадена, намеренные и ненамеренные, и делал вывод в пользу верности последних. Такой метод анализа с точки зрения критики источников верен, в самом деле, ненамеренным свидетельствам и оговоркам принято отдавать предпочтение перед намеренными сообщениями.

Альшиц анализировал при этом сообщения Штадена, относившиеся к заведенной им корчме на территории земщины. Но несколько ниже Штаден написал, что имел двор в пределах опричнины. Эти сообщения, согласно Альшицу, противоречили друг другу. Так, он ставил вопрос, как опричник мог иметь корчму и торговать вином в пределах земщины. Кроме того, ему показалось также недостоверным сообщение о жалобе жителей опричнины с улиц, находившихся близко к корчме Штадена, на эту корчму. Альшиц спрашивал, «как могли “простолюдины из опричнины”, т.е. простые посадские жители и крестьяне, жаловаться на царского слугу – опричника». Да и вообще, указывал историк, жителям опричной части города будто бы не могла мешать корчма, открытая в земской его части. Альшиц

---

¹ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. С. 164.

делал вывод, что в данном случае опричнина «названа Штаденом для красного словца». В самом же деле жалобу подавали земские, но вовсе не опричники. Она была подана «в земский двор», «на обоснованного у них мошенника-шинкаря». Альшиц при этом обращал внимание, что на земском дворе начальником и судьей был Григорий Грязной, который был опричником. Судя по автобиографии Штадена, он будто бы стал на его защиту и заявил, что Штаден – «иноземец, и нет у него друзей-покровителей»¹. Но это заявление якобы прямо указывало на то, что Штаден не был опричником. «Об опричнике, обласканном царем, не скажешь, что нет у него “друзей-покровителей”», – писал Альшиц, приводя, таким образом, в качестве довода такой довольно косвенный, но основанный на логике признак. Еще одним важным признаком отсутствия Штадена в рядах опричников было, по мнению Альшица, то, что, согласно данным самого немецкого автора, наделением поместьями его как иноземца занимался дьяк И.М. Висковатый. Но этот видный деятель земщины не мог наделять землей опричников, он выполнял другие функции. К тому же челобитье о поместье Штаден подавал боярину И.П. Челяднину. Но, указывая Альшиц, этот известный земский боярин точно так же не мог раздавать земли опричникам ни в пределах опричнины, ни в земщине. Следовательно, делал вывод историк, у Штадена «в земщине два двора, корчма и поместье», его дела «решают на земском дворе» и «пользуется покровительством руководителей земщины»², и он, следовательно, опричником не был.

Говоря о битве на Молодях 1572 г. против Девлет Гирея, Штаден, как отмечал Альшиц, писал о своем участии в ней в земском войске воеводы князя М.И. Воротынского. Опричнину он даже не упоминал, как и то, что воевода князь Д.И. Хворостинин, который послал его с тремястами «служилых людей» для дозора на Оку, был опричником. В этом Альшиц видел еще одно доказательство того, что Штаден не был опричником. И вообще, сравнивая рассказы его об опричнине и земщине, историк указывал, что о земщине немецкий автор говорил «достаточно определенно», тогда как, говоря об опричнине, он «погружается в бездну несусветной лжи и неприми-

¹ Там же. С. 165.

² Там же. С. 166.

римых противоречий». Одним из ярких примеров такой ошибки, выделенной Альшицем, был рассказ о бегстве князя А.М. Курбского в Литву по причине установления опричнины, тогда как на самом деле введение опричнины было после бегства князя. Еще одна ошибка Штадена – в упоминании о том, что в Москве еще до установления опричнины существовали «опричнина и земщина, опричный террор и опричные стрелки»¹. Начало чумы и голода Штаден отнес к началу переселения вотчинников с земель, взятых в опричнину. Но самом деле, отмечал Альшиц, времена «великого голода» и чумы» наступили лишь через пять-шесть лет после начала опричнины². Ничего конкретного, писал Альшиц, он не сообщал и о своей службе в опричнине. То же самое – об Александровой слободе, центре опричнины. Не был Штаден, как подчеркивал историк, во время похода на Новгород в 1570 г. в самом Новгороде, и о событиях в Новгороде, а также в Пскове, знал понаслышке. Как на выдумку Альшиц указал на упоминавшийся рассказ Штадена, что во время похода Девлет Гирея 1572 г. он находился в дозоре на Оке, и то, что в бою с татарами погибли все его подчиненные, и будто бы лишь он, Штаден, уцелел. Альшиц отмечал, что «если бы это было так, Штаден занимал бы должность по меньшей мере “головой из опричнины” и имя его упоминалось бы в разрядной росписи». Но Штаден, как заметил историк, в разрядах ни разу не упоминается³.

Как подчеркивал Альшиц, Штаден «охотно присваивает себе титулы и положения, которыми на самом деле не обладал». В доказательство историк приводил слова Ивана Грозного, будто бы сказанные Штадену: «Отныне ты будешь называться – Андрей Володимирович». «Частица “вич”», – разъяснял далее Штаден европейскому читателю, – «означает благородный титул. Иначе говоря, великий князь дал мне понять, что это – рыцарство», приравнивая, таким образом, немецкое понятие рыцарства и русское понятие боярства. Это давало Альшицу основание не верить в то, что он служил в опричнине. Разъясняя это, он писал: «Зачислив себя с такой

¹ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. С. 167.

² Там же. С. 168.

³ Там же. С. 172.

легкостью в бояре, Штаден с тем большей легкостью зачислил себя в опричнину»¹.

Весьма своеобразно, как указывал Альшиц, Штаден повествовал о конце опричнины. Отнес он «начало разгрома опричнины» еще ко времени до 1571 г., то есть до сожжения Москвы Девлет Гиреем. Это произошло тогда, когда, по словам Штадена, «великий князь принялся расправляться с людьми из опричнины». Причиной были, как писал Штаден, бесчинства опричников против земских. Опричнина как будто бы, согласно Штадену, закончилась. Но, говоря о пожаре Москвы во время нашествия хана, Штаден, как указывал Альшиц, говорил о сожжении опричного двора. Следовательно, опричнина к тому времени все еще существовала, если сохранялся опричный двор. Да и во время похода Девлет Гирея в 1572 г. Штаден служил, как он писал, под командованием воеводы Д.И. Хворостинина, который был, как известно, опричным воеводой. Наконец, как отмечал Альшиц, во время написания своих записок в 1577–1578 гг. Штаден, проживавший в то время в имении своего покровителя, пфальцграфа Георга Ганса в Лотарингии, писал об опричнине «как о действующем в Московии порядке»². Таким образом, на время завершения опричнины Штаден четко не указывал. Альшиц выделял по существу несколько утверждений немецкого автора о конце опричнины или в то же время о продолжении ее существования, каждое из которых совершенно очевидно противоречило друг другу.

С выводом Д.Н. Альшица о том, что Г. Штаден не был опричником, не согласился Р.Г. Скрынников. Он при этом признал, что Альшиц, справедливо указывал на существенные противоречия в повествованиях Штадена. Но указание на то, что получение поместья от земских деятелей И.М. Висковатова и боярина И.П. Федорова-Челяднина не доказывает невозможность его службы в опричнине, Скрынников не поддержал. Как отмечал он, Штаден получил поместье значительно раньше, еще после своего приезда в Москву в 1554 г., когда он стал служить переводчиком (толмачом) в

¹ Альшиц Д.Н. Записки Генриха Штадена о Москве Ивана Грозного как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1985. Т. 16. С. 144.

² Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. С. 175.

Посольском приказе в пределах удельного Старицкого княжества. Когда в 1566 г. Старица вошла в состав опричных земель, Штаден был принят на службу в опричнину, и получил на правах поместья села Красное и Новое при сохранении за ним прежнего поместья¹. Нет противоречия и в том, жители опричнины жаловались на Штадена на Земский двор. Как отмечал Скрынников, Земский двор являлся учреждением, ведавшим охраной порядка в Москве, причем в опричнине Земский двор возглавлял дворянин Григорий Грязной. Скрынников согласен с Альшицем в том, что Штаден не был в 1570 г. в Пскове, когда опричники во главе с царем двинулись туда после разгрома Новгорода. Но, как подчеркивал Скрынников, это не может служить доказательством того, что Штаден не был опричником. Штадену пришлось отправлять с обозом награбленное в новгородском походе добро в свое поместье в Старицкий уезд. Тем более, как писал Скрынников, после ухода из Пскова царь в Старице устроил смотр опричного войска, Штаден попал на смотр и получил за это новое пожалование². Таким образом, Скрынников признавал фактом службу Штадена в опричнине.

Вместе с тем Скрынников объяснил не все противоречия в текстах Штадена, указанные Альшицем. Так, во время второго похода Девлет Гирея на Москву 1572 г., как писал сам немецкий автор, он «не соглашался» выполнять свою обязанность при постройке Гуляй-города, когда каждый помещик должен был участвовать в этом строительстве «соответственно размеру своих поместий». Альшиц правомерно обращал внимание на то, что Штаден тем самым «поступает вопреки приказам и вообще как ему заблагорассудится», но это самым решительным образом расходилось с порядком опричной службы³.

Таким образом, Д.Н. Альшиц не смог довести до конца доказательство своей точки зрения, согласно которой Г. Штаден не был опричником. Но до конца не доказана и противоположная точка зрения, в защиту которой выступал Р.Г. Скрынников. Тем не менее, дискуссия по вопросу о месте, которое занимал в России времени

¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб.: Наука, СПб. Отделение, 1992. С. 60.

² Там же. С. 61.

³ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. С. 171.

Ивана Грозного этот немецкий автор-авантюрист, представляется плодотворной. Она помогает глубже уяснить характер опричнины, место иностранца на русской службе, восприятие Московского государства в культуре западноевропейских стран эпохи позднего средневековья. Она также дает возможность лучше понять особенности исследования эпохи Ивана Грозного в отечественной историографии. Поэтому она представляет существенный интерес.

2.10. «Новые русские» XVII–XVIII вв.: Д.Н. Альшиц о людях и нравах России эпохи первоначального накопления и «демократия под двуглавым орлом»

Не только государство и государственные институты России во времена Ивана Грозного привлекали внимание Д.Н. Альшица. Также значительным интересом его пользовались сложные процессы, разворачивавшиеся в стране в новое время. В центре его исследовательского внимания оказались судьбы людей, личностей далеко не первого плана, об отдельных обстоятельствах судеб которых известно из документальных источников. Так или иначе, но наглядно проявлялась связь этих судеб с новым для русского общества явлением, которым стало начало процесса, хорошо известного как первоначальное накопление капитала. Но вместе с тем они не в меньшей степени оказывались связаны и с такой глубинной традицией Московского государства, как репрессии со стороны властей и страх населения перед властями и этими репрессиями. А также с такими, как воровство на разных уровнях и длительная канцелярская волокита при разбирательстве дел.

Поднимая тему о людях начала нового времени в России в условиях развертывания первоначального накопления капитала, Альшиц по существу работал в направлении новой биографической истории, которая направлена в конечном счете на углубленное понимание как исторических макропроцессов, так и судеб конкретных людей в конкретных культурно-исторических условиях и ситуациях своего времени. В период исследовательской работы Альшица это направление только еще начинало свое развитие в отечественной

историографии, и историк, по существу, внес свой вклад в его становление.

На примере жизни и судеб отдельных людей Альшиц выявлял источники их обогащения или, по существу, первоначального накопления их капиталов. Использовал он при этом документы из Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, где он работал, которые относятся к городу Яренску и уезду. По этим документам ему удалось проследить биографию посадского человека из Яренска Михаила Евпсихеева Попова, который зарабатывал в городе написанием разных документов, необходимых для жителей. Как отмечал Альшиц, заказы от жителей были постоянны, Попов их добросовестно выполнял, а деньги не пропивал, но накапливал. В результате в 1682 г. он смог купить в городе хороший дом, который выделялся своим видом, «красивый, чистый, с трубой». Разбогатев, завел Попов в городе собственную торговлю и был на очень хорошем счету у местных властей. За годы царствования Петра I он разбогател, несмотря на постоянно возраставшие налоги, и имел собственную торговлю в Архангельске, Москве и вблизи Макарьева монастыря. Богатство и успехи в торговле привели, однако, к тому, что Попов переоценил свои возможности. Он вступил в борьбу с местной властью, задумав искоренить злоупотребления. Но в ответ сам был обвинен в краже государева золота, направлявшегося с приисков в столицу. Сам Михаил Попов умер в тюрьме под следствием. Но сына его, Григория, обвинение отца не коснулось. Он еще более разбогател и стал очень видным лицом в городе. В 1732 г. его послали в Москву с собранной в Яренске казной подушного сбора, а в 1736 г. он должен был выступать в Сенате по вопросу об ассигнованиях из бюджета на нужды Яренского уезда. Таким образом, в качестве источника первоначального накопления Альшиц выделил в данном случае написание челобитных, а также указал на такие способствовавшие накоплению черты характера Михаила Попова, как бережливость и предприимчивость.

Еще одним способом первоначального накопления, выделенным Альшицем, было участие в сибирской торговле. В этом преуспел крестьянский сын Кузьма Силин Щелканов. Получив в молодом возрасте покормежную грамоту, Кузьма работал в разных сибир-

ских городах, и в конце концов устроился работником к сольвычегодскому купцу Мезенцеву, возил его товары с китайской границы в Нерчинск и Якутск, и фактически стал его компаньоном. На этой торговле он разбогател. По возвращении в Яренск он отказался записываться в купечество и платить положенный купцу оклад и числился по-прежнему крестьянином. Но накопленные им капиталы не лежали мертвым грузом и стал давать деньги под заклад. У него появилось множество должников, в том числе за пределами Яренского уезда, которых он разорял и кабалил. На вырученные деньги он купил несколько деревень с земельными угодьями. Не удивительно, что со стороны окружающего населения он пользовался глубокой неприязнью, и был однажды ограблен. Но и это не помешало ему оставаться со значительной частью нажитого им капитала. Следовательно, в торговых операциях и в ростовщичестве Альшиц видел еще один источник первоначального накопления капитала.

Но особенно любопытный случай, проанализированный Альшицем, имел место в девяностых годах XVII в. в Усть-Сысольском уезде, недалеко от Яренска. Он заключался в конфликте между архимандритом Спасо-Прилуцкого монастыря Варлаамом и «лучшими людьми» города и уезда, купцами и богатыми ремесленниками, с одной стороны, и выборными подьячими, занимавшимися казнокрадством, с другой. Борьба шла длительное время. Подьячих разоблачили, однако они послали на своих противников тайный донос в Москву. Дело было поднято вновь. Но архимандриту и его сторонникам удалось привлечь на свою сторону местного владельца соляных варниц, железных заводов, медных рудников, лесных участков. Из Москвы был прислан стольник Строев, который провел самый серьезный розыск и вскрыл воровство бывших подьячих на колоссальную сумму в сорок тысяч рублей. Они были полностью разоблачены. Но, как обращал внимание Альшиц, в своей челобитной они просили, чтобы им «конец не разорица». В самом деле, «вернуть в казну краденое ведь тяжелее, чем украсть», – писал историк, – и они просили «поэтому нас, воров, надо и сейчас, и впредь освободить от всех налогов, которые платят честные люди»¹. Психология таких

¹ «Новые русские» позавчера, вчера и сегодня // Шаги истории России из прошлого в будущее. С. 44.

людей выявлена Альшицем очень точно. Но эти мысли, которые будто бы вынашивали проворовавшиеся устьсысоьльские подьячие, оказались актуальны и для нашего времени, когда и в самом деле от налогов освобождены владельцы колоссальных состояний как «пострадавшие от санкций». Таким образом, в начале нынешнего века сбылась мечта устьсысоьльских жуликов конца XVII в., которую так четко выразил Д.Н. Альшиц.

Конечно же, Альшиц очень хорошо понимал отличия между научным историческим исследованием и произведением на тему исторической публицистики. Но в сборнике «Шаги истории России», рассчитанном на широкий круг читателей, подобные параллели между прошлым и современным состоянием были уместны. Тем более, что массовое историческое сознание было направлено на поиск исторических параллелей. Оно отражало стремление к поиску в отечественном прошлом параллелей с современным состоянием общества и государства, к выделению черт сходства, которые носили принципиальный характер, составляли матрицу развития страны. Такие параллели Альшиц с большой наглядностью демонстрировал своему читателю. Так, прежде всего, он исходил из того, что как в XVII–XVIII вв., так и в новейшей России развивался процесс первоначального накопления капитала. Он, следовательно, подчеркивал, что стране пришлось вновь пройти такие стадии в своем развитии, которые она проходила тремя веками раньше, и которые страны Западной Европы прошли уже давно. Но, как и в раннее новое время, так и в нынешней России условия для первоначального накопления капитала были принципиально однотипны. «Как тогда, так и сейчас ... первоначальное накопление капитала осуществляется в условиях жесткой бюрократической государственной системы», – подчеркивал Альшиц. Он также указывал на самую тесную и непосредственную связь между денежным богатством и властными структурами. Деньги становятся серьезной политической силой», – подчеркивал он на основании анализа отношений раннего нового времени и наблюдений за постсоветской Россией. Особо и совершенно справедливо он при этом указывал на такую сторону роли денег, как инструмента подкупа и коррупции. «Взятки и подкуп администрации приоб-

ретают массовый характер. Деньги работают на подкуп избирателей и свидетелей», – справедливо отмечал он. Но при этом, даже в случае злоупотреблений, по его словам, «государственная власть принимает сторону “лутших людей” – их либо обеляют, либо сравнительно мягко наказывают».

Д.Н. Альшиц затрагивал в связи с историей первоначального накопления капитала в России еще один принципиально важный вопрос для понимания характера российской истории. Он относился к соотношению общего со странами Западной Европы и особенного в ходе российского исторического развития. Известно, что в отечественной исторической мысли на рубеже прошлого и нынешнего веков была популярной идея о принципиальном различии исторического пути западноевропейских стран и России. Она сложилась в отечественной историографии еще со времени М.П. Погодина и полностью преобладала вплоть до вывода Н.П. Павлова-Сильванского о существовании русского феодализма, однотипного с западным феодализмом. Мысль об общих путях развития разных стран была характерна для формационной метатеории, распространенной в советской историографии. Но в условиях ее кризиса сформировался в исторической мысли спрос на цивилизационные теории, которые основывались на положении об особом историческом пути разных стран и народов, в том числе столь самобытной страны, как Россия. Альшиц, как это видно, не стремился к полному отрицанию идеи принципиального единства между российской и западноевропейской историей. Поэтому, отвечая тем теоретикам, которые говорили, что развернувшиеся в конце XX – начале XXI вв. процессы накопления капитала были глубоко чужды русским традициям, он указывал, что нечто подобное Россия проходила в своем прошлом. По его словам, «ошибаются те, кто утверждает, что, создавая класс капиталистов и капиталистические отношения, мы копируем чуждый нашей стране опыт, идем неведомой для нас дорогой и поэтому, мол, имеем на этом пути всякого рода издержки»¹. Ничего чуждого российской истории в первоначальном накоплении капитала не было.

¹ «Новые русские» позавчера, вчера и сегодня // Шаги истории России из прошлого в будущее. С. 45.

Но, признавая общие основы в историческом развитии России и западных стран, Альшиц вовсе не уходил от выделения особенностей развития в России капитализма, как на самой ранней его стадии, так и в современный период. Этот капитализм, по его словам, «пригосударственный» и «прогосударственный». Он, согласно Альшицу, мог существовать постольку, поскольку «всегда оставался в самодержавном государстве “своим”, внутрифеодальным, пригосударственным капитализмом»¹. В этом имели место «проявления симбиоза (полезного сожительства) российской буржуазии и самодержавия»².

Вместе с тем Альшиц совершенно определенно заявил о принципиальном сходстве между первоначальным накоплением капитала при самодержавном режиме и в настоящее время. Точно так же, как и тогда, в постсоветский период этот процесс носит вполне «государством организуемый и патронируемый характер». Но он также высказался и по поводу культурно-исторических основ нынешнего государства в России. Оно «хотя и является по конституции демократическим, и по форме, и по существу проявляет свою генетическую привязанность к монархическому наследию». По существу же это «явное стремление правителей к единовластию, а всякого рода элит к верноподданничеству»³. Замечание совершенно справедливое. В свойственной для Альшица игре со словами и их смыслами он использовал выражение из публицистики, которым нередко характеризовали Б.Н. Ельцина – «харизматический лидер». Он весьма удачно это предложение переделал в выражение «царезматический лидер»⁴, причем ни в коем случае не желая как-то задеть первого президента России, при правлении которого он писал данный текст. Он, конечно, не знал, до каких конкретных форм и выражений дойдет отмеченная им тенденция, связанная с воспроизводством после ликвидации советского строя монархических начал. Но общее направление политического и культурного развития страны по этому

---

¹ «Новые русские» позавчера, вчера и сегодня // Шаги истории России из прошлого в будущее. С. 45.

² Там же. С. 46.

³ Там же. С. 47.

⁴ Там же.

пути было им отмечено верно. Получалась, по его утверждению, «демократия под двуглавым орлом», который вернулся со своими коронами, скипетром и державой как символ новой России. Этот орел и превращал реальную демократию в ее имитацию, что нашло свое проявление в нынешнем столетии, в значительно большей степени, чем в то время, когда Альшиц писал данную статью.

Проводя столь очевидные параллели между современной Россией и Россией раннего нового времени, Д.Н. Альшиц вполне сознательно оказывался за пределами исторической науки и выходил на уровень исторической публицистики. Для широкого российского читателя, который живо интересовался столь новым явлением для страны после социализма, как формирование капиталистических отношений, и который стремился понять сущность и характер развертывавшихся в социально-экономической жизни процессов, такой экскурс в историю был, несомненно, очень интересен.

2.11. За правду истории... Д.Н. Альшиц об обороне Ленинграда и о Великой Отечественной войне

Несомненно, что Великая Отечественная война и оборона Ленинграда, участником которой Д.Н. Альшиц был почти с первых дней войны и почти до самого ее конца, оказали на его психологию и личность самое глубокое воздействие. Не случайно поэтому подвиг Ленинграда стал в числе важнейших тем его литературного творчества. Но вместе с тем Альшиц напрямую обращался к военной теме и к вопросам освещения истории боевых событий в своей публицистике. И если он показал себя решительным противником фальсификации русской средневековой истории, если он показывал наглядный пример такой фальсификации в Лицевом летописном своде, то отстаивать историческую правду о Великой Отечественной войне он стремился тем более.

Как подчеркивал Альшиц, оборона Ленинграда вообще в истории войн «стала единственным в своем роде феноменальным фактом». Историческим феноменом была по его словам, и трехлетняя оборона огромного города, и то, что его защитники сумели «раз-

громить осаждавшие его войска наступлением изнутри блокадного кольца». Но позже, отмечал он, история обороны Ленинграда «подвергалась исключительно серьезным искажениям». Как свидетель и внимательный наблюдатель, он видел две волны таких фальсификаций, и первую «подняли Сталин и его подручные»¹. Связывал он это с одним из крупных репрессивных дел послевоенного времени – с Ленинградским делом. Он указывал на гибель в результате репрессий бывших руководителей обороны города Н.А. Вознесенского и А.А. Кузнецова. Также он особо подчеркивал, что бывший секретарь Ленинградского обкома партии А.А. Жданов «накануне погрома, учиненного в Ленинграде, умер в подмосковном санатории, как говорится, “вовремя”, при загадочных обстоятельствах». Репрессии коснулись, по его словам, не только руководителей, но и немало го числа участников обороны Ленинграда. Он обращал внимание на два обвинения в адрес руководителей обороны города. Первое из них состояло в том, что они ее «плохо организовали», второе – в том, что они «раздули, преувеличили, выпятили подвиг Ленинграда, преуменьшив при этом роль товарища Сталина в Великой Отечественной войне вообще и в организации обороны Ленинграда в частности». На лживость обвинений в преуменьшении ими роли Сталина он указывал прямо, поскольку, по его словам, подвергшиеся репрессиям руководители Ленинграда «не были ни героями, ни самоубийцами, и прилежно славили Сталина, ничуть не меньше, чем все другие большие и малые номенклатурщики».

Совершенно правомерно «дичайшим преступлением» сталинского режима против исторической памяти считал он проведенный в рамках «кампании дегероизации подвига Ленинграда» разгром и уничтожение Музея обороны Ленинграда². С горечью перечислял он результаты этого деяния. «Стоявшие вокруг здания музея в Соляном городке трофейные немецкие танки и орудия, три года подряд обстреливавшие город, пошли в переплавку. Основатель и первый директор Музея обороны – Лев Львович Раков был приговорен к 25 годам заключения и отправлен во Владимирский централ»³. В этой связи

¹ Альшиц Д.Н. (Д. Аль). За нами был наш гордый город. С. 6.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 7–8.

Альшиц делал интересное наблюдение за психологией советского литературного начальства, которых репрессивные кампании напугали настолько, что страх сказывался через много лет после Сталина. Он приводил пример, когда даже в «относительно спокойную брежневскую эпоху» при издании его повести «Приказа умирать не было» цензор вычеркнул слова «Над полем боя появился “кукурузник”», отметив на полях: «При чем здесь Хрущев?!» Он подумал, что слово «кукурузник» напомнит читателю образ Н.С. Хрущева, о котором после снятия его с постов в октябре 1964 г. в партийной и советской печати не упоминалось, а имя его заменялось словами «волюнтаризм и субъективизм». В самом деле, с Н.С. Хрущевым в массовом сознании советских людей сложилась стойкая ассоциация с кукурузой, причем она была очень распространена, а самого Хрущева нередко называли Кукурузником. Но в данном тексте Альшица никакой ассоциации с Хрущевым, конечно же, не было, и под кукурузником понимался только лишь небольшой самолет с двойными крыльями.

Вторую волну фальсификации ленинградской обороны вели, по его замечанию, уже в современной России «современные радикалы умственного труда, ослепленные идеей тотального отрицания всего, что имело место в прежнее, советское время». Альшиц при этом оговаривается, что четко разделяет, где «подлинный демократизм» и где «тенденциозная клевета», а это, совершенно справедливо подчеркивал он, «две вещи несовместимые»¹.

В таких измышлениях он выделял несколько положений. Во-первых, это не вполне добровольный способ формирования народного ополчения Ленинграда. Решительно отвергая это, он приводил данные, согласно которым из 210 студентов 4 курса исторического факультета ЛГУ, который закончил он сам в 1941 г., в ополчение вступило 209 человек. Во-вторых, это утверждение «о плохой (и даже безобразно плохой) организации обороны Ленинграда». Конечно, указывал он, было немало примеров «неорганизованности, неподготовленности». Но иначе и быть не могло. В самом деле, блокаду «никто не предвидел и не планировал»². Но и при этом защитники города сумели отстоять его в условиях, когда противник имел зна-

¹ Там же. С. 8.

² Там же. С. 9.

чительное преимущество в силе и технике. По данным Альшица, превосходство врага по пехоте было в 2–4 раза, по орудиям в 4 раза, по минометам почти в 6 раз, по самолетам – почти в 10 раз. Несомненно, что специальные исследования позволят уточнить эти весьма приблизительные данные. Но, очевидно, во всяком случае, что защитники города имели значительно меньше сил, чем немецкие и финские войска. Кроме того, в городе, отмечал Альшиц, была проделана большая работа по эвакуации предприятий, научно-исследовательских институтов и вузов, театров, кроме театра музыкальной комедии. Военное производство было налажено в таких широких масштабах, что даже в 1941 г. из осажденного города по льду Ладоги и самолетами в помощь Москве было направлено более тысячи орудий, сделанных на ленинградских предприятиях.

Особенно высоко Альшиц оценивал организацию эвакуации из осажденного города. Тем самым, подчеркивал он, гитлеровский план, заключавшийся в том, «чтобы ни один человек, в том числе ни одна женщина, ни один старик, ни один ребенок не мог уйти из осажденного города – был таким образом начисто перечеркнут». Благодаря этому было спасено множество людей, а блокадники «могли получать больше продуктов питания». Но такое увеличение снабжения, признавал он, было и за счет гибели от голода шестисот тысяч ленинградцев. Он также отрицал утверждения, что «начальство в Смольном ело досыта», что Жданов «объедался ромовыми булочками». Этого, по его словам, не могло быть, поскольку у Жданова «был диабет и никаких сдобных булочек он не поедал»¹. Но, впрочем, в этой фразе нет отрицания самого факта особого снабжения продовольствием Смольного и всего ленинградского руководства, а причиной ограничения питания Жданова Альшиц указал его диабет.

Обратил внимание Альшиц на некоторые другие стороны обороны города. Так, по его данным, фашисты сбросили на здание Публичной библиотеки более 200 зажигательных бомб. И ни одна из них не вызвала пожар, поскольку были обезврежены постоянно дежурившими сотрудниками библиотеки и их детьми². Также он привел известный факт, что в условиях страшного голода в Инсти-

¹ Альшиц Д.Н. (Д. Аль). За нами был наш гордый город. С. 12.

² Там же. С. 14.

туте растениеводства, где хранилась коллекция злаков, собранная Н.И. Вавиловым в разных районах мира, не было съедена «ни одна горсть зерна». Также «в сорокоградусные морозы зимы 1941 года» не было вырублено на отопление ни одного дерева в Летнем саду и в других садах Ленинграда.

Как бы подводя итог сказанному, Альшиц отмечал, что «в осажденном городе имели место и мародерство (разграбление “выморочных” квартир), и преступность, и людоедство... Да, было и такое». Имели место случаи наживы – «рояль за буханку хлеба, золотое кольцо за хлебную “пайку” в 125 грамм». Но главным было «великое блокадное братство» людей, решимость отстоять город, и в этом, по его словам, «город и фронт были одно целое»¹. И, конечно же, причина крепости Ленинграда также, по его замечанию, в том, что город защищала вся страна. Как историк, анализируя общие причины стойкости Ленинграда, и как участник событий, переживший это время как защитник города, Альшиц выделял следующие. Это – «двухсотлетние традиции непобедимой морской твердыни», которой был Санкт-Петербург и Ленинград, его «громadный промышленный и научный потенциал», а также, что совершенно справедливо, «не иссякающая к тому времени инерция революционной романтики». Отмечал он также «особый ленинградский менталитет», выражением которого он видел «чувство сопричастности каждого ленинградца к великим ценностям искусства, науки, русской и мировой культуры», сосредоточенным в городе². Еще одна мысль, высказанная им в заключение статьи – война как «урок подлинного, непоказного, чистого патриотизма, неизгаженного шовинизмом»³. Мысль совершенно справедливая. Еще ко времени подготовки Альшицем этой книги он мог видеть тот самый показательный патриотизм, который расцвел уже за годы после выхода книги в свет пышным цветом. Видеть такой фальшивый патриотизм участнику обороны Ленинграда было очень горько. Как глубокий знаток М.Е. Салтыкова-Щедрина, он не мог не прилагать к ситуации последних лет своей жизни мысль классика русской литературы о том, что бывает нема-

¹ Там же. С. 15.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 18.

ло случаев, когда «заведомый казнокрад мог объясняться в любви к отечеству». Альшиц ясно видел стремление властей внедрить в массовое сознание собственное понимание патриотизма, при котором «наилучшее выражение патриотизма заключается в беспрекословном исполнении начальственных предписаний»¹, как писал еще во второй половине XIX в. признанный классик русской литературы. Альшиц не мог не видеть, как под знаменем патриотического воспитания молодежи протаскивается нередко совершенно иное – воспитание лояльности, воспитание не патриотов, но приспособленцев. Альшиц же выражался в этой связи еще более резко и точно, когда отмечал, что в современный период имеет место «использование» знамени Победы «в качестве фигового листа, которым некоторые нынешние псевдопатриоты пытаются прикрыть свой фашистский срам»².

Отсюда – обращение его к ценностям патриотизма, незамутненного показухой, который находил проявление в духе защитников Ленинграда, одним из которых и был Д.Н. Альшиц. Как историк, сформировавшийся в советские годы, он в полной мере принимал положение о справедливых войнах, и понимал, что справедливая и освободительная война Советского Союза против гитлеровской Германии была исключительно глубоким источником патриотизма советского общества. В отличие от этой священной войны, война захватническая, или война, основанная на имперских химерах, уходящих своими корнями в далекое прошлое, не могла быть источником патриотизма.

Событием большой общественной значимости стала в июне-июле 1989 г. острая дискуссия двух выдающихся личностей отечественной культуры и двух фронтовиков – писателя Виктора Петровича Астафьева и историка Даниила Натановича Альшица – по вопросу о целесообразности обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Вопрос, выдвигавшийся частью советского общества на последнем этапе его существования, был сформулирован В.П. Астафьевым в интервью одному из средств массовой информации. Он заключался в целесообразности огромных жертв из

¹ Салтыков-Щедрин М.Е. Сила событий // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 20-ти т. М.: Художественная литература, 1969. Т. 7. С. 161, 162.

² Альшиц Д.Н. (Д. Аль). За нами был наш гордый город. С. 18.

числа ленинградцев и вообще защищавших город советских людей, которые были принесены в период его героической обороны. Совершенно очевидно, что еще в недавнее время подобная дискуссия была бы исключена. Но в новой культурно-исторической ситуации в стране, явившейся следствием системного кризиса советского строя, когда со всей очевидностью обозначилась неизбежность падения коммунистического режима, возникало прямое противопоставление ценностей гуманизма основам, заложенным в нем. Конечно, такое противопоставление имело все основания. В конце восьмидесятых годов в стране шли бурные дискуссии о прошлом, о массовых репрессиях, оживлению которых способствовало творчество прежде всего Анатолия Рыбакова, опубликовавшего в 1988 г. в журнале «Дружба народов» роман «Дети Арбата», и целого ряда других писателей. О негуманной стороне советской жизни очень хорошо знали и В.П. Астафьев, видевший у себя на Енисее сибирских заключенных и ссыльных, и Д.Н. Альшиц, отсидевший в тюрьме и в лагере пять лет. Поэтому в целом дискуссии на тему гуманизма советского общества для Альшица были приемлемы. Но развертывание ее применительно к теме блокады Ленинграда он считал невозможным и неправильным. Довод Астафьева, суть которого выражали слова: «Миллион жизней за город, за коробки» он решительно отказывался принимать.

Отвечая на него, он указывал, что решимость защищать Ленинград «была всеобщим настроением», и в городе «в принципе не было такой ситуации, чтобы одни люди принуждали других защищать город». Не было, писал он, никакого принуждения идти в народное ополчение. Так же, как и не было принуждения «гасить немецкие зажигалки на крышах, спасать раненых во время бомбежек и артобстрелов». «Никто сам не хотел оставаться в стороне»¹, – подчеркивал он. В числе тех, кто не оставался в стороне, он привел выходявших на дежурство выдающихся ученых – Дмитрия Сергеевича Лихачева и Ивана Афанасьевича Бычкова. Но в дискуссии с писателем Альшиц приводил еще один аргумент, который встречался не так уж часто. Он указывал, что в Ленинграде «никого не надо было принудительно удерживать от эвакуации», и обращал внимание на то, что «не было при подхо-

---

¹ Там же. С. 309.

де немцев даже подобия массового бегства из города, случившегося в Москве 16 декабря 41-го года»¹. Среди погибших ленинградцев были те, кто имел возможность уехать в эвакуацию. Но они считали необходимым «посильно участвовать в защите города, разделить общую судьбу его жителей»². Среди таких ленинградцев он указывал свою мать, Ольгу Семеновну, умершую в блокадном городе. Еще одним аргументом Альшица была связь поколений. Он напоминал, как строился Санкт-Петербург, как «под мостовыми и фундаментами» города «лежат кости сотен тысяч строителей, крестьян, согнанных сюда со всей России». И поэтому сдача города, как понимали его защитники, была бы «непростительным предательством в отношении труда, усилий и памяти тех, кто его выстроил и тех, кто два с половиной века собирал по крупицам сохраняемые в нем сокровища отечественной и мировой культуры». Наконец, Альшиц приводил довод военно-стратегического характера. Он подчеркивал, что сдача Ленинграда значительно ухудшила бы ситуацию под Москвой, куда были бы направлены фашистским командованием «миллион вооруженных до зубов гитлеровцев, высвободившихся после сдачи Ленинграда»³, и положение на других фронтах.

Положения, высказанные в дискуссии Д.Н. Альшицем, были очень серьезны. Но, кроме своей логической обоснованности и четкости, они были продиктованы чувствами его как ветерана обороны Ленинграда, как бойца, пережившего события этой обороны и защищавшего не только историческую истину, но и память погибших товарищей. Сам он при этом очень высоко ценил В.П. Астафьева, и в конце письма выразил надежду, что слова его из интервью о допустимости сдачи Ленинграда появились «под настроение, в каюте “люкс” туристского теплохода»⁴.

Д.Н. Альшиц, конечно же, не был исследователем темы истории Великой Отечественной войны. Но он был ее участником и оставил ценные свидетельства одной из ее важнейших сторон – обороны Ленинграда, которые, конечно же, сами по себе являются источником по ее истории.

---

¹ Альшиц Д.Н. (Д. Аль). За нами был наш гордый город. С. 310. В дате описки – не 16 декабря, а 16–17 октября 1941 г.

² Там же. С. 310.

³ Там же. С. 314.

⁴ Там же. С. 316.

Глава 3

Д.Н. АЛЬШИЦ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

3.1. «Приказа умирать не было»: Великая Отечественная война в литературном творчестве Д.Н. Альшица-фронтовика

Даниил Натанович Альшиц, один из доблестных защитников Ленинграда, к теме Великой Отечественной войны обратился далеко не в самое ближайшее время после ее окончания. Исключительно сильная, с очень глубоким человеческим содержанием военная его повесть «Приказа умирать не было», получившая самый позитивный читательский отклик, вышла в свет впервые только в 1980 г., через тридцать пять лет после завершения войны. К тому времени Альшиц уже прошел через сталинский лагерь и реабилитацию, стал известным историком, получил признание как драматург, и приобрел, следовательно, уже в послевоенный период новый богатейший жизненный опыт. Но, тем не менее, события великой войны оставили в памяти Альшица как ее участника неизгладимый след, непрерывно будили ее и заставили в конечном счете Даниила Натановича поделиться своими воспоминаниями и размышлениями с соотечественниками в форме художественной прозы.

Несомненно, что эта повесть явилась результатом не только воспоминаний, но и осмысления событий и собственных переживаний первых дней обороны родного города в сентябре 1941 г. Биографические моменты в повести заметны очень отчетливо. Во всяком случае, отдельные стороны личности ее главного героя, ленинградца Саши Данилова, до мелочей напоминают черты биографии самого автора. Как и Даниил Натанович, Саша Данилов был студентом-историком ЛГУ и очень хорошо знал немецкий язык. Он, как и Альшиц, направлялся на службу в Ораниенбаум и должен был окончить курсы военных переводчиков, на которых знание немецкого языка связывалось с особенностями военного перевода. Известно, что

знание Альшицем немецкого языка пригодились на фронте. И, наконец, Саша Данилов имел очень заботливую маму, которая, отправляя его на войну, вложила ему даже термометр. Эта сторона, относящаяся к герою повести, в полной мере относилась к самому автору. Как и герой повести Альшица, Саша Данилов, он был ранен в бою. Заметно сходство с автором даже в имени героя. Если автора звали Даниил, то фамилия героя – Данилов. Наконец, Данилов после войны становится, как и автор повести, профессором истории. Сам Даниил Натанович в интервью санкт-петербургскому журналу «Собака» от 29 апреля 2008 г. прямо указывал на автобиографичность повести, на связь отраженных в ней событий с событиями в его личной жизни.

Вместе с тем, как писатель, Альшиц вполне осознавал, какие сложности ждут автора военной прозы, участвовавшего в войне, через несколько десятилетий после ее окончания. Определялись они тем, что военная проза встречает читательскую аудиторию, относящуюся к двум поколениям. Одним из них было то самое поколение, к которому принадлежал автор – поколение фронтовиков. Этого читателя, подчеркивал Альшиц, более всего интересовала достоверность и точность изложения событий на войне, и в свете своего представления об этой достоверности и точности он судил о художественных произведениях на тему войны. Авторское суждение было совершенно справедливо. Основывалось оно не только на знании поколения фронтовиков и этой части своей читательской аудитории, но и отчасти на собственном отношении к художественной военной прозе. Так, во всяком случае, Даниил Натанович указывал писателю А.Б. Чаковскому на фактические ошибки в его романе «Блокада», в том числе на неточности технического характера.

Другая часть читателей относилась к поколению, не участвовавшему в войне, не переживавшему тягот военного времени, но живо интересовавшегося наиболее драматическими и героическими страницами прошлого своей страны. Некоторая часть молодежи при этом обладала немалыми знаниями об этой величайшей из войн в отечественной истории. Совершенно очевидно, что на достоверность и точность конкретных деталей они не могли обращать такого внимания, как представители поколения фронтовиков. Для них особенно важно было поэтому не только достоверное и точное изло-

жение фактов и событий, имевших место на войне, но соответствие героя произведения его собственному жизненному опыту, то, что, по словам Альшица, «роднит героя военных лет с ним самим, с человеком сегодняшнего дня, сегодняшней жизни»¹.

Даже самое общее впечатление от текста повести свидетельствует о том, что Альшиц как писатель-историк и участник событий в полной мере справился с этой сложной задачей. Что касается достоверности и точности, то она была predetermined тем, что отражала личный опыт автора в событиях между Ленинградом и Ораниенбаумом в сентябре 1941 г. Более сложной была задача обеспечения связи военной повести с личным опытом послевоенного поколения. Такая связь достигалась через созданные автором образы людей, участвовавших в событиях, в чертах характера и личности которых более молодой читатель мог найти какие-то черты единства со своей личностью, наполнять идею преемственности поколений в рамках культурной традиции конкретным материалом.

Сюжет повести сложен и включает в себя несколько эпизодов. Первый, начальный, относится к выезду студента-добровольца Саши Данилова на фронт из Ленинграда в Ораниенбаум, куда ему было предписано прибыть. Как писал позже Альшиц, в повести он описал свой «первый фронтовой день, богатый многими неожиданными происшествиями». Там он знакомится с двумя другими главными героями повести, со старшим сержантом Андреем Шведовым и со старшиной первой статьи, моряком Павлом Кратовым. Альшиц позднее писал, что в образе Саши Данилова был он сам, а Андрея Шведова – Петр Карлсон, предки которого были шведами, и который до мобилизации в Красную Армию был рабочим завода имени К. Маркса². Второй эпизод начался с запрета дальнейшего движения по шоссе к Ораниенбауму. В это время на шоссе Данилов, Шведов и Кратов встретились с группой женщин, работниц близлежащего Кировского завода. Они требовали пропустить их к своим семьям, несмотря на запрет дальнейшего движения. Лейтенант, который должен был не допустить пропуска людей, в конце концов

¹ От автора. С. 3–4.

² Альшиц Д.Н. (Д. Аль). За нами был наш гордый город. Подвигу Ленинграда – правдивую и достойную оценку. СПб.: Наука, 2010. С. 25.

пропустил женщин, прошли также Данилов, Шведов и Кратов. В это время матрос познакомился с одной из молодых работниц, которая представилась как Нюрка, и назвал ее Белой головкой. Запрет был, однако не случаен, дорога простреливалась, и некоторые из женщин были убиты. Наиболее драматическим оказался третий эпизод повести, где ее герои вступили в бой с фашистами, причем действовали умело и успешно, и даже захватили в виде трофея оружие противника. В этом же эпизоде героически погибла Нюрка, которая отвлекла от Кратова огонь на себя, была убита, но дала возможность моряку прикончить фашиста. В этом же эпизоде Данилову пришлось по захваченной ими немецкой рации разговаривать с противником, используя свое знание немецкого языка. В четвертом эпизоде Альшиц показал, насколько сложной была внутренняя ситуация в воюющем Советском государстве, насколько обстановка сталинского культа, массовых репрессий и порождавшееся ими тотальное недоверие к человеку негативно сказывались на оборонительном потенциале страны. Данилова и его товарищей подозревают в дезертирстве. И только благодаря умному командиру, капитану, только что назначенному новому начальнику участка обороны, а также новому бою им поверили. Герои повести приняли участие в этом бою, причем Данилов был тяжело ранен. Последний эпизод повести произошел значительно позже, уже через несколько десятков лет после войны, когда Данилов встречается случайно в ленинградской электричке с Кратовым и узнает моряка. От него он узнал, что Кратов спешит к своей внучке Нюрке, у которой «белая головка», и которая очень любит «деда Пашу». Эпизод особенно трогает тем, что память Кратова о погибшей Нюрке нашла выражение в любимой внучке защитника Ленинграда, бывшего моряка-балтийца.

Сюжет не только исключительно сильный и острый, но исторически достоверный и достаточно типичный для Великой Отечественной войны вообще, для обороны Ленинграда в особенности. Вместе с тем самый сильный и острый жизненный сюжет при перенесении его в литературу только тогда становится интересен для читателя, когда он воплощается в образах героев произведения, действовавших в обстоятельствах, сформированных исторической памятью, прошлым жизненным опытом, сознанием и художественным во-

ображением автора. И такие образы Альшицу, вообще имевшему особое влечение к теме человека в истории, удались в полной мере. Люди показаны автором как настоящие герои, но в то же время без малейшей попытки их идеализации, со всеми своими противоречиями, заблуждениями и недостатками.

Так, сам Саша Данилов наивно полагал на первых порах, думая о немецких фашистах: «Темные, обманутые люди! Неужели им не стыдно верить в средневековые бредни о превосходстве одной расы над другой?»¹ Лишь постепенно, по мере более близкого боевого знакомства с противником, у него начинали рассеиваться иллюзии, навеянные прежним представлением о том, что для того, чтобы заставить немецких рабочих и крестьян воевать против Страны Советов, их необходимо было обмануть.

Доблестными и опытными воинами выведены автором Шведов и Кратов. Но если старший сержант, участник еще финской войны, отличался умением действовать в самых сложных ситуациях и в бою, и в отношениях с начальством и с представителями органов, то моряк воплощал в себе некоторые вполне плакатные черты лихого революционного матроса-балтийца. Отсюда и хорошо выраженное Альшицем несколько предвзятое его отношение ко всем тем, кто не служил на флоте, характерное для некоторой части моряков. Но Кратов в одном из боевых эпизодов спасает Данилова от неминуемой гибели. И вполне очевидно, что Нюрка, погибшая за едва знакомого моряка, является одним из сильнейших женских образов русской литературы, а смерть ее после ранения на руках Кратова – один из наиболее драматических ее эпизодов².

Альшиц вместе с тем передал не только героизм своих героев и драматизм боевых ситуаций, условность грани между жизнью и смертью на фронте, но и сложность жизни, когда человек оказывается способным на поступки, которые от него, казалось бы, ждать невозможно. В этом отношении весьма примечателен один из героев второго плана, лейтенант Будяков. Явный службист и карьерист, он въедливо проводил допрос Данилова, с упорством, достойным лучшего применения, стремясь доказать, что он дезертир. Но когда

¹ Аль Д. Приказа умирать не было. С. 30.

² Там же. С. 56–57.

благодаря начальнику участка обороны допросы были прекращены, а Данилов вместе с Будяковым оказались в бою и Данилов оказался тяжело ранен, лейтенант, который недавно допрашивал его, спасает его, останавливая у него кровотечение и одновременно отстреливаясь от фашистов.

Высокое искусство демонстрации жизни во всей сложности и противоречивости, а героев живыми людьми, без малейшего налета схематизма и идеализации отличает произведение настоящего художника слова. Это дает основание повести «Приказа умирать не было» занять свое место среди лучших произведений отечественной литературы о Великой Отечественной войне. Но едва ли меньший интерес среди читателей вызывала другая повесть Альшица, «Секрет политшинели», в которой в обстановке фронтовой повседневности показаны особые, необычные характеры людей на фронте. В этой фронтовой повести выражено яркое, четкое, убедительное противопоставление, с одной стороны, казенщины и официальной советской идеологии сталинского времени и, с другой, человеческого начала во взаимоотношениях между людьми. Кратко сюжет повести можно передать так, что замполит роты Шнитов, которого личный состав и даже офицеры называли не иначе, как Папа, одержал огромную моральную победу и достиг вместе с тем большого успеха по службе, восстановив порядок в роте и опираясь при этом на самые гуманные методы во взаимоотношениях с бойцами. Но в конце концов он потерпел полное поражение от военной бюрократии, для которой опора политрука на гуманизм и человечность была неприемлема, и был снят с должности.

Занимательный, острый и глубоко достоверный в историческом отношении сюжет реализуется в литературном произведении в образах героев. Повесть дает целую галерею военных образов, из которых главный герой, ротный замполит Шнитов, привлекает особое внимание читателя. Биографических сведений Альшиц дает о нем немного. Читатель узнает, что он был участником гражданской войны, жил в Ленинграде, где его мать умерла в 1933 г., а незадолго до своего назначения ротным политруком был ранен и лежал в госпитале. Как подчеркивал автор, Шнитов не отличался образованностью, отчего и выражение «секрет Полишинеля», которое он

услышал в госпитале от лежавшего с ним в одной палате глубоко образованного майора, понял как «секрет политшинели». Но это в полной мере возмещалось его жизненным опытом, вниманием и искренней любовью к людям, которыми оказались бойцы роты, в которую он получил назначение. В роте к тому времени упала дисциплина, случились некоторые происшествия, вызывавшие недовольство начальства. Шнитов сумел расположить к себе личный состав, проявляя заботу о людях, организовывая даже для некоторых военнослужащих, проживавших в Ленинграде, кратковременные отлучки в город к родным.

Самым поразительным успехом Шнитова оказалась история с бойцом из Сибири Щукиным, который был баптистом. Он готов был служить в армии и быть на фронте, но решительно при этом отказывался брать в руки оружие. Имея, как и все красноармейцы, ненависть к захватчикам, он, тем не менее, считал грехом любое убийство и полагал, что наказание фашистам за их страшные злодеяния будет неизбежно, но ниспослано свыше. Ему грозил трибунал. В целом ситуация, описанная Альшицем, была не весьма типичной, но подобные случаи на фронте иногда происходили. Случалось при этом, что тех, кто отказывался брать в руки оружие по религиозным причинам, расстреливали перед строем. Зная об этом, Шнитов упорно и настойчиво спасал Щукина и, наконец, нашел способ не только привлечь его к участию в боевой операции, но и проявить себя, в результате чего солдат-баптист получил боевую медаль «За отвагу». Когда было необходимо захватить фашистского языка-офицера, он послал Щукина на операцию, поставив перед ним задачу не допустить того, чтобы захваченный язык не погиб как-нибудь по пути разведчиков в свое расположение. Язык был захвачен, причем очень ценный, в чине майора. И пока другой разведчик, Охрименко, отстреливался, Щукин приволок связанного фашиста через линию фронта. Положительный образ баптиста для советской литературы был совершенно не характерен.

Благодаря активной работе политрука в роте был восстановлен порядок, она вновь стала полностью боеспособным подразделением. Что же касается дополнительной характеристики методов его восстановления, который использовал он, то об этом с исключительной яркостью свидетельствует эпизод, связанный с прове-

дением Шнитовым политзанятия. Присутствие на нем начальника политотдела, полковника Хворостина, нисколько не смутила ротного замполита. Альшиц привел в этой связи немаловажную деталь, характеризующую, насколько начальство опасалось всякого живого слова и живой мысли, которая могла промелькнуть в ходе беседы с личным составом. Поэтому замполит должен был обязательно говорить по бумаге с заранее заготовленным и составленным на основе инструктажа текстом. Шнитов тоже не говорил в присутствии начальства «без бумажки», у него имелись записи в блокноте. Но эту запись, «усеянную чернильными синяками», все равно читать в ходе беседы было невозможно, и имея перед собой эту запись, он на нее не обращал внимания и говорил совершенно свободно. Но еще более нетрадиционным было содержание беседы Папы-замполита. На его вопрос: «Что мы защищаем», бойцы отвечали: «Родину!», «Землю свою защищаем!», «Свободу!» и «Советскую власть!» Согласившись с этим, Папа Шнитов заявил вместе с тем: «Каждый из нас обязан защитить, уберечь в себе человека!»¹ При этом, как он подчеркивал, пример фашистов на войне свидетельствует о том, что человек «может облик человеческий потерять». Он предлагал бойцам роты подумать, «почему, наоборот, наш советский воин не теряет на войне своего человеческого облика»². За внешней простотой и доступностью ставившимся Шнитовым вопросов было очевидно, что содержание политзанятия было им глубоко продумано. В результате политзанятие как форма казенной военной обязаловки преобразилась в интересную беседу, которая будила сознание красноармейца и взывала к лучшим и самым светлым его чувствам. Бойцы роты воспринимали беседу замполита с полным доверием не только из-за ее жизненного, близкого им содержания, но и потому, что сам ротный замполит в полной мере соответствовал представлению их о человеке в условиях фронта. Конечно же, беседа не соответствовала традиционным представлениям о политзанятии в роте. Но умный начальник политотдела занятие Шнитова вполне одобрил.

Сила и убедительность образа Шнитова также в том, что автор-фронтвик не избегал использования некоторых юмори-

¹ Аль Д. «Секрет политшинели» // Аль Д. Приказа умирать не было. С. 140.

² Там же. С. 141.

стических деталей. Относятся они к внешнему облику замполита, который вообще был более похож не на офицера, но «на вахтера с заводской проходной», у него «тяжеловатая, качающаяся походка»¹. Оттенок печального юмора также в том, как Шнитов вводил в заблуждение начальство. Делалось им это ради того, чтобы дать возможность проживавшим в Ленинграде бойцам роты посещать своих в городе. Ему самому разрешили два раза в месяц бывать в городе, чтобы посещать мать. С собой он брал одного-двух бойцов. О смерти же своей матери еще в довоенные годы он не сказал. Но будет ли справедливым осуждать его за это?

Казалось бы, работа Шнитова в роте давала самые лучшие результаты. Но знание фронтовой жизни не давало основания Альшицу завершить повесть на оптимистической ноте. Вскоре, в начале июня 1943 г., Шнитов оказался в центре внимания дивизионного комиссара², который проводил инспекцию. Сказался также донос на Шнитова со стороны старшего лейтенанта Горбачева, который также претендовал на эту должность. Конец получился вовсе не оптимистический. Дивизионный комиссар предъявил ротному замполиту обвинение в стремлении «задешево нажать у солдат авторитет добренького дяди»³, после чего Шнитов был переведен в соседнюю дивизию и назначен командиром взвода. Вместо него в роту был назначен Горбачев, имевший славу очень строгого политработника, который «умеет брать “в ежовые рукавицы”». Но сработаться с командиром и с личным составом Горбачев так и не смог и через два месяца его «из роты убрали»⁴. О самом Шнитове Альшиц писал, что след его затерялся. Но, по слухам, люди «среди надписей на колонах Рейхстага читали и такую: “Папа Шнитов с Ленинградского фронта”»⁵.

В Шнитове Альшиц вывел один из лучших в нашей военной литературе образов политрука-фронтовика. Но образ этот не только уводит читателя в эпоху, ставшую важнейшим местом российской

¹ Там же. С. 122, 132.

² По-видимому, Альшиц имел в виду вполне конкретного дивизионного комиссара, которого обозначил буквой «Л». См.: там же. С. 158.

³ Там же. С. 163.

⁴ Там же. С. 165.

⁵ Там же. С. 166.

культурно-исторической памяти новейшего времени. Он вместе с тем вполне современен. Едва ли Папа Шнитов, воевавший с нацизмом и, возможно, погибший на войне, мог представить, что через несколько десятилетий после величайшей из войн в истории России национализм станет популярен в сознании некоторой части населения страны. В этой связи слово замполита к красноармейцам роты звучит с исключительной актуальностью. «Фашисты чего в первую очередь добиваются? Они хотят нас расчеловечить. То есть разогнать обратно по своим национальным огородам. Сидите, мол, и варитесь в собственном соку... будем знать – это фашист! В каком бы облики он не вылез на свет божий – в бухарском халате, в украинской вышиванке, в еврейском лапсердаке или в русской поддевке!»¹ Интернационализм Шнитова и самого Альшица очевиден. Идея интернационализма стоит в одном ряду с идеей свободы и гуманизма и противостоит националистической ограниченности, национальному чванству, тупой уверенности в превосходстве «своего» этноса над «чужими», дебильно-занудным «русским маршам» по улицам городов страны, сокрушившей нацизм.

В повести есть еще один герой, который, на первый взгляд, находился на втором плане повествования, но на самом деле являлся центральным для Альшица. Таким героем являлся ефрейтор Нонин, о котором было сказано, что он до войны учился на историческом факультете. Подобных людей Даниил Натанович очень хорошо знал лично. Им был создан образ Нонина как не только хорошего, исполнительного солдата, но и как увлеченного историка, который жил историей, мыслил историческими образами и стремился увлечь ей окружающих. Поэтому он, как писал Альшиц, «ко всякому поводу приплетал к разговору исторические имена»². В повести не говорилось, с какого курса Нонин ушел на фронт. Но, во всяком случае, он успел окончить не менее двух курсов, поскольку «не менее чем на четверку» мог изложить такие «темы по курсу истфака», как рассказы «о Варфоломеевской ночи в Париже и об избииении еретиков в Московии»³. Альшица как историка привлекало то, что Нонин

¹ Аль Д. «Секрет политшинели» // Аль Д. Приказа умирать не было. С. 142.

² Там же. С. 124.

³ Там же. С. 146.

готов был отстаивать историческую истину. Так, его послали на краткосрочные пулеметные курсы, но был немедленно отчислен и отправлен в свою роту, поскольку вступил с начальником политотдела, полковником, «в пререкания из-за даты Ледового побоища»¹. Наглядный пример историка, не побоявшегося отстаивать историческую истину перед лицом начальства.

Глубина подготовки Нонина как историка видна из его рассказа в землянке своим товарищам об избрании папой римским в 1585 г. Сикста V. Недоверчиво на первых порах принимая «доброту» нового замполита Шнитова, Нонин рассказал, как римская курия захотела избрать папу «тихого и добренького», а кардинал, которого они и выбрали на конклаве папой, казался им именно таким. «Мухи кадиллом не зашибет», – говорили они о нем в передаче Нонина. Но как только он был избран, он тут же заявил будто бы кардиналам: «Ах вы такие-сякие немазаные! Вы что же это, мать вашу богородицу, легкой жизни захотели?! Дисциплинка вам не по нутру?! Да я вас всех, в отца и сына и святого духа, в бараний рог!...» Несомненно, что в рассказе Нонина ситуация максимально приближена к армейской и сделана доступной для красноармейцев. Но, тем не менее, при всем своем своеобразии он создал интересный исторический образ папы, кардиналов и конклава, который оказался хорошо понят в солдатской среде. «И без увольнения по городу Рыму»², – сказал будто бы один из красноармейцев, по-своему дополняя свой образ сурового папы, созданного своим товарищем с историческим образованием и глубоко увлеченным историей. Таким образом, проблема «историк на войне», представляющая очень большой интерес для историков отечественной исторической науки, была выражена Даниилом Натановичем в исключительно интересном образе ефрейтора Нонина, пользовавшегося глубоким уважением его товарищей-фронтовиков, которые охотно слушали его рассказы из истории.

Гуманизмом и глубочайшей верой в человека, способного на проявление в экстремальных, нечеловеческих условиях своих лучших качеств пронизано все военное творчество Альшица. Такие условия сложились в первую зиму блокадного Ленинграда февраля 1942 г. и

¹ Там же. С. 124.

² Там же. С. 129.

нашли отражение в рассказе «Человек с часами». Его герой, старший лейтенант Капитонов, шел по Международному (Московскому) проспекту из стоявшей под Пулковом части домой, куда был отпущен на несколько дней проведать мать и сестру. По дороге ему встретился человек, житель блокадного Ленинграда, который попросил его дать ему немного продуктов для тяжело больной дочери, предлагая взамен часы. О таких часах Капитонов давно мечтал. Он отдал человеку половину своего офицерского пайка, который вез домой, но часы не взял. Через два месяца, в апреле, когда он вновь был дома, он узнал, что этот человек приходил к его матери и принес для нее то, что смог достать. Это были отруби, которые он принес в том самом мешке для школьной сменной обуви, куда в феврале Капитонов давал ему часть своего пайка. При этом, по словам матери Капитонова, он обещал прийти еще раз, «если чем-нибудь разживется». Мать и сестра Капитонова поняли, что этого человека он где-то ранее видел и спросили, как зовут его, на что старший лейтенант сказал: «не спросил ... Ленинградец»¹. Слово это и для фронтовика, защитника Ленинграда Капитонова, и для всякого блокадника, было наполнено исключительно глубоким смыслом. Как, конечно же, и для самого автора рассказа. Смысл этот – в пережитом, в блокадном боевом братстве, а позже, когда Альшиц писал этот рассказ, и в памяти о прошлом, о Великой войне, о подвиге не сдавшегося города.

Вместе с тем Альшиц, склонный к комическому в литературном творчестве, не мог обойти фронтовые истории, в которых содержался элемент комизма в характере людей и в ситуациях. Вполне комический образ был создан в рассказе «Тучи-тучи». Нудный и вечно недовольный бюрократ, майор Вахмитonenко, «производил впечатление чем-то раз и навсегда обиженного»². Молодым офицерам, лейтенантам, техническим исполнителям штаба дивизии, он все время выговаривал за неуместное веселье. Его раздражало, что они включали граммофон и слушали популярную в то время музыку. Когда явился начальник штаба полковник Иванов, пользовавшийся глубоким уважением за знание дела и справедливость, Вахмитonenко стал жаловаться на своих молодых коллег, но полковник сказал, что

¹ Аль Д. Человек с часами // Аль Д. Приказа умирать не было. С. 96.

² Аль Д. «Тучи-тучи» // Аль Д. Приказа умирать не было. С. 97.

музыка и танцы во время отдыха не мешают службе. Это давало возможность молодым офицерам слушать любимые мелодии. И когда они слушали «Тучи над городом встали» в исполнении Марка Бернеса, пластинку заело, и долго раздавалось «Тучи-тучи-тучи». Майор не выдержал и вбежал в комнату к молодым коллегам, где раздавалась музыка. В это время шальной снаряд угодил в то самое здание, где располагался штаб, и комнату, из которой только что выбежал Вахмитonenко, разнесло вдребезги. Как только прошел первый испуг у всех присутствовавших, лейтенанты пригласили майора переселиться к ним в общую комнату, но Вахмитonenко отказался. Через некоторое время они услышали, как из красного уголка, на расстроенном пианино, кто-то пытается подобрать мелодию «Тучи над городом встали». Они увидели, что подбирал мелодию майор Вахмитonenко. Рассказ напоминает фронтовую быль. Но в нем было ярко и интересно выражено столкновение характеров, страдания мрачного зануды от общества нормальных людей и, напротив, страдания этого общества от него самого.

Еще одна комическая ситуация приведена Альшицем в рассказе «Правду! Ничего, кроме правды!» Молодой лейтенант Мухин, только что назначенный командиром роты, гордился этим доверием и очень хорошо выполнял свои обязанности. Но он любил кататься на велосипеде и в свободное время, которого у него было крайне мало, выезжал в близлежащий родной город – Ленинград. Однажды во время фашистского артобстрела под снаряды противника попал квартал, где проживала его семья. Мухин захотел выехать на велосипеде и убедиться в том, что его родные не пострадали. Пока он ездил и убедился в этом, роту выдвинули на передовую, чтобы заменить другую роту, где у одного из бойцов была обнаружена вошь. Отсутствие командира роты на месте было чрезвычайным происшествием, и дело дошло до командира дивизии, полковника Лебедева, старого и мудрого, служившего еще в первую мировую войну в чине подпоручика, воевавшего в гражданскую войну в Красной Армии и потерявшего руку. Провинившегося лейтенанта вызвали к командиру дивизии. Диалог между Мухиным и Лебедевым – самая интересная часть рассказа. Когда полковник потребовал от него всю правду о случившемся, лейтенант подумал, что правда была бы слишком

наивной и могла вызвать подозрение командира дивизии в том, что он хочет скрыть от него истинную причину его отсутствия в роте во время ее передислокации. Отсюда – название рассказа, которое перекликается с более ранним произведением Альшица, не относящимся к военной теме. Лейтенант на ходу выдумал историю о том, что причиной его отсутствия послужила встреча в городе с незнакомой женщиной и кратковременная близость с ней. Совершенно неопытный в таких делах, Мухин был неточен в деталях, и, судя по его рассказу, слишком много при этом выпил спирта. Полковник отругал лейтенанта за чрезмерное пьянство в подобной ситуации, посоветовал, сколько можно выпивать в подобных случаях, но спас его от наказания, приказав немедленно отбыть в расположение роты. На вопрос Мухина о том, можно ли всю эту «правду» рассказать командиру полка, Лебедев делать это категорически запретил и сказал: «доложи, что выезжал в город по моему разрешению»¹. Возникает при этом вопрос: поверил ли полковник лейтенанту? Автор не давал на него ответа, оставляя его на усмотрение читателя. Но, во всяком случае, условия лета 1942 г. на Ленинградском фронте давала возможность для появления хорошо известного в мировой литературе сюжета на тему правды и наивного обмана. И этот рассказ пронизан легкой иронией над молодым человеком, вполне достойным командиром роты, но попавшим в такое двусмысленное положение.

Глубоким психологическим анализом проникнут рассказ «Шестое чувство», посвященный событиям, завершения войны в Берлине. Рассказ ведется от имени защитника Ленинграда старшего сержанта Тимохина. Шестым чувством Тимохина, которое имелись у него и у многих других участников войны, было стремление к мести за то, что ему пришлось видеть «зверские художества агрессоров на нашей земле». И поэтому «будет очевидно, с каким сердцем двигался я в сторону Германии»², – говорил Тимохин. Но, оказавшись в поверженной столице нацистской Германии, поглядев на бедствия местного населения и особенно детей, немцев, которые из врагов превратились в несчастных людей, старший сержант пере-

¹ Аль Д. «Правду! Ничего, кроме правды!» // Аль Д. Приказа умирать не было. С. 121.

² Аль Д. Шестое чувство // Аль Д. Приказа умирать не было. С. 167.

стал думать о способах реальной мести. Назначенный в отдел берлинской комендатуры по организации продовольственного снабжения жителей, он при раздаче продовольственных карточек указывал немцам на свою медаль «За оборону Ленинграда» и произносил: «Ленинград». К этому и свелась вся месть старшего сержанта. Напоминание о блокадном городе пробуждало у берлинцев чувство вины за злодеяния режима, который овладел одной из самых культурных стран мира при их поддержке или равнодушии и привел к катастрофе Германии и все человечество. Фронтная судьба Альшица сложилась таким образом, что он не был участником битвы за Берлин. Но он, несомненно, знал тех, кто участвовал во взятии столицы гитлеровской Германии, защищавших ранее Ленинград, понимал их чувства и стремление к мести, которое ценой немалых душевных усилий удавалось им преодолеть. Но едва ли Альшиц, человек исключительно осведомленный в истории Великой Отечественной войны, не знал и иных случаев, когда некоторые из фронтовиков не могли преодолеть себя и в полной мере удовлетворяли свое чувство мести. Но отсутствие упоминания о подобных случаях в рассказе едва ли можно ставить автору в упрек и видеть в этом пример отхода от исторической правды, поскольку личности и характеры, подобные Тимохину, имелись в рядах Красной Армии победного 1945 г.

Славный боевой путь и память о пережитом на фронте заставляла Даниила Натановича вновь и вновь возвращаться к военной теме. Его военные повести и рассказы обогатили отечественную литературу несколькими интересными, яркими и типичными образами ее участников, расширили знание читателя о Великой Отечественной войне и прежде всего обороны Ленинграда.

3.2. «Диалог»: Драматургия Д.Н. Альшица

Интерес к театру был для Даниила Натановича исключительно глубок и в полной мере соответствовал особенностям его характера и личности. Это не случайно. В этом виде искусства он видел самое действенное средство погружения читателя и зрителя в реальность прошлого или настоящего, которая составляла сюжет драматического произведения.

Вместе с тем драматургия имеет еще одну сторону, которая приобретает особую значимость на современном этапе в развитии культуры. Если в наши дни все большая часть мыслящего человечества осознает в качестве ценности и условия дальнейшего выживания мировой цивилизации толерантность, с признанием права на самобытность в рамках мирового универсума, то диалог культур и их конкретных носителей являлся наиболее действенным средством на этом пути. Диалог выдвигается в нынешней культурно-исторической ситуации на все более заметное место. Разумной альтернативы ему, как показала история новейшего времени, нет. Как ветеран, прошедший дорогами крупнейшей в мировой истории войны, Альшиц не только ясно видел это, но и ощущал необходимость уяснения этой истины современниками. «Стало очевидным, что диалог уже не только между государствами, но и между различными социальными системами, сосуществующими на планете, является единственной альтернативой “разговору” при помощи силы, является, таким образом, важнейшим условием продолжения жизни человечества на земле»¹, – писал он в предисловии к изданному в 1987 г. сборнику своих драматических произведений. По его мнению, диалог вообще явился предпосылкой появления человечества и лежал в основе культуры, поскольку «человек стал человеком, когда вступил в диалог с себе подобными»².

В качестве же одной из наиболее действенных форм осуществления такого диалога выдвинулась драматургия. Театр же, где драматическое произведение в разных своих формах доводится до зрителя, в наибольшей степени способен к реализации диалога, в данном случае между автором как выразителем определенной идеи и зрителем как личностью, готовой или не готовой к восприятию этой идеи через ее художественное выражение. И в более конкретной форме, чем другая форма духовной культуры, драматургия, по мнению Альшица, была способна донести до человека позднейшей культуры – культуру прошлого, осуществить тот самый диалог культур разных эпох и поколений, который становился идеалом культуры

¹ Аль Д. История – драматург современный // Аль Д. Диалог. Пьесы. Л.: Советский писатель, 1987. С. 5.

² Там же. С. 6.

новейшего времени. Именно «произведение драматическое способно сильнее, ярче и убедительнее, чем какое-либо иное произведение искусства, воспроизводить жизнь людей любого времени в ее собственных формах, в формах самой жизни»¹, – указывал он.

Вступление к сборнику драматических произведений представляет интерес также с точки зрения характеристики уровня Альшица как мыслителя, способности его видеть связь между прошлым, настоящим и будущим и в потоке современной ему культуры разглядеть некоторые тенденции, которые способны были в будущем предстать в виде актуальной проблемы. В самом деле, становление самодержавия в России было комплексным направлением исследований Альшица как историка России эпохи позднего средневековья. Казалось, что после падения российского самодержавия в Февральской революции 1917 г. этот вопрос сохранился как один из важных вопросов отечественной истории и культуры, относящихся, однако, только к ее прошлому, а самодержавие и монархия для нашей страны – это то, что ушло навсегда и имеет интерес лишь академический. Вместе с тем своего читателя Альшиц как бы предупреждал, что этот интерес может выйти за академические рамки: «В год выхода этой книги исполнится семьдесят лет со дня свержения в России самодержавия. Вроде бы прошло с этой поры немало времени. Вымерли претенденты на царский трон. Царские дворцы давно превращены в музеи. Тем не менее в сфере современной идеологической борьбы “проблема” отношения к самодержавию отнюдь не умерла»², – обращал он внимание читателя. Даниил Натанович оказался прав. В самом деле, в условиях объявленной ко времени выхода в свет сборника драматических произведений «Диалог» гласности оживилось не только либеральное и демократическое направление общественной мысли. Одним из таких направлений, также оживившихся и противопоставивших себя либерализму и демократии, стал монархизм как своеобразная разновидность консерватизма, густо замешанная на почвенничестве, а отчасти и на ксенофобии, в которой воспроизводился черносотенный дух, как бы вышедший из начала столетия, от Пуришкевича и Маркова Второго. Но несколько позже, уже после

¹ Там же. С. 9–10.

² Там же. С. 11.

новой демократической революции в стране августа 1991 г., с царем стали иногда сравнивать Президента Б.Н. Ельцина, правда, главным образом в шутку. Но первое десятилетие нынешнего века показало, что с монархизмом уже вовсе не до шуток, что под республиканской оболочкой он приобретает в новейшей России все более живые и зримые черты. Причем в форме даже монархии неограниченной, существовавшей до Манифеста от 17 октября 1905 г. А вместе с неограниченной властью, при парламенте, который, по изящному выражению одного из недавно ушедших с первых полос новостей столпов режима – «не место для дискуссий» – стали появляться настоящие дворцы и резиденции, старые и многочисленные новостройки не только для самого новоявленного самодержца, но и его приближенных в центре и на местах...

Словом, предупреждая об актуальности проблемы самодержавия в России, Альшиц как драматург и историк смотрел глубоко и ставил свой вопрос исключительно точно.

Однако для Альшица идея никогда не существовала в отрыве от человека. Историк и художник брал в нем верх над философом и отвлеченным мыслителем, готовым анализировать категории и их движение вне связи с исторически конкретными проявлениями человеческого духа. Проблема личности и ее характера, места ее в исторической борьбе за свободу и готовности к восприятию свободы привлекала Альшица-драматурга и породила ряд ярких и интересных образов. Это – социалисты-утописты, по его точной и обоснованной оценке, «рыцари светлой мечты». Особый интерес проявлял он к становлению личности великого русского писателя Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Выделив два этапа в ее формировании, он вывел соответствовавших им двух героев, чиновника Салтыкова и писателя-демократа Щедрина, и в сложных диалектических отношениях единства и борьбы Щедрина с Салтыковым, как показал драматург, «закалялась гражданская позиция писателя-борца»¹.

Но не только выдающиеся личности, прокладывавшие путь к свободе человечества, вызывали интерес Альшица. Как историка и

---

¹ Аль Д. История – драматург современный // Аль Д. Диалог. Пьесы. С. 12.

как внимательного наблюдателя жизни, самый глубокий интерес для него представлял также обычный человек, «человек второго плана», на которого были рассчитаны идеи, вынашивавшиеся выдающимися мыслителями прошлого. С этим он связывал необходимость перестройки основ сознания такого человека. По его наблюдениям, «взятие Зимнего дворца не закончило, а только начало борьбу за перестройку сознания людей»¹. И, как он вполне осознавал, такая перестройка вовсе не завершилась, что было далеко не случайно. Когда появлялись такие персонажи, которых Альшиц мог наблюдать в окружавшей его советской действительности, наподобие его героя Крошкина, это было не удивительно. Этот герой знаменитую формулу Сен-Симона «От каждого по способностям, каждому по его труду» понимал применительно к самому себе «по противоположному принципу – работать ниже даже своих скромных способностей, а получать по потребности, к тому же неразумной»². Подобный психологический тип имел достаточно широкое распространение. В понятии о «совке», которое вошло в российскую культуру вскоре после выхода в свет «Диалога» Альшица, с 1991 г., и сохраняется до сих пор, данный тип вошел как исключительно важная составная часть. Работать он и не может, и не хочет. Но по уровню потребления не хочет отставать от тех, кого не без презрения называет «новыми русскими». Не свобода его интересует, но равенство, однако вовсе не демократическое равенство стартовых возможностей, а равенство материальных условий жизни. Ради этого он готов «отнять и разделить». Как свидетельствовал отечественный исторический опыт, это путь в никуда...

А куда же следовало идти человечеству? Конечно же, Альшиц не давал ответа на этот вопрос. Но он его актуализировал и в документальной драме «Рыцари светлой мечты» стремился представить читателю и зрителю, куда призывали человечество выдающиеся социалисты-утописты. Вводя в драматическое действие исторических лиц, Альшиц конструировал фантастические ситуации, сводя героев и более определенно и четко давая тем самым возможность представить их взгляды и выразить особенности их личности. Мор

¹ Там же. С. 22.

² Там же. С. 24.

и Кампанелла, Буонарроти и Бабеф, Фурье и Оуэн, Герцен, Чернышевский, Лопатин составляли сформированный Альшицем исторический ряд утопистов и мечтателей, стремившихся к воплощению идеала освобождения человечества. Их монологи и диалоги в драме призваны были показать зрителю не только их светлые мечты и надежды, но и непонимание их в обществе, а зачастую жесткое противостояние им со стороны носителей власти.

Альшица при этом как мыслителя интересовали ситуации, при которых светлая утопия оказывалась перед жесткой жизненной реальностью, при столкновении с лицом, способным в будущем к диктатуре, или с самодержцем, способным на тиранию. Первая ситуация – в диалоге между Буонарроти и Наполеоном Буонапарте, в то время еще молодым корсиканцем, лейтенантом артиллерии французской революционной армии. А затем, через пятнадцать лет – между тем же Буонарроти и императором Франции Наполеоном. Во время первой встречи Буонарроти был крайне удивлен рассуждением лейтенанта, назвавшего короля Людовика XVI трусом за то, что тот при криках толпы, прорвавшейся к ограде дворца и требовавшей его отречения, «нацепив красную революционную шапку, жалко кланялся толпе». По словам Буонапарте, королю следовало «смести эти толпы. Пятьсот-шестьсот человек разнесло бы в клочья. Остальные бы разбежались!» Правда, Наполеон оправдался перед Буонарроти тем, что его рассуждения «носят чисто военный характер», а его «республиканские убеждения как раз очень давние и прочные»¹. Но после этого не удивительно, что из такого офицера-революционера вырос диктатор и император. И уже через пятнадцать лет, во время следующей их встречи, Буонарроти якобы сказал Наполеону: «Какое понижение: быть солдатом революции, а стать императором!!!»² Несомненно, что так думал и сам Альшиц как личность, для которой свобода составляла самую высшую ценность.

Еще более резко выразил Альшиц характер Николая I – самодержца. Это не удивительно, поскольку российское самодержавие и его история составляло центральную тему научных интересов его как историка. Что же касается Николая I, то с его именем нередко

¹ Аль Д. Рыцари светлой мечты // Аль Д. Диалог. С. 46–47.

² Там же. С. 49.

и не без оснований связывается высший подъем самодержавия в России как политической системы, а после него отмечается постепенный процесс нарастания кризиса этой системы. В данном случае драматург использовал исключительно выразительный метод контраста. Один эпизод – встреча его, еще до вступления на российский престол, с Робертом Оуэном, когда он благосклонно отозвался об опыте социалиста-утописта по созданию образцовой фабрики как прообраза общества будущего. И даже предложил ему завести подобное предприятие в России. Иной эпизод – фантастический, когда император Николай I раздает поручения двум генералам по расправе с лицами, участвовавшими за годы его царствования в революционном движении или настроенными революционно. Он при этом очень выразительно бросал реплики-приговоры. Лунин – «В каторгу. Бессрочно». Пестель – «Повесить!» Чаадаев – «Объявить сумасшедшим». Шевченко – «Сдать в солдаты, рядовым. Писать и рисовать запретить!» «Петрашевского и иже с ним к смертной казни ... с заменой в каторгу». Салтыкова – в ссылку». Белинского – «В тюрьму!» Наконец, по поводу Герцена и Огарева: «В ссылку их! В ссылку!.. Мальчишки...»¹. Конечно же, исторически такого эпизода не было. Но сами по себе приговоры вполне историчны и вынесены с полного одобрения царя. Самое негативное отношение Альшица к Николаю I как к самодержцу, и к тирану, не вызывает сомнения.

Возникает в этой связи вопрос: был ли утопистом сам Альшиц? Конечно же, он выражал сочувствие утопистам, не отождествляя себя ни с одним из своих героев. Но при этом едва ли можно отрицать черты романтизма и утопизма в его воззрениях. По крайней мере, заключительная часть драмы свидетельствует об этом. Вот жандармский генерал, арестовывавший Германа Лопатина, философствует, как кажется с его генеральской точки зрения, весьма глубокомысленно: «Мало ли вас было за долгие века, различных ниспровергателей, сотрясателей основ! И что же? Порядок всегда брал верх. Особенно у нас, в России...»². Но вскоре – последняя реплика последнего героя, названного «Голос». И всякий советский зритель, знакомый с биографией Владимира Ильича Ленина, прекрасно по-

¹ Там же. С. 63–64.

² Там же. С. 77.

нимал, что речь шла о нем, хотя он и не был прямо назван. В самом деле, «Голос» раздавался из Шушенского, а советские люди со школьных лет знали о ссылке в это село на Енисее революционера Владимира Ульянова. Последние слова героя, названного «Голос», были характерны: «Очень нужны книги... особенно по философии... Как можно больше книг!»¹. Появление Ленина было не случайно. Как и упоминание книг. Это были символы смены социализма утопического социализмом научным, доведения до конца дела исторической борьбы человечества за свободу. О том, что и с Лениным пришел период осуществления не научного плана общественного преобразования, но утопии, Альшиц, возможно, еще не думал. Мысль по поводу власти большевиков, четко выраженная М. Геллером и А. Некричем в названии их книги как «Утопия у власти», Альшиц в то время едва ли разделял. Как и всякий мыслитель-шестидесятник, он сохранял веру в коммунистическую идею, противопоставлял вождя Октябрьской революции Ленина своему тюремщику Сталину. Веру, безусловно, романтическую. И утопическую, как показала история.

Как еще одного видного утописта представлял Альшиц великого русского писателя Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина в пьесе «Салтыков и Щедрин». Разделив чиновника Салтыкова и писателя Щедрина, драматург создал единый образ честного человека в России XIX в., которому пришлось действовать в двух ситуациях, а также накануне третьей, когда реформы при Александре III сменились контрреформами. До самих контрреформ пьеса по своему содержанию не дошла. Известно, что М.Е. Салтыков-Щедрин находился на службе до 1868 г., и ушел в отставку в чине действительного статского советника. Но уже к тому времени, за десять с лишним лет до убийства Александра II и контрреформ, обозначилось недовольство чиновничества реформами, опасение их за свое положение. Поэтому в чиновничьей среде стали появляться люди, на которых впоследствии опиралась власть при проведении контрреформ.

Три ситуации в пьесе о Салтыкове-Щедрине соответствовали концепции истории России Альшица как непрерывной смены ре-

---

¹ Аль Д. Рыцари светлой мечты // Аль Д. Диалог. С. 78.

форм и контрреформ¹. Первой ситуацией в пьесе был кризис до-реформенной России, или системы, созданной Николаем I. Вторая была связана с буржуазными реформами при Александре II. Третьей являлись контрреформы, проводившиеся при Александре III. Ситуация менялась, чиновник Салтыков становился все старше и старше, рос в чинах и должностях, но оставался при прежних своих демократических убеждениях. И даже при революционных убеждениях, занимая место белой вороны в губернском чиновничьем мире, что и было выражено в пьесе.

Как это характерно для драматургии Альшица, черты реальности переплетались у него с конструированием фантастических ситуаций, что позволяло подчеркнуть типичные черты каждой исторической эпохи, наглядно выразить наиболее характерные ее стороны. Сказалась, кроме того, тяга его к выделению комических моментов. В этом отношении он шел в русле традиций гоголевского юмора, что иногда давал почувствовать читателю. Так, прибытие титулярного советника Салтыкова в ссылку на службу в отдаленный губернский город, и встреча его с местными чиновниками подана Альшицем таким образом, что сосланный видит в них героев «Ревизора» вплоть до губернатора, генерала Зубатова, в котором он разглядел Городничего. В самом деле, в 1848 г. реальный Салтыков был сослан в Вятку за «вредное направление и стремление к распространению революционных идей», где оказался на службе в штате губернского правления, затем чиновником особых поручений при губернаторе, а позже советником губернского правления. Но сразу после смерти Николая I новый император, Александр II, помиловал его. Ссылка объяснялась страхом Николая I перед начавшейся в том же 1848 г. революцией во Франции². Однако ситуация во время ссылки Салтыкова была иной, чем во времена «Ревизора». Если гоголевская комедия отражала время, когда николаевский режим был на подъеме, то Салтыков оказался в Вятке на излете режима, когда совсем скоро началась Крымская война. Ситуация начавшейся войны в еще

¹ Об этой концепции см.: Альшиц Д.Н. Противостояние реформ и контрреформ – изначальная особенность истории российской государственности // Аль Д. (Альшиц Д.Н.) Шаги истории России из прошлого в будущее. С. 9.

² См.: Макашин С. «Сатиры смелый властелин» // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 10-ти т. М.: Правда, 1988. Т. 1. С. 7–8.

большей степени позволила вскрыть самые отрицательные стороны российского чиновничества. И если в «Ревизоре» негативное восприятие уездных чиновников окрашено юмором, то отношение Альшица к губернскому чиновничеству последних лет николаевского царствования пронизано уже вовсе не юмором в духе Н.В. Гоголя, но бичующей сатирой М.Е. Салтыкова-Щедрина. Заявление одного из чиновников, героев пьесы, в содержит в концентрированном виде такое восприятие: «Чиновник и человек – понятия совершенно различные... Являясь на службу, я совлекаю с себя ветхого человека, зверею ... и поступаю в распоряжение начальства»¹.

Особенно заметно это в поведении чиновничества в связи с начавшейся Крымской войной. Вот губернатор Зубатов кричит в «патриотическом» угаре: «А наши-то, наши-то герои как дерутся! Держится Севастополь! Держится, голубчик-то наш! Не сдается! Нахимов! Лазарев! Тотлебен! Ура!» Чиновники вслед за начальником «кричат ура». Но потихоньку от одного из них слышится нечто гаденькое: «Между прочим, фамилия “Тотлебен” мне не внушает доверия». В ответ на замечание, что это «наш немец», дается ответ: «А вы можете поручиться, что он не англо-французский немец?»², в котором видна гремучая смесь подлости и идиотизма под «патриотическим» прикрытием. И читатель, знакомый с историей Отечественной войны 1812 г., сразу же вспоминает подлейшую травлю в те годы генерала от инфантерии, князя М.Б. Барклая-де-Толли, исключительно много сделавшего для подготовки Русской армии к войне, для сопротивления Великой армии Наполеона в период отступления русских войск в начале войны.

Но подобный «патриотизм» оказывался, кроме того, прикрытием стремления к наживе на войне, а то и прямого воровства. Страстный монолог возмущенного Салтыкова находил отклик советского зрителя начала перестройки, которые строили в этой связи аналогии с современным им состоянием страны, когда коррупция выдвигалась на первый план общественного внимания. «Дикая оргия негодаев», – говорит Салтыков о пирующих чиновниках. И продолжает: «подумайте только, сколько тут сукна, холста, кожевенного товара, полушубков, обозных лошадей, провианта, приналичных денег! ...

¹ Аль Д. Салтыков и Щедрин // Аль Д. Диалог. С. 84–85.

² Там же. С. 96.

И всякий спешит нечто урвать, утаить, ушить, укроить, усчитать... Себе, себе в карман, в брюхо... Когда и какой бюрократ не был убежден, что Россия – это пирог, к которому можно свободно подходить и закусывать?! Никакой и никогда!...»¹. И далее он говорил, бросая обвинение непосредственно чиновникам: «Тут много говорили об Отечестве... Вы продали его, господа! Вон оно – Отечество – торчит у вас из карманов!»²

Монолог Салтыкова дал возможность Альшицу как историку и драматургу представить читателю и зрителю еще одно явление, составлявшее, помимо самодержавия, многовековой смысл истории государства Российского. Заключалось оно в предельном сближении власти и собственности, места при государственном управлении и возможностей для обогащения. Советский человек конца восьмидесятых годов уже мог наблюдать подобное явление. Оно его возмущало, давало основания для обвинения начальства в воровстве и вело на московские баррикады революционного Августа 1991 г. Но и буржуазно-демократическая революция не привела к концу этого явления. Оно продолжалось в «лихие девяностые», и еще более – в тусклые, сумеречные «нулевые», когда оно достигло вообще невиданного ранее уровня, и по масштабам, и по степени близости к верховной власти и одновременно к криминалу. Конечно же, Альшиц тогда, в 1987 г., этого не знал во всей конкретности и полноте. От историка вообще не требуется предвидения будущего. Но исторические знания дают в то же время возможность, при опоре на методы компаративистики и исторической типологизации, представлять какие-то общественно-исторические перспективы. И в этой связи допускать возможность некоторых сторон будущего развития страны при опоре на опыт прошлого он как историк и мыслитель был в состоянии.

Но вот наступили времена Великих реформ Александра II. И оказывается, что чиновничество умеет не только воровать, но и приспособливается к изменившейся ситуации. Уже губернатор Зубатов в разговоре с Салтыковым готов признать, что «нечто новое приближается», что «мы, оказывается, до сих пор спали». И вообще: «Пора ведь нам наконец сбросить это скифство! Ну нельзя же – все

¹ Там же. С. 97.

² Там же. С. 99.

в рыло да в рыло!» Поэтому он «сегодня приказал становому, чтобы и он, и его подчиненные прекратили давать рукам волю». Но «если будут драться – я их, подлецов, самих так откатаю, что три дня садиться не будут!»¹, – провозглашал губернатор. Чиновники, однако, не только стремились приспособиться к новым условиям реформ, но и выражали недовольство, хотя довольно глухое, но не без скрытых угроз. По словам одного из них, «которые полагают, что взятки когда-нибудь прекратятся, – так эта мысль у них от недомыслия!». А другой чиновник прямо заявляет Салтыкову: «Михаил Евграфович, не толкайте нас в свой чистый рай. Мы хотим пахнуть по-своему»². Или, если выражать ту же мысль средствами современного языка – «у России свой путь в многополярном мире».

Прошло время, и возможность «пахнуть по-своему» пришла в силу исторически последовательной для России смены реформ контрреформами. Салтыков, уже, по пьесе, губернатор, принимает своего старого знакомого Кротикова, с которым не виделся много лет. Эпоха реформ еще не закончилась. Но в воздухе уже пахло неизбежным концом эпохи реформ. В лице Кротикова Альшиц вывел еще один интересный историко-психологический тип лица, которое ранее было увлечено революционными идеями, но затем разочаровалось в них. Отдельные из этих личностей, поняв по-своему смысл жизни, решили, что ничего изменить нельзя, но можно приспособиться к обстоятельствам. Они циничны, с насмешкой воспринимают прежние свои демократические увлечения и готовы давать советы, как приспособиться к существующим порядкам. Кротиков призывает Салтыкова к разрыву с тем, с чем порвал он сам, и критикует его произведения: «Талантливо. Но уж очень тенденциозно. Глумление какое-то. Смеяться, конечно, смейся, – но знай меру. Что за удивительная у тебя способность размахивать помелом из помойной ямы?!» И далее говорит Салтыкову: «На службе теперь нужны надежные кадры»³. Слово не случайно. Эпоху контрреформ оно помогло Альшицу связать напрямую со сталинским режимом, когда было очень распространено. Например, в выражении «Кадры ре-

¹ Аль Д. Салтыков и Щедрин // Аль Д. Диалог. С. 102.

² Там же. С. 128.

³ Там же. С. 133.

шают все!» Выражение, распространенное в условиях массовых репрессий, когда эти самые «кадры» гибли или получали длительные сроки, оказываясь в советских концлагерях. И внимательный читатель, и зритель очень хорошо понимали, о чем шла речь. Выражение «кадры решают все», вышедшее из тридцатых годов, еще не было забыто. Далее Кротиков с характерным для него цинизмом прямо заявляет, что «мерзавцы – самая надежная опора для проведения теперешней программы», напрямую относит к мерзавцам себя и советует «стать мерзавцем» Салтыкову, добавляя: «Пока не поздно»¹.

В ответ Салтыков дает изложение иной «программы», прямо заявляя: «путь из “города Глупова” в “город Умнов” лежит только через “город Буянов”!»². Иначе говоря, через революцию. Как советский историк и шестидесятник, Альшиц считал революционный выход из исторического тупика, в который зашла самодержавная Россия, неизбежным и необходимым. Но идея революционного выхода из тупика нынешнего времени, который иногда называют новым застоём, также начинает за последнее время все более актуализироваться. Еще более востребованной оказалась идея «города Глупова», которая под влиянием образа из «Приключений Буратино» А. Толстого чаще выражается как «страна дураков». Не случайно современный российский писатель В.А. Пьецух создал блестящее продолжение «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина, в котором разворачивается история города Глупова от времени царствования Николая I до позднейших времен существования советской власти³.

Идея выхода из «города Глупова» не через голосование, но через «город Буянов» не стала еще достоянием большинства российского населения, историческая память которого после событий 1917–1920 гг. противится революции. Но если идея революции вообще начинает вызывать общественный интерес, то вина за это не на обществе и отдельных его представителях, но на власти, воспроизводящей самодержавные традиции, заигрывающую с самодержавной идеологией и ставящей на

¹ Там же. С. 133.

² Там же. С. 134.

³ Пьецух В.А. История города Глупова в новые и новейшие времена // Пьецух В.А. Новая московская философия. Хроника и рассказы. М.: Московский рабочий, 1989. С. 3–164.

место демократии настоящей имитацию демократических процедур. Относится это и к такой самой важной из таких процедур, как выборы. В этом современное звучание творчества как Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, так и посвященной ему пьесы Альшица.

Проявляя интерес к личности революционеров в истории России и в мировой истории, Альшиц не мог пройти мимо крупнейшего из их плеяды, Владимира Ильича Ленина, в повести «Без лжи и железа», создававшейся для кино. Альшиц осознавал, насколько трудно для советского автора создание образа Ленина. Поэтому своей задачей ставил он «напомнить хотя и хорошо известную сторону его жизни, но в последнее время отступившую в литературе и искусстве как бы на второй план»¹. Такую тему он нашел. Этой – Ленин и Финляндия, которая еще в декабре 1917 г. получила независимость от советского правительства.

Эта повесть в наибольшей степени по сравнению с другими произведениями отражает характерный для Альшица романтизм шестидесятника. Во второй половине восьмидесятых, когда системный кризис советского общества становился очевиден, когда разочарование в советской модели и в ленинизме нарастало, писать о Ленине было тем более сложно. Но и в этих условиях Альшиц нашел в Ленине то, что могло сформировать его образ, созвучный духу времени. Во-первых, это предоставление Финляндии права на выход из состава России, причем Ленин при этом стремился, «чтобы отношения между нашими странами обходились без лжи и железа»², как он в повести говорил Свинхувуду и другим представителям финской стороны. Образ Ленина тем самым как бы давал пример цивилизованного выхода небольших стран из большого государства имперского типа. Пример, который вскоре после выхода в свет «Диалога», в апреле 1989 г., оказался исключительно актуален на фоне общественного возмущения разгоном мирной демонстрации в Тбилиси с помощью саперных лопаток.

Еще один вопрос, относящейся к биографии Ленина, был связан с представлением о личной трусости вождя революции. Оно особенно распространилось несколько позже, после публикации воспоми-

¹ Аль Д. История – драматург современный. С. 16.

² Аль Д. Без лжи и железа // Аль Д. Диалог. С. 140.

наний Н.В. Валентинова. Большинство эпизодов повести Альшица демонстрируют немалую смелость Ленина, а особенно эпизод об уходе его в 1906 г. по льду Финского залива из Финляндии в Швецию, в эмиграцию.

Не могла не представить интерес читателя еще одна деталь повести из самого ее начала. Одно небольшое предложение: «В приемной – рабочие, солдаты, матросы»¹. Речь идет о приемной Совнаркома, советского правительства того времени. Было это 18 декабря 1917 г. Между тем, советский читатель и зритель знали, насколько власть в поздний советский период была оторвана от народа. Приведенная деталь не только соответствовала исторической правде. Она соответствовала стремлению общества к демократизации внутренней жизни, которое до сих пор не нашло удовлетворения.

Удалось ли Альшицу привить свое позитивное восприятие Ленина советскому читателю и зрителю второй половины восьмидесятых годов, когда был издан его «Диалог»? Конечно же, нет. В данном случае эта написанная вполне добротной повестью не могла ни убедить читателя, ни, тем более, предотвратить крах советской системы. В повести Ленин одерживает верх в споре с меньшевиком Сухановым. Взята главная идея Ленина в этом споре в одной из последних ленинских работ, диктовавшихся им в конце 1922 – начале 1923 гг., «О нашей революции», причем как ответ Суханову. В ответ на обвинение большевиков в стремлении насадить социализм в неподготовленной стране Ленин соглашался, что страна и в самом деле не была готова к социализму. Но, по словам его из повести, «изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов» создает «предпосылки цивилизованности»². Во время дискуссии его с Сухановым в это можно было поверить. Но во второй половине восьмидесятых годов «предпосылки цивилизованности» уже не связывались с сохранением у власти КПСС и с осуществлением идей ленинизма. Ленин уходил в прошлое. Ничего с этим процессом в массовом историческом сознании Альшиц поделать не мог. Данная сторона идеологии шестидесятничества, исключительно притягательная в свое время, противопоставлявшая социализм демократический, будто бы шедший от Ленина, социализ-

¹ Там же. С. 138.

² Там же. С. 190.

му, основанному на сталинской диктатуре, ко второй половине восьмидесятых годов исчерпала себя. Но, работая над повестью «Без лжи и железа», Альшиц еще не вполне понимал, что время шестидесятников ушло в прошлое, и полагал, что ценности социализма и ленинизма можно связать с ценностями демократии и вложить в них новую жизнь. Но в то время, как в составе «Диалога» переиздавалась повесть «Без лжи и железа», в обществе начинала разворачиваться дискуссия о выносе тела вождя из мавзолея.

Еще одно произведение в составе сборника «Диалог» – документальная драма «Правду! Ничего, кроме правды!!» Тема ее – реальный эпизод заседаний Юридической комиссии сената США в 1919 г., темой которого стал суд над Октябрьской революцией. Первое издание ее в 1968 г. предназначалось для постановки в Ленинградском академическом Большом драматическом театре имени М. Горького. Появление этого произведения было связано с отмечавшимся в 1967 г. пятидесятилетним юбилеем Октябрьской революции. Поэтому «юбилейный» его характер вполне очевиден. Отсюда и тема апологии Великой Октябрьской социалистической революции. Как отмечал Альшиц, произведение имело документальную основу, а такой процесс и в самом деле имел место. Поставлена была драма еще ранее, в 1967 г., на сцене Большого драматического театра выдающимся советским режиссером Георгием Александровичем Товстоноговым.

Характерно название драмы. Знание правды составляло одну из интеллектуальных потребностей советского общества. Особенно обострялось оно в связи с начинавшимся в стране идеологическими изменениями, частичной реанимацией сталинского культа, стремлением советского руководства противопоставить «пражской весне», идеям «социализма с человеческим лицом» советский опыт. Казалось бы, что драма вписывается в советско-партийный официоз второй половины шестидесятых годов. Но Альшиц был не идеолог, но историк и художник. А также шестидесятник, разводивший по разные стороны истории советского периода Октябрьскую революцию вместе с Лениным и «нарушения ленинских норм партийной и государственной жизни» вместе с массовыми репрессиями при Сталине. Поэтому апологетика Октября сочеталась у него с некоторыми точными в историческом и художественном отношении деталями.

Так, председатель комиссии Овермэн замечал, что при советской власти «население России терроризировано и поэтому не в состоянии избрать правительство по своему желанию»¹. Внимательный советский читатель и зритель не мог не заметить этого замечания и не отметить, хотя бы про себя, правоту председателя комиссии. Или слова сенатора Стерлинга: «Трудно даже представить себе, сколько людей было убито большевиками»², а также слова посла США в России Френсиса о большевиках: «Они установили царство террора!»³ Конечно же, Альшиц не считал необходимым пересматривать сложившуюся в советской историографии концепцию истории Октябрьской революции и гражданской войны. Но, независимо от его желания, в этих словах содержалась идея необходимости нового углубленного изучения этих событий, введение в научный оборот новых источников и формирование на их основе новых концепций.

Не мог этот читатель и зритель не обратить внимания на слова известного писателя Даниеля Дефо, автора «Робинзона Крузо», которые напрямую касались близкой творческой интеллигенции проблемы свободы творчества и которого Альшиц ввел в действие, применяя свой прием исторических экскурсов. Как сказал Дефо, им был написано адресованное властям произведение «Кратчайший путь к истреблению несогласных», которое сперва было принято властью очень благосклонно. Но когда «какой-то негодяй подсказал высоким особам, будто моя книжка – сатира, памфлет на их порядки, хитрая издевка», он был выставлен «у позорного столба»⁴. После суда над А. Синявским и Ю. Даниэлем, высылки А. Солженицына этот экскурс приобретал большую актуальность.

При всех этих удачных находках Альшица едва ли апология Октября 1917 г. будет востребована зрителем конца восьмидесятых годов и более позднего времени.

Но не только «пламенные революционеры» вызывали интерес Альшица. Интересовала его проблема вхождения в коммунистическое будущее человека совершенно иного культурно-психологического

¹ Аль Д. Правду! Ничего, кроме правды!! // Аль Д. Диалог. С. 201.

² Там же. С. 200.

³ Там же. С. 205.

⁴ Там же. С. 222.

склада, вовсе не «пламенного революционера», не из тех, кого после Л.Н. Гумилева стали называть нередко пассионариями. Напротив, сознание такого человека было обременено массой характерных черт старого общества, прежде всего социальным эгоизмом. Казалось бы, по мере того, как становилась все более ясной утопичность коммунистической идеи, как провалилось положение третьей программы КПСС, предусматривавшей построение к 1980 г. материально-технической базы коммунизма, в грядущий коммунизм мало кто верил, причем уже в семидесятые годы. Но, тем не менее, такой образ оказался актуальным несколько неожиданно, в связи с наступлением в России на рубеже нынешнего и прошлого столетий не коммунистической утопии, но капиталистической реальности. Оказалось так, что во многом благодаря таким людям развитие в России общества потребления значительно опередило процесс развития демократии. Отчасти это не удивительно. Масса людей, привыкшая за годы советской власти всячески себя ограничивать, а нередко и жить на уровне выживания, обратилась в условиях свалившегося после ее крушения благодаря реформам Е.Т. Гайдара товарного изобилия к приобретательству, и уровень материальной жизни российского народа несколько приблизился к европейским стандартам. Что же касается демократических ценностей, то на пути их внедрения в политическую практику стал недостаток исторической традиции, политической и общей культуры населения.

В этой связи выведенный в произведении «Необычайные приключения Крошкина» главный герой, Иннокентий Крошкин, может представить интерес для современного российского читателя и зрителя. В самом названии произведения заметна переключка с повестью для детей замечательного советского писателя А.Н. Рыбакова «Приключения Кроша». Но если Крош Рыбакова вызывает несомненную симпатию читателя, то Крошкин Альшица никаких симпатий вызывать не может. Вызывает настороженность по отношению к нему уже одна из первых его реплик: «Рыба ищет где глубже... а человек – где лучше платят»¹. Казалось бы, для буржуазного общества – нормальное поведение. И далее, оказавшись в придуманном авторской фантазией коммунистическом городе Первопчинске, начинает заниматься приоб-

---

¹ Аль Д. Необычайные приключения Крошкина // Аль Д. Диалог. С. 243.

ретательством, отхватив два автомобиля, квартиру и разное барахло. Казалось бы, довольно обычное поведение для многих в России на рубеже XX–XXI вв., и это было характерно для такого слоя населения, который получил в народе название «новые русские», о которых рассказывалась масса анекдотов. Казалось, что Крошкин близок к такому типу. Но такое впечатление обманчиво. За красными пиджаками, золотыми цепями, иностранными автомобилями, потребительством и приобретательством, недостаточной культурой, что было на поверхности, гораздо менее заметно было то, что они все-таки вели свое дело и зарабатывали деньги. Крошкин же на это не способен. Но, как и многие из тех, кого после 1991 г. называли «совками», своим идеалом видит он начальственное кресло, которое обеспечивает ему деньги и связи. И когда он добился этого и быстро высказал свою несостоятельность, то у современного читателя, ценящего компетентность и профессионализм, он не вызывает ничего, кроме самого решительно-отторжения. Тем более, что подобный восседающий в руководящем кресле тип, который не может наладить дело, в новейшей России встречается не так уж редко.

«Развенчание» этого своего героя начиналось у Альшица с его «говорящей» фамилии, которую Крошкин в полной мере оправдывает. Крошкин – личность мелкая, действительно крошечная. Но представляющая собой определенный социокультурный тип, благополучно перешедший из советского в постсоветский период и очень хорошо устроившийся в нем.

Несколько интересных замечаний, характеризующих исторические взгляды Альшица, содержится в комедии-памфлете «Ультиматум». На примере вымышленной латиноамериканской «банановой республики» он выразил некоторые характерные черты диктаторских режимов. Между любовницей диктатора и самим диктатором произошел диалог. Когда она предупредила диктатора: «Народ недоволен твоим режимом», он ей ответил: «Знаю. На днях, например, на площади один пьяница плевал на мой памятник, и нашлись люди, которые ему аплодировали». А затем добавил: «Зато, когда этому негодяю дали пожизненное заключение, другие люди стоя аплодировали приговору». В самом деле, такие режимы имеют свою социальную опору. А после этого диктатор заявил по поводу сущности взаимо-

отношений между его властью и населением страны: «У нас в стране полное равенство. Передо мной все равны. Нулю... Начиная с самых высоких сановников»¹. В последнем отражен характер не только латиноамериканских диктатур. В полной мере относится он к российской традиции. Очень хорошо подобный характер был выражен в трагедии «Петр I», М.П. Погодина, где также он заключался в диалоге. Так, в ответ на замечание жены Петра I, царицы Екатерины: «Ты первый человек по нем», светлейший князь А.Д. Меншиков совершенно справедливо отвечал: «По нем! По нем что первый, что десятый, Без череда равны. Велика почеть!»². Поэтому диалог диктатора с любовницей из комедии Альшица относится в полной мере и к России. Кажется, к сожалению, и к новейшей России, где человека могут много лет держать в заключении по воле носителя высшей власти, а суд играет роль стыдливого прикрытия для самовластья и диктатуры...

Драматургия Альшица художественна. В ней имеются яркие и интересные образы и сюжеты, в том числе и созданные авторским литературным воображением. Она исторична. При умении конструировать фантастические ситуации в ней сохранялась строгая историческая основа, позволявшая сохранить дух выражавшейся в произведении эпохи, характер человека и общества, отраженного в произведении. Драматургия Альшица была современна в период своего создания и рассчитана на восприятие и понимание советского читателя и зрителя. Она в значительной мере остается современной в культурно-исторической ситуации России наших дней и в условиях оживления общественно-политической жизни может вызывать вполне благожелательный отклик российского общества.

3.3. «Опаснее врага»: вершина литературного творчества Д.Н. Альшица

В ноябре 1961 г. на суд театральной общественности Ленинграда Театр комедии во главе с режиссером Николаем Павловичем Акимовым вынес комедию Даниила Натановича Альшица в соавторстве со своим другом и бывшим сотрудником по Публичной библиотеке

¹ Аль Д. Ультиматум // Аль Д. Диалог. С. 363.

² Погодин М.П. Петр I, трагедия в пяти действиях, в стихах. 1831. М., 1873. С. 40.

Львом Львовичем Раковым «Опаснее врага». Затем комедию давали в Москве. Она получила аншлаги. «Зритель, как говорится, валил на нее толпами. На билеты записывались с ночи и то за несколько суток. Во время гастролей в Москве вокруг театра стояла конная милиция... Похвалы пьесе протрубили в 63 газетах, начиная с центральных – “Правды” и “Известий”...», – писал И.О. Фояков со ссылкой на воспоминания самого Альшица¹. По сведениям Санкт-Петербургского издания «Собака», накануне представления в Москве звонил референт Н.С. Хрущева и просил оставить билет для его внука².

Успех произведения среди читателей и театралов был не случаен. В нем была с поразительной точностью схвачена самая суть социокультурной ситуации в стране в условиях оттепели. Не в меньшей степени отразились надежды интеллигенции на изменение положения в науке и в культуре, сочувствие ее открытой и самой решительной критике сталинского культа и режима массовых репрессий, неприятие традиций кампанейщины, махрового бюрократизма и дремучей некомпетентности, стоявших на пути развития научных знаний. Вместе с тем особый интерес вызывали скрытые смыслы комедии, рассчитанные отчасти на разных зрителей, а отчасти на свой, особенно близкий для Альшица и Ракова круг – историков-профессионалов, к которому они относились сами.

В комедии обыгрывалась довольно ординарная ситуация, хорошо знакомая работникам распространенных в стране исследовательских институтов. Сотрудники созданного воображением драматургов института кефира, как показалось некоторым из них, должны были пережить очередную кампанию, подобных которой они видели немало до того. Комический эффект создавался благодаря тому, что, во-первых, такой кампанией оказалась борьба «с дураками». Ситуация была вполне правдоподобна: население Советского Союза за прошедшие годы переживало разные кампании и привыкло к тому, что от подобной кампанейщины бывало немало пострадавших и репрессированных. Едва ли случайно в ответ на радость недалекого героя комедии Шпинатова, по поводу того, что «борьба с дураками начинается», его умный, но циничный собеседник Плевицкий сухо

¹ Фояков И.О. Указ. соч. С. 52.

² Собака от 29 апреля 2008 г.

заметил: «Не понимаю, чему вы радуетесь. Ничего хорошего я в такой кампании не вижу»¹.

Во-вторых, эффект создавался благодаря учету авторами психологии общества, травмированного недавним тоталитаризмом, получившего сильнейшую прививку недоверия информации из официальных источников, ловившего малейшие слухи и привыкшего «читать между строк». Стоило заместителю директора по научной части Григорию Николаевичу Климову после приезда из московской командировки заявить коллегам, что на совещании в столице упоминалось о необходимости «дураков ... гнать из научных учреждений»², это всерьез было понято как начало очередной кампании. Подтверждение этому увидели в утренней радиопередаче для детей. Из включенного динамика в кабинете директора института раздавались строки «Конька-горбунка» П.П. Ершова: «... У крестьянина три сына: Старший умный был детина, Средний сын и так и сяк, Младший вовсе был дурак...». На это директор заявил: «По литературной передаче еще нельзя судить», однако возможность подобной кампании для него стала в связи с этим чтением по радио вполне вероятной. И когда он несколько позже, не выходя из своего кабинета, услышал следующие строки: «Все пустяк для дурака, Он садится на конька», то высказался более определенно: «Явно не случайно подобрана тематика»³.

Своим успехом комедия была не в меньшей степени обязана образам героев. Яркость этих образов отчасти была связана с тем, что типичное в них сочеталось с точно выраженной индивидуальной психологией, зависевшей от занимаемого ими служебного и общественного места и от внутренней культуры. Отчасти она определялась умелым использованием драматургами такого распространенного в истории русской литературы приема, как «говорящие» фамилии. Это – ретрограды, директор института Тихон Иванович Допетровский и Георгий Матвеевич Хеопсенко, чьи фамилии лучше всяких объяснений говорят об их неготовности воспринимать идеалы и реалии начала шестидесятых годов. Об уровне Федора Ивановича Шпинатова свидетельствует не только намекающая фамилия,

¹ Аль Д., Раков Л. Опаснее врага. Комедия в трех действиях // Аль Д. Диалог. С. 306.

² Там же. С. 302.

³ Там же. С. 311.

но и должность заведующего отделом заменителей пробки. В этой же компании пара диссертантов – Чаркин и Чуркин.

Наряду с говорящими фамилиями такой эффект создается умелым пародированием особенностей языка бюрократической среды. Так, в институте кефира имеется «бюро проектирования этикетирования»¹. Директор института Допетровский по-своему переделал известную поговорку: «Каков поп – таков должен быть и его аппарат»². Еще один образец применения бюрократического языка был подан в выступлении на собрании начальника отдела кадров. «Наш институт из квартала в квартал идет с перевыполнением всех показателей по всем показателям плана», выражался он, делая в слове «квартал» ударение на первом слоге. «Но наряду есть ряд отдельных отрицательных безобразий»³, – продолжал он далее. Дополнительный комический эффект создавался благодаря тому, что канцелярско-бюрократический слог героя сочетался с характерной для него речью человека малограмотного, но привыкшего чувствовать себя в начальственном кресле и вершить судьбы людей.

Авторы при этом добились сочетания комических моментов с внутренней напряженностью комедии, при которой до самого конца четко не прослеживается внутренняя развязка. Видимость ее предоставлял превосходно использованный гоголевский прием из комедии «Ревизор», когда чтение письма в заключительной части произведения расставляет все по своим местам. Таким же образом завершили комедию Д. Аль и Л. Раков, когда телеграмма от вышестоящего начальника и близкого знакомого директора Допетровского со словами: «Начальство считает, что ты дуб»⁴, предполагало падение директора и вполне оптимистическую развязку комедии.

Подобный оптимизм был в духе того времени. Свежий ветер перемен, реабилитация, освобождение политзаключенных, которым стал вскоре после окончания Великой Отечественной войны оба автора комедии, историки и фронтовики Д.Н. Альшиц и Л.Л. Раков, решения XX съезда КПСС, осудившего культ личности Сталина, –

¹ Там же. С. 296.

² Там же. С. 327.

³ Там же. С. 352–353.

⁴ Там же. С. 356.

все это, казалось, давало для такого оптимизма серьезные основания. Для поколения людей, называвшихся шестидесятниками, оптимизм был вполне органичен. Казалось, что на почве этих перемен интеллигенция получает самый широкий простор для научного творчества. Надежды на такие возможности были у героев комедии – заместителя директора Климова, профессора, заведующего лабораторией Бориса Александровича Куранова, продуктивно работавших в науке лаборантов Игоря Новикова и Тони Гончаровой. Казалось бы, что с падением «дуба» – директора института кефира такие возможности открываются. Все это вполне соответствовало настроениям значительной части читателей и зрительного зала в Театре комедии, тех же шестидесятников, разделявших взгляды и настроения авторов. Но только ли настроения исторического оптимизма были выражены в комедии? Только ли такие настроения были характерны для поколения шестидесятников вообще и для авторов комедии, в частности? Следует иметь в виду, что оба автора были историками, сами прошли к тому времени большую жизнь и вовсе не были склонны к скоропалительным выводам. А тем более – оптимистическим. Была ли вместе с известием о том, что начальство считает директора Допетровского «дубом», исчерпана интрига комедии? Внимательный взгляд на текст произведения свидетельствует, что интрига была не исчерпана. Комедия на самом деле оказывалась не такой простой, как это могло показаться при поверхностном впечатлении, и у нее имелся второй план со своим скрытым смыслом, доступным, как всегда, посвященным.

Возникает вопрос: кого же включали авторы в круг посвященных? К настоящему времени в историографии уже накоплен определенный опыт выявления такого круга. Так, И.Н. Данилевский на материале анализа скрытых смыслов из текста Повести временных лет видел в посвященных, к которым обращался автор летописи и на понимание которых он рассчитывал, определенный круг монашества. Это был тот круг, к которому принадлежал и сам летописец. Однако и для них, указывал он, «выявление ... тонких намеков было, пожалуй, слишком сложной задачей»¹. Искать посвященных, таким образом, следует недалеко от автора, или авторов. Более широкий

¹ Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 266.

круг этих людей составляла интеллигенция, с которой оба автора общались постоянно. Более же узкий и конкретный круг находился к авторам еще ближе. Такой ближний круг составляли историки, не все, разумеется, но те, кто разделял взгляды и убеждения авторов на прошлое и настоящее, на положение в стране вообще и в исторической науке, в частности.

Скрытое обращение к историкам, к их настроениям и опыту прослеживается в словах двух диссертантов, Чаркина и Чуркина. «Я, например, решил сесть за тему “Борьба за...”», – заявил Чаркин. «А я – “Борьба против...”»¹, – ответил Чуркин. Для историков это был более чем прозрачный намек. Было хорошо известно, что таким образом формулировались многие темы по истории КПСС. Конечно же, едва ли было бы справедливо видеть за этим авторскую скрытую критику самой партии. Напротив, для шестидесятников, при всем их самом решительном неприятии Сталина и режима массовых репрессий, была характерна вера в партию, в идеалы установленного в СССР социализма, в ее способность преодолеть наследие культа личности. Так, в повести «Приказа умирать не было» Д.Н. Альшиц рассуждал по поводу названия нацистской «Национал-социалистической рабочей партии»: «в нем заключен сплошной абсурд. Разве они не понимают, что сочетать слова “социализм” и “национализм” – это безграмотность»². Последующий исторический опыт доказал возможность такого сочетания. В происходивших в период оттепели переменах они видели явно выраженный знак силы партии, ее способности преодолеть наследие репрессивного режима. Упоминание же «Борьбы за...» и «Борьбы против...» служило, скорее всего, отражением в профессиональной среде историков раздражения псевдонаучной халтурой в форме подобных тем. Но такая халтура нередко выдавалась за актуальный и полезный научный поиск, востребованный в идеологической борьбе своего времени или обобщавший исторический опыт партии. Она находила поддержку во властных структурах. Для историка-профессионала было ясно, что подобная тематика представляет историю в ложном свете перед обществом, в виде не науки, но наукообразной формы идеологиче-

¹ Аль Д., Раков Л. Указ. соч. С. 299.

² Аль Д. Приказа умирать не было. С. 30.

ского обслуживания власти, и неизбежно ведет к дискредитации образа истории как науки в массовом сознании.

Обращением авторов комедии к кругу посвященных служил образ историка Иззагардинера. Внешне это симпатичный и глубоко эрудированный человек, достаточно робкий, но не побоявшийся открыто поддерживать в стенах своего института ученых, занятых научным поиском, и выступить вместе с ними против закоренелой институтской бюрократии. Он немногословен. Но за этим скрывалось многое. А, по существу, главный герой комедии, был призван не только защитить историю в глазах общества от обвинений в принятии на себя роли идеологического обслуживания власти. В образе историка авторы выразили мысль об относительности характерного для шестидесятников оптимизма, причем, возможно, независимо даже от своих собственных надежд и настроений. В комедии проявилась известная в истории литературы ситуация, когда внутренняя сила художественного мышления автора оказывалась способной преодолеть его собственные субъективные настроения и намерения и выразить культурно-историческую реальность в более полном и глубоком виде, чем казалось самому художнику. В комедии Д.Н. Альшица и Л.Л. Ракова эта ситуация выразилась, во-первых, в образе историка Иззагардинера. Во-вторых, в образе его антипода, также главного героя, кадровика Малькова, служившего ранее, при Сталине, как и многие кадровики того времени, в репрессивно-карательных структурах.

Авторы, таким образом, выстроили ситуацию: историк против чекиста. Характерно, что фамилии героев при этом также говорящие, причем достаточно многое. Кадровик Мальков не мог не вызывать прямой ассоциации с комендантом Кремля П.Д. Мальковым, лично расстрелявшим эсерку Фанни Каплан по обвинению в покушении на Ленина 30 августа 1918 г. на заводе Михельсона. Более прямую характеристику авторы дали Малькову в одном, очень кратком, но исключительно глубоком по смыслу замечании, сделанном им самим в эпизоде, когда по радио, висевшем в директорском кабинете, раздавались строки из сказки П.П. Ершова «Конек-горбунок». После чтения строк: «Вот в конюшню прибегают, Двери настежь отворяют И ногами дурака Ну толкать во все бока», Мальков произнес, с ав-

торской пометкой «многозначительно»: «Ногами»!¹ Это было прямым обращением к исторической памяти интеллигенции. Для читателя и зрителя образ кадровика Малькова становился предельно ясен. Некоторые из них лично видели таких кадровиков в иных эпизодах, при проведении допросов с пытками в сталинских застенках, другие слышали об участии их в таких акциях.

Фамилия же историка говорит как будто бы о его робости и осторожности. Это не случайно. Ему лучше многих других была памятна сравнительно недавняя кампания по выявлению безродных космополитов и борьбе с ними, поскольку сам он прямо относился к космополитам. Настороженно он встретил известие о том, что «из института будут гнать дураков и невежд». И если профессор Куранов заявил: «поддерживаю такое начинание», то Иззагардинер, напротив, насторожился: «как бы не случилось перегибов»². Но есть еще один смысл фамилии – скрытый. Она относится к самой комедии. В ней он главный герой, но в этой роли он не виден сразу, а как бы прикрыт какой-то гардиной. Он как бы находится в тени других героев, вызывавших симпатию – заведующего лабораторией Куранова, лаборантов Новикова и Гончаровой. Он и в экспериментах принимал участие вместе с ними, помогая им, что, строго говоря, не соответствовало его должности заведующего сектором всеобщей истории кефира. Он постоянно их поддерживал, хотя отлично при этом осознавал, что это вызывает недовольство начальства института. Так оно и вышло на самом деле. Директор института в конце концов так и заявил: «историк? Уволить как неподходящего по профилю», а секретарша Галина Федоровна услужливо подхватила: «Правильно». А затем последовало ее характерное добавление: «зачем нам история?»

Добавление очень характерное. Непонимание значения исторических знаний, важности научного исторического поиска для развития культуры было характерной чертой личности руководителя, воспитанного на традициях «Краткого курса истории ВКП(б)», когда имелась раз и навсегда установленная концепция истории, единственно верная и доступная для усвоения даже простоватой секретаршей и малограмотным кадровиком. Эту предельно просто

¹ Аль Д., Раков Л. Указ. соч. С. 312.

² Там же. С. 319–320.

выраженную секретаршей мысль дополнил кадровик-чекист Мальков: «История нам нужна только актуальная, за последний год. А что было раньше – это теперь уже не история...». На вопрос же: «что же это по-вашему?» он сказал, как отрубил: «Уход в прошлое. Древность. А древность и актуальность – это две большие разницы»¹.

По-видимому, эти слова кадровика кладут окончательный, недодававший ранее штрих на его литературный образ. Почему Малькова можно считать одним из главных героев? В широком и общем смысле – потому, что он олицетворял собой карательную структуру государства, посредством которой велись массовые репрессии, запечатлевшиеся в исторической памяти народа и ставшие местом его исторической памяти. К ним то и дело, так или иначе, обращается в своих воспоминаниях Изагардинер в связи с теми событиями, которые происходили в комедии. Но был и узкий смысл, относящийся к вопросу о месте истории в культуре человечества, к исторической науке. Связано это с его заявлением о нужности «нам» такой истории, которая была бы «только актуальная». Остальная история «им», следовательно, была не нужна. Слова умственно и нравственно убогого бывшего чекиста Малькова значили для исторической науки очень многое. Они означали не только то, что история становилась придатком политики и должна была обслуживать ее. Они означали также то, что категория актуальности становилась определяющей для выбора исторической проблематики и подменяла собой другую категорию – интереса. Между тем, при известной близости этих категорий, между ними прослеживается принципиальная разница. Категория интереса по своей внутренней природе относится к познавательной деятельности и, следовательно, ближе всего к научной сфере культуры человечества. Как отмечал современник Д.Н. Альшица и Л.Л. Ракова, философ и историк А.И. Ракитов, интерес – «важный внутренний смысл научного познания» и «эквивалент исследовательской любознательности»². В современном научном историческом познании категория интереса рассматривается с тех же позиций. Как указывала О.М. Медушевская, интерес – это «подъ-

¹ Аль Д., Раков Л. Указ. соч. С. 336.

² Ракитов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М., 1982. С. 30.

ем познавательной активности индивида, выборочно направленной на определенный ряд явлений, процессов или ситуаций, возникает спонтанно, выступая в силу этого обстоятельства в качестве индикатора предрасположенности индивида к решению познавательных задач определенного типа»¹. Категория актуальности также может относиться к науке. Однако она охватывает не только науку. В том понимании, которое вкладывал в него Мальков, актуальность вообще не имела ничего общего с научным познанием, но относилась к актуальности политической и связана была с той политической системой, частью которой он был сам. Оказалось так, что на исторической науке сказались слова Малькова об актуальности. Актуальность стала подменять интерес и в значительной мере определять проблематику, направление и характер научной историографии. Отражением этого стало включение во введение к диссертационным работам раздела об актуальности поставленной проблемы. Между тем, фактическое изгнание интереса, или подмена его актуальностью, на чем в комедии настаивал Мальков, не могло не наносить удар по познавательному интересу, который является движущей силой всякого научного поиска, в том числе в исторической науке. Но удар по исторической науке, проявившийся в подмене категории интереса категорией актуальности, являлся ударом по культуре вообще. Это не случайно, поскольку в основе культуры лежит исторический опыт человечества и его познание, которое осуществляется средствами исторической науки. И, следовательно, такой удар по исторической науке был одновременно ударом по культуре вообще. Поэтому Мальков – один из главных героев комедии. С этим связано ее название – «Опаснее врага». По тексту комедии, оно должно было служить эвфемизмом слову «дурак», необходимым, чтобы не было «слишком прозрачно» в переговорах с нужными людьми. Взято оно было из морали басни И.А. Крылова «Пустынник и медведь»: «Услужливый дурак опаснее врага»². Правомерность причисления Малькова к «дуракам» имела основания, поскольку в комедии имеются неоднократные указания на его низкую культуру. Заключались они, в частности, и в том, что ему не нужна была история как тако-

¹ Медушевская О.М. Тория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 349.

² Аль Д., Раков Л. Указ. соч. С. 317.

вая, но требовалась только история актуальная. Но опасность его для исторической науки и для культуры состояла в том, что он был носителем воззрений, популярных в определенных кругах, в том числе в партийной бюрократии, от которых зависело решение целого ряда вопросов.

По существу, создавая образ Малькова, Д.Н. Альшиц и Л.Л. Раков шли в русле традиции европейской культуры и европейской историографической традиции XX в., суть которой выражало название труда М. Блока, созданного в оккупированном Париже – «Апология истории». Они в своей комедии защищали историческую науку от опасности со стороны воинствующего невежества и махрового бюрократизма, со стороны лиц, принимавших участие в массовых репрессиях и сохранивших должности, а также их наследников.

Но они не только дали образ того, кто был «Опаснее врага», и не только по-своему пытались защищать историческую науку. В лице Иззагардинера они создали образ историка, способного противостоять бюрократическому пониманию целей исторического познания. Такой историк при опоре на свою глубокую эрудицию и талант способен был поддерживать интерес в обществе к истории, сохранить в нем представление о ценности истории не только в виду ее непосредственной актуальности для нынешнего времени, но и ввиду культурной ценности исторических знаний.

Талант драматургов Д.Н. Аля и Л.Л. Ракова создал вполне узнаваемую ситуацию периода хрущевской оттепели, а образы героев, в том числе Малькова и Иззагардинера, узнаваемыми. Некоторые историки могли в образе Иззагардинера узнать некоторые черты своей личности. Это давало гарантии будущего отечественной исторической науки, ее способности преодолеть преграды на своем пути. В этом, возможно, заключался художественный оптимизм комедии, открытый для посвященных.

Сам Альшиц насчитал 63 рецензии на комедию «в крупнейших газетах и журналах, возносивших ее буквально до небес». Но после падения Н.С. Хрущева на Октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС она подвергалась критике в тех же самых изданиях, а также на все-союзном совещании драматургов. Н.П. Акимов на некоторое время сумел сохранить комедию в репертуаре. Впрочем, как вспоми-

нал Альшиц о Всесоюзном совещании по вопросам драматургии и театра, проводившимся в ноябре 1963 г., уже главный хрущевский идеолог Л.Ф. Ильичев оценивая «Опаснее врага», указал, что авторы, «увлекшись эстрадным острословием, окарикатурировали советскую действительность»¹.

Более пространный разговор по поводу комедии состоялся у Альшица с заведующим Отделом науки и культуры ЦК КПСС Д.А. Поликарповым. Состоялся он 29 ноября, и Даниил Натанович записал его содержание. Высоко оценивая художественную сторону произведения, Поликарпов в то же время заявил, что вызывала его сомнение «тенденция осуждения» в нем советской действительности. В комедии, по словам заведующего Отделом ЦК, утверждалось: «Безобразия времен культа покартели работников того времени, они неисправимы, они невежды и мерзавцы и ничего хорошего от них ждать нельзя. В принципе ничего не изменилось, все эти люди сидят на прежних местах, они управляют и наукой, и кадрами, они сверху донизу занимают учреждения». Защита Альшица была аргументирована. «Сатира не зеркало, а увеличительное стекло». Она жилище отрицательного героя. Сатира с преобладанием положительных элементов уже не сатира... это уже другой жанр»², – заявлял он. В доказательство же того, что в стране произошли серьезные изменения по сравнению со сталинскими временами, он привел достаточно серьезный аргумент: «Сегодня эти герои смешны, вчера они были опасны»³. Поликарпов в ответ заверил его, что снимать комедию с репертуара не собираются, несмотря на определенные претензии к ней.

Но очень скоро положение изменилось. На заре застоя сатира пришла не ко двору. Формально, однако, отношение к сатире не менялось, но сатирическое, комедийное восприятие советской реальности стало все больше вызывать недовольство властей. Позже Альшиц писал, что еще итальянский эрудит первой половины XVI в. Д.Ц. Скалигер положил начало, как не без язвительной насмешки писал он, «научной теории» обезвреживания сатиры».

¹ Альшиц Д.Н. На ковре под самым высоким флагом // Аль Д.Н. Шаги истории России из прошлого в будущее. С. 306.

² Там же. С. 309.

³ Там же. С. 310.

Альшиц указал четыре признака «добропорядочного сатирического произведения», которые выделял Скалигер. Среди них: «Численное превосходство положительных персонажей над отрицательными. Изображение хороших поступков в противовес дурным. Произнесение по ходу действий поучительных сентенций и наставлений. Хороший оптимистический конец – наказание порока, торжество благонравия и порядка». Приводил он также насмешку Н.П. Акимова над отношением начальства к сатире: «Сатира нам нужна острая, бичующая, смелая... Но что это там у вас в руках? Бич сатирика? Не длинноват ли он? Попробуем отрезать конец. Еще покороче! Осталась рукоятка? Как-то голо она выглядит. А ну-ка, возьмите эти розы, укрепите их сюда. Еще немного лавров и пальмовую веточку!.. Что? Похоже на букет? Это ничего. Наша сатира должна не разить, но утверждать. Теперь все готово. Вперед!..»¹. При начинавшемся застое комедия «Опаснее врага» продержалась в театре недолго, только до 1967 г., когда начинался общий кризис мировой социалистической системы, в котором концентрированным его выражением явилась «Пражская весна» с ее идеей «социализма с человеческим лицом». В таких условиях продолжение острой критики отдельных важных сторон советской системы и ее прошлого методом театральной сатиры для нового советского руководства, пришедшего после Н.С. Хрущева, было неприемлемо. Не удивительно поэтому, что комедия Д.Н. Альшица и Л.Л. Ракова «Опаснее врага» сошла с советских театральных подмостков после 1967 г.

3.4. Память о послевоенных сталинских репрессиях: образы тюрьмы и лагеря в воспоминаниях Д.Н. Альшица

Тема тюремного заключения, лагеря и ссылки для отечественной литературы возникла еще с Жития протопопа Аввакума. Во второй половине XIX в. наиболее ярким примером такой литературы были «Записки из мертвого дома» Ф.М. Достоевского. Для периода начала XX в., в условиях революционного кризиса, когда тюрьма, каторга и ссылка стали формой борьбы самодержавия с надвигавшейся рево-

¹ Альшиц Д.Н. Дискуссия о сатире и юморе от Аристотеля до наших дней // Аль Д. Шаги истории России из прошлого в будущее. С. 205.

люцией, подобная литература стала более распространенной. Важнейшей ее формой стали воспоминания, которые собирали в первые годы советской власти ветераны революции и гражданской войны, старые большевики, члены общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Но жизнь советского общества в период сталинской тоталитарной диктатуры дала несравненно более значительный материал для развития подобной темы. После XX съезда КПСС, осудившего культ личности Сталина и массовые репрессии, такая литература стала постепенно издаваться. Знаковым событием стала публикация по этой теме повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в журнале «Новый мир» в 1962 г., для которой потребовалось личное одобрение первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева. Но после отстранения Хрущева в 1964 г. партийная верхушка и номенклатура, ни в коем случае не желая реставрации сталинских порядков, опасалась, тем не менее, поднимать в обществе тему массовых репрессий. Это было не случайно. Подобная тема, так или иначе, ставила общество перед выводом о вине не только Сталина, но и партии и советской системы в целом за прошлое, и тем самым выдвигала вопрос о власти, о необходимости отхода от такой системы, когда все рычаги государственного управления находились в руках одной несменяемой партии. Она ставила вопрос о сменяемости власти и о выработке реальных механизмов сменяемости, который к концу второго десятилетия нынешнего века вновь приобрел в нашей стране исключительную политическую и общественную актуальность. Не случайно поэтому до середины восьмидесятых годов данная тема была по существу свернута. И только в период гласности и перестройки эта тема не только заняла свое место в отечественной литературе, но и по существу выдвинулась в первые ее ряды. Исследованием по истории советского ГУЛАГа стал труд А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Стали широко издаваться воспоминания разных авторов, побывавших в советских лагерях при Сталине и после него.

Появление поэтому новой книги Д.Н. Альшица «Хорошо посидели!», в которой он собрал свои более ранние издания по этой теме и записи воспоминаний, пополнило отечественную литературу по этой теме. Но, при том, что тема была уже для отечественного чи-

тателя не новой, книга была замечена и получила признание читателя, о чем свидетельствуют читательские отзывы на сайте книги. Высокую оценку она получила и со стороны критики. Эльвина Мороз, рецензию которой опубликовал журнал «Знамя», подчеркивает, что в книге через авторский текст вскрываются характерные черты личности и психологии автора книги, в прошлом заключенного Д.Н. Альшица. Оценивая поведение Альшица на следствии, Э. Мороз отмечала, что, судя по воспоминаниям, он вел себя «дерзко, бесстрашно, с величайшим достоинством и ... чувством юмора, порой граничащим с наглостью», и определяла такое поведение как «смех против страха»¹.

Но, между тем, наблюдательность Альшица и понимание им обстановки в стране позволило ему даже в крошечной тьме сталинской опричнины выделить в период своего ареста и следствия среди офицеров госбезопасности несколько разных типов людей. Одним из них был майор Яшок, который арестовывал Альшица, явно необычный для системы офицер. Альшиц поминал его добрым словом. Во-первых, за совет, который он дал ему и который касался поведения на следствии: «не острите. Вот это уж точно не поймут. А если поймут, то не в вашу пользу». Во-вторых, что дал возможность написать сразу после ареста, вопреки, по существу, инструкции, записку жене, Ариадне Семеновне, чтобы она получила в Публичной библиотеке его зарплату. Еще более благодарен он был майору, что во время проводившегося у него обыска он скрыл обнаруженный им тот самый финский нож, который ему подарил на фронте боец, и сказал потихоньку жене: «Сегодня же в Фонтанку». В случае находки при обыске холодного оружия при обвинении по 58-й статье срок мог быть увеличен. И, наконец, он привел слова о майоре жены своего соавтора и друга Л.Л. Ракова, Марины Сергеевны Фонтон, которая говорила, что при ее аресте Яшок «запомнился ей явно сочувственным отношением»², совершенно не характерным для офицера органов госбезопасности.

Другой тип офицера госбезопасности представлял упоминавшийся уже капитан Трофимов, который непосредственно вел след-

¹ Мороз Э. Указ. соч. С. 220.

² Альшиц Д.Н. Хорошо посидели! С. 29–31.

ствии. Как характеризовал его Альшиц, это был человек не злой, имевший «лицо полуинтеллигентного служащего», и даже в форме «вполне гражданский». Он понял в ходе следствия, что такой следователь по крайней мере не будет бить его, как это бывало в ходе следствия. Но в то же время он – «педант», который «будет цепляться за все, что можно и за что нельзя», чтобы обязательно добиться осуждения. Во всяком случае, в ходе следствия он не задумываясь отправил Альшица на двадцать часов в холодный карцер при тюрьме. А так – вполне обычные приемы работы сталинских следователей с заключенными: «Ругань, удары кулаком по столу, карцер, запугивания, крючкотворство, ночные допросы, лишавшие сна, всякого рода “психические атаки” вроде прямых угроз и намеков на расправу с семьей»¹. И когда дело Альшица шло к провалу, Трофимов, «будучи верным своему начальству служакой», «делал все, чтобы спасти эту «липу», состряпанную оперативниками, о полного провала». Но при этом, писал Альшиц, он сам «отлично понимал лживость и фальшивость возведенных на меня обвинений»².

Тип ярко выраженного негодяя-следователя, представленный Альшицем – подполковник Соколов. Он умело носил маску интеллигентности, никогда не кричал и не угрожал, и «убеждал» подследственных в том, что они отъявленные враги с помощью изысканных силлогизмов». По словам Альшица, «его амплуа было – мягко стелить», но заключенные, прошедшие следствие при его участии, «вспоминали о нем с ненавистью и содроганием»³. И, наконец, «ветеран» карательной системы, майор Горшков, с тоской вспоминая прошлое. «В тридцать седьмом всех бы этих ученых диверсантов и их подручных в издательствах разом бы порешили», – рассуждал он по поводу диссертации Альшица и совета, в котором она защищалась. А вот ныне – «Развели тут, понимаешь, законность». И когда в кабинете Трофимова у Альшица произошло столкновение с майором, Альшиц заявил ему: «жаль ... что вас не выгнали в тридцать девятом году из органов, не исключили из партии и не расстреляли вместе с Ежовым и прочими палачами». Майор уже собирался бро-

¹ Там же. С. 72.

² Там же. С. 108–109.

³ Там же. С. 109.

ситься с кулаками на Альшица, но Альшиц, человек крепкий, схватил стул для защиты. И только Трофимов предотвратил столкновение, которое для подследственного могло кончиться очень плохо. Как позже размышлял Альшиц, анализируя эпизод, Трофимов явно недолголюбивал Горшкова и хотел использовать эпизод против него – «то ли по партийной линии, то ли помочь выпроваживанию его на пенсию»¹. Но это, в общем, имеет значение для характеристики внутренней кухни и нравов карательной структуры. Это было время, когда на смену палачам, ветеранам тридцать седьмого года, шло новое поколение, уже безыдейных приспособленцев и карьеристов в погонах офицеров госбезопасности.

Но, как справедливо заметила Э. Мороз, в повествовании Альшица заметен «иронический» взгляд² на события и явления лагерной жизни, причем присутствует он при описании жизни и обстановки лагеря на станции Ерцево³ Северной железной дороги в значительно большей степени, чем при описании следствия и этапа. Это не случайно и совпадает с мнением многих заключенных, переживших тюрьму и лагеря сталинского времени, даже в более страшные времена конца тридцатых годов⁴. Поэтому при описании лагеря у него присутствует немало комических моментов, а склонность его и вкус к литературным комичным ситуациям проявился в них вполне. Он находил при описании этих ситуаций хороших людей в том числе и среди должностных лиц лагерной системы. Особенно заметна подобная ситуация в повествовании «Русский характер», названном Альшицем по аналогии с известным рассказом времени завершения Великой Отечественной войны, который написал А.Н. Толстой. Альшиц при этом как литературовед подчеркивал, что рассказ известного и хорошего писателя крайне неудачен, ситуация с вернувшимся с фронта танкистом с обожженным лицом совершенно надуманная, и ничего специфически русского в ней нет. С такой оценкой

¹ Альшиц Д.Н. Хорошо посидели! С. 95.

² Мороз Э. Указ. соч. С. 221.

³ Абсолютно чуждый всякой мистике, Альшиц обратил внимание на сходство названий: Ярцево на Енисее, где в ссылке был его отец, и Ерцево в Архангельской области, где он оказался в лагере. См.: Альшиц Д.Н. Хорошо посидели! С. 119, 167.

⁴ Особенно заметно это: Гинзбург Л. Крутой маршрут.

рассказа как неудачного и конъюнктурного произведения можно согласиться. Другое дело – ситуация в лагере, описанная Альшицем. Что касается русского характера, то носителем его выступал старшина Степаков, местный житель, служивший в системе МВД, который ведал пожарной охраной и был, таким образом, прямым начальником Альшица. В жаркие летние дни он вместе с Альшицем в сговоре с некоторыми из заключенных организовали тайную доставку в лагерь пива, которое было разлито по пожарным емкостям. Деньги на пиво из своих заработков дали сами заключенные. Как писал Альшиц, Степаков при этом немало рисковал. В случае, если бы его кто-то выдал, он был бы серьезно наказан как служащий системы, вступивший в сговор с заключенными. И, конечно же, такое грубейшее нарушение лагерного порядка раскрывалось при пожаре, когда оказывалось, что пожарные емкости заполнены вовсе не водой. Но все обошлось благополучно. По мнению Альшица, доброе отношение старшины Степакова к заключенному, умение видеть в нем человека, в значительно большей степени соответствовало понятию «русский характер», чем надуманная и потому фальшивая ситуация из рассказа А.Н. Толстого, который «заставляли» в свое время «проходить» школьников на уроках литературы. Или еще один забавный эпизод из повествования «Голый индеец, или театр одного актера». В нем семнадцатилетний парень Васька Калинин, сидевший за воровство или за хулиганство, был склонен к всякого рода шутовским затеям. Однажды он разделся догола, намазался разными красками, и забрался на крышу одного из строений, хорошо видного из окон проходивших рядом по железной дороге на Архангельск, Воркуту и в обратном направлении скорых и пассажирских поездов. Взяв пожарный топорик, он стал танцевать на крыше, и оказался совсем, как писал Альшиц, похож на индейца из романов Фенимора Купера, только без набедренной повязки. Но слова он громко выкрикивал при этом, конечно же, русские, в том числе направленные против всякого начальства, включая самого «Усатого». Несколько поездов, машинисты которых видели необычное зрелище, замедлили ход и дали гудки. Ваську надзиратели сняли с крыши, по приказу начальника лагеря он был отправлен в БУР – барак усиленного режима. Но никаких иных взысканий он при этом не получил. Размышляя над

этой ситуацией, Альшиц предполагал, что Ваське, которому его выходы легко сходили с рук, был «ценным для лагерного опера стукачом». Но признавал, что для «театрального героя» «нужны были еще и определенные способности и склонности»¹, проявление которых он видел в выходах Васьки.

Совершенно очевидно, что вовсе не комические моменты определяли лагерную жизнь и быт лагеря. Это – общий вербальный фон обращений конвоиров с заключенными, в том числе выражения, ставшие широко известными, типа: «вологодский конвой шуток не понимает», «шаг влево, шаг вправо считается за побег». Последнее Альшиц использовал в комической ситуации, когда в комедии «Опаснее врага» слесарь-водопроводчик и пьяница Константинов, который как можно предполагать, сам когда-то был заключенным, вел двух незадачливых диссертантов Чаркина и Чуркина. Очень тяжелым был описанный Альшицем четырехмесячный труд на лесоповале, откуда он был переведен в пожарные после выхода в свет его публикации в «Историческом архиве» со списком опричников. Кстати, в связи с лесоповалом Альшиц сообщал, что из газеты «Правда» в 1951 г. заключенные узнали о кампании в Англии «за прекращение закупок советского леса, поскольку он добыт каторжным трудом заключенных». Газета «Правда» дала «гневную отповедь» западным «клеветникам на советский строй». Конечно же, писал он, в СССР многие поверили сообщению «Правды». Но заключенные очень хорошо знали, что вранье на самом деле исходило не от западных империалистов (по-нынешнему – русофобов), а от отечественного средства массовой информации² (разве не вполне знакомая в наши дни ситуация – насчет того, кто врёт – «патриоты» или те, кого называют «русофобами»?).

Еще одна сложная ситуация наступила в лагере после того, как в лагпункт перевели несколько десятков бендеровцев, причем у некоторых из них были двадцатипятилетние сроки. Как писал Альшиц, среди них попадались вполне случайные люди, но были и настоящие и жестокие убийцы, сжигавшие иногда целые деревни и расправлявшиеся с особой злобой с пленными советскими офицерами. Один

¹ Альшиц Д.Н. Хорошо посидели! С. 239.

² Там же. С. 212–213.

из эпизодов лагерной жизни, связанных с бендеровцами, по рассказу Альшица, произошел вскоре после начавшейся кампании по «разоблачению» «врачей-вредителей». Несколько верующих евреев, которые были в этом лагере, имели все основания для опасения за свою жизнь, и в один из вечеров собрались, чтобы вместе встретить смерть. К ним в самом деле пришло несколько вооруженных ножами бендеровцев со своим главарем. Как писал Альшиц, главарь будто бы обратился к евреям: «Граждане евреи! Среди вас тут разнесся слух, будто бендеровцы собираются из-за сегодняшнего сообщения вас резать. Так вот. Если бы сообщение, что евреи готовились отравить советских вождей, а кое-кого уже и прикончили, было правдой, то с этого дня началась бы вечная дружба между еврейским и украинским народом. Но так как евреи на это не способны и это все – очередная липа МГБ, все остается по-прежнему»¹, после чего бендеровцы ушли. Разумеется, едва ли в самом деле была произнесена эта столь четко и логично построенная речь, с элементами ораторского искусства. Но, по-видимому, общий смысл сказанного бендеровцем она выражала точно. Одна из ситуаций с бендеровцами, относилась к нему самому. Бендеровцы обратились к нему потому, что до них дошел слух, что он – «людина шибко грамотная» и «какой-то научный кандидат». Как сказали они Альшицу, им было «дуже треба» «научиться английской мове», поскольку, как рассуждали бендеровцы, «незалежность Украине» помогут приобрести американцы. Когда Альшиц объяснил им, что он знает немецкий язык, но не английский, они огорчились. Но тогда он посоветовал им почитать книгу В.Г. Короленко «Без языка», в которой рассказывалось, как два украинца, переехавшие в Америку, с трудом осваивали английский язык. После этого, как писал Даниил Натанович, книгу они взяли в лагерной библиотеке, хотя она и была на русском языке².

Как «простой советский заключенный» начала пятидесятых годов, Д.Н. Альшиц хорошо знал о так называемой войне между заключенными-ворами и заключенными-суками. Первые сохраняли воровские традиции и не считали для себя возможным участвовать в каких-либо лагерных работах. Несколько позже воровской закон

¹ Там же. С. 244.

² Там же. С. 246.

был несколько смягчен, и воры могли работать в лагерных работах, кроме режимных работ, связанных с натягиванием колючей проволоки или распахиванием запретной зоны – четырехметровой полосы вдоль колючей проволоки, куда заключенным заступать было нельзя, охранник с вышки мог открывать по ним огонь. Вторые были бывшими ворами и пошли на соглашение с лагерной администрацией ради поучения определенных льгот, отошли от воровских традиций и участвовали в лагерных работах. За отказ от воровских традиций воры стали называть их суками. В конце сороковых – начале пятидесятых годов лагерная жизнь в СССР была отмечена кровавыми войнами между ними. Если в лагере господствовали воры, то сук они просто убивали, и наоборот. Об эпизоде этой войны, который произошел у них в Каргопольлаге, он рассказал весьма подробно в повествовании «Воровской суд». Сам Альшиц в этом лагере не был, но рассказывал о событии со слов очевидцев. Начиналось с того, что прибывший из Харькова эшелон с заключенными-ворами никто из начальников принимать не хотел. На лесоповале они все равно не будут работать, а с начальников требовали план и кубометры леса. Их по ошибке направили в «сучий» лагерь, или в «сучью республику», хотя обычно начальство ГУЛАГа стремилось не сводить воров и сук в одном лагере. Альшиц рассказывал, как под предводительством бывшего офицера Красной Армии, заключенного-вора, воры провели операцию по захвату власти в лагере, выдав себя за сук. После захвата власти «воровской суд» стал судить главных из сук. Четверым сучьим главарям отрубили головы под громкую музыку. Тем же из сук, которые «раскаивались», сохраняли жизнь, но калечили правую руку. «К великому счастью, я сам этого не видел», – писал Альшиц. Но свидетельские «рассказы потрясали», настолько, что на эту тему Альшицем была сочинена «полубыль» в стихах «Воровской суд»¹.

Для заключенных, как и для всего советского народа, важнейшим событием стала смерть Сталина. Как писал Альшиц в повествовании «Смерть Сталина. Прелюдия», «Сталина в лагере не любили все». По его словам, «блатные» называли его «Усатый». Он был, «по их убеждению, виновник суровости наказаний, которым их подвер-

---

¹ Альшиц Д.Н. Хорошо посидели! С. 267–270.

гали за их воровские дела». Не любили вождя все политические, но по-разному. Ненавидели его старые большевики, сидевшие по много лет. Они считали его «губителем их великого дела, их великих идей, организатором “термидорианского” контрреволюционного переворота в политике советского государства, предателем международного пролетарского движения, кровавым палачом, уничтожившим и продолжающим уничтожать подлинных героев революции и гражданской войны». То же самое отношение было у более молодого поколения коммунистов, недавних репрессированных партийных работников, которые «еще вчера входили в “номенклатуру”, являлись теми самыми кадрами, которые “решают все”, а иногда и всех». Сталин как раз при опоре на них «развертел ... колесо репрессий против своих бывших товарищей». «Чувство величайшей обиды», писал Альшиц, было на вождя у «попавших в плен красноармейцев», которых «объявили изменниками Родины». Среди них бывали действительные герои войны, в том числе организаторы «смелых побегов из фашистских концлагерей», организаторы «движения сопротивления», а некоторые из них воевали после плена в рядах Красной Армии и дошли до Берлина, имели награды. Они получали от пятнадцати до двадцати пяти лет. Например, писал Альшиц, герой летчик Девятаев, угнавший фашистский самолет, получил двадцать пять лет. Но большинство политических сидело по статье 58-10 – за «так называемую антисоветскую агитацию». По этому делу проходил и сам Альшиц. Дела эти были, писал он, настолько грубо сфальсифицированы, что большинство «болтунов» осуждались «особым совещанием», то есть «даже достаточно дисциплинированный советский суд, отказывался принимать большую часть этих абсолютно липовых дел»¹. Альшиц писал, что художник из числа заключенных Володя Сазонов сделал по заданию начальства копию известной картины «Утро нашей Родины». Сталин изображался в ней на фоне восхода солнца над широким русским полем. Руки вождя художник сделал не нежно-розовыми, как на картине, а кроваво-красными. Начальство этого будто бы не заметило, а заключенные хорошо поняли замысел художника²: образ второго пла-

¹ Там же. С. 280.

² Там же. С. 281.

на – образ кровавого палача. Не случайно поэтому в лагере очень обрадовались, когда «по радио из Москвы извещение толкали» о болезни Сталина, а заключенный, слышавший это, радостно кричал: «Усатый поддыхает! Слышь, братва!? Поддыхает Усатый!»¹ Радовались не зря. Обстановка, писал Альшиц, изменилась, «явно подобрели» даже начальники, «кто знал за собой грех жестокого обращения с «врагами народа», стали заводить «покаянные разговоры», ссылаться на «приказы сверху»...

Тем не менее, освобождение, причем по реабилитации как наилучшему ее варианту, пришло только в январе 1953 г. Заклучает Альшиц свои воспоминания восстановлением по закону о реабилитированных на прежнем месте работы – в Публичной библиотеке.

Несколько странным выглядит название книги воспоминаний – «Хорошо посидели!» По-видимому, в нем не только выразилось чувство юмора, присущее ее автору. Не в меньшей степени в нем – скрытая полемика с почитателями Сталина и сталинской системы наших дней, для которых со словом «хорошо», несущим в себе значительный позитивный заряд, соотносится имя и деяния Сталина. Соединение слова «хорошо» со словом «посидели» работает на развенчание в сознании читателя образа вождя-тирана. Как и содержание книги в целом.

---

¹ Альшиц Д.Н. Хорошо посидели! С. 282.

Глава 4

Д.Н. АЛЬШИЦ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ТЕАТРЕ

4.1. Первый опыт литературного анализа Д.Н. Альшица

Даже в период пребывания в рядах Красной Армии, находясь на Ленинградском фронте, Д.Н. Альшиц размышлял о русской литературе и о нашедших в ней отражение проблемах русского общества. В 1944 г., будучи в Ленинграде на побывке, он написал небольшой очерк, посвященный А.П. Чехову, и это был первый опыт его литературного анализа. Рукопись долгое время не публиковалась и хранилась в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, по месту работы Альшица, или в нынешней Российской национальной библиотеке. И только в 2008 г. петербургский журнал «Северная аврора» напечатал эту рукопись как свидетельство «яркой духовной жизни пережившего блокаду города-фронта». И, кроме того, можно добавить, духовных исканий молодого советского офицера Д.Н. Альшица.

Статья содержит меткие наблюдения автора за эпохой и ее людьми, представленными в образах чеховских героев. В центре внимания Альшица оказались герои, относящиеся к интеллигенции и переживавшие «годы темные, глухие» контрреформ при Александре III и в последующий период, когда «совиные крыла» обер-прокурора Синода Победоносцева нависали над русским обществом. Такое внимание к интеллигенции было у Альшица не случайно. Это было то самое сообщество, к которому он принадлежал, среди которого находился по существу в течение всей своей короткой еще к тому времени жизни. У самого же А.П. Чехова к ней принадлежит множество его героев. Кроме того, интеллигенция является таким слоем населения, который оказывает в той или иной степени свое воздействие на духовную и интеллектуальную жизнь общества. И, как осознавал вполне сам Альшиц, она не могла уложиться в распространенное в советском обществоведении трафаретное положение о социальной

прослойке, занимающей свое место среди общественных классов в социальной структуре общества.

Как заметил Альшиц, наиболее характерной чертой чеховских героев из числа интеллигенции являлся страх, охвативший их в восьмидесятые годы, когда контрреформы стали реакцией власти на развертывание общественного движения под влиянием буржуазных реформ, на народнический терроризм. «Запуганные, разочарованные в успехе борьбы с произволом царизма, интеллигенты пытались спрятаться от борьбы и опасностей в скорлупе личного счастья, в темноте мистики, а от собственной совести – в суеде “малых дел” или за ширмой толстовского непротивленчества»¹, – так выделял он наиболее характерную черту русской интеллигенции того времени. Сам Чехов, как подчеркивал Альшиц, вопреки мнению некоторых критиков, нисколько не отождествлял себя с такими героями. Но в его рассказах некоторые из них – «хорошие люди», и «описаны так, что их становится жаль»². Великий русский писатель, по мнению Альшица, напротив, «зло, жестоко, с нескрываемым возмущением описывает лицемерие, трусость, лживость, равнодушие и другие черты, характерные для многих интеллигентов того времени». На некоторые наиболее яркие чеховские образы он обратил особое внимание. Так, Ивана Дмитриевича, героя «Палаты № 6», «страх довел до сумасшедшего дома». В рассказе «Крыжовник» его герой Чимша-Гималайский «показан Чеховым в обстановке всеобщего свиноподобия». Особо заинтересовала Альшица психологическая ситуация, описанная Чеховым в рассказе «Человек в футляре», где перед героем, учителем греческого языка Беликовым, «целый город жил в вечном страхе и оцепенении», причем сам Беликов не менее боялся, «как бы чего не вышло»³. Подобная интерпретация известного рассказа Чехова была Альшицу вполне понятна. Что такое охватывавший общество страх, он видел очень хорошо сам на примере довоенного еще советского общества, и тем более, как сын сосланного по политическим основаниям.

¹ Аль Д. Русская интеллигенция в изображении А.П. Чехова // Северная Аврора. 2008. № 7. С. 98.

² Там же. С. 98–99.

³ Там же. С. 99.

Но Чехов так же, как подчеркивал Альшиц, не принимал популярных в интеллигентных кругах вариантов жизненного устройства в сложившейся в эти мрачные годы обстановке. К ним относились такие, как уход в «мирок» семейного счастья», толстовство с идеей непротивления злу насилием и теория «малых дел». «Упаднических» настроений и жизненного пессимизма, на который указывали некоторые критики, Альшиц в Чехове не видел. Напротив, он обращал особое внимание, что все современники, хорошо знавшие Чехова, подчеркивали его «постоянную веселость, жизнерадостность, любовь к шуткам и веселью»¹, и заявлял, что Чехов был оптимистом, ссылаясь на высказывание К.С. Станиславского.

В отличие от интеллигентного общества, которое великий писатель хорошо знал, он, как указывал Альшиц, ясно видел свою жизненную цель и имел свой идеал. Он привел цитату из письма Чехова Плещееву от 4 октября 1888 г., где было четко написано: «Мое святая святых – это человеческое тело, здоровье и талант, и вдохновенье, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние не выражались». Данный отрывок из письма примечательно тем, что в нем Чехов раскрывал свой идеал, напрямую относящийся к своей профессией врача, а также в связи со своей литературной деятельностью, и в качестве особой своей жизненной ценности он ставил свою свободу. Альшиц при этом правильно подчеркивал, что Чехов, конечно же, не был революционером. Но и при этом «его творчество сыграло огромную революционизирующую роль, обнажало ужасы российской действительности». В А.П. Чехове молодой историк и советский офицер Даниил Альшиц видел не только «великого писателя», но и «великого русского интеллигента». Статья, по-видимому, появилась не случайно. Она открывало не только авторский взгляд на А.П. Чехова. В ней по существу Альшиц заявлял не только о чеховских, но и о своих жизненных идеалах. Это составило второй смысл всего его текста, в котором было заложено расхождение с официальной идеологией, с взглядами на место в обществе интеллигента и революционера. По существу, Альшиц проводил мысль о том, что вести борьбу за свободу в несвободном обществе можно было и вне связи с революционным движением.

¹ Там же. С.101.

И в этом отношении Антон Павлович Чехов оказал свое влияние на формирование личности и характера молодого в то время Альшица. Своими чувствами и мыслями, обращенными к Чехову, Альшиц хотел поделиться с читателями. Но этот его первый литературоведческий опыт так и не был опубликован. И только на склоне лет Д.Н. Альшиц увидел публикацию этой статьи.

Насколько справедливо можно говорить на основании данной небольшой статьи о влиянии А.П. Чехова на Д.Н. Альшица? Последующие события из жизни Альшица дают для этого основания. Это проявилось в поведении его в конкретных жизненных ситуациях, в деятельности его как историка и писателя. В послевоенное время, во всяком случае, когда составной частью государственной идеологии, обращенной в прошлое, становился навязываемый обществу культ Ивана Грозного, Альшиц как исследователь этой эпохи не присоединился к славословиям в адрес царя-тирана. Даже в своей кандидатской диссертации, доказывая, что автором приписок к Лицевому летописному своду является Иван Грозный, он ни разу не сослался на Сталина¹. Смелость и свободолюбие его проявилось в период кампании по борьбе с генетикой. Об этом свидетельствует его шуточное и вполне издевательское по отношению к всемогущему академику Лысенко стихотворение². Очень точно оценила такое его поведение Э. Мороз в рецензии на книгу «Хорошо посидели!» – «понимает, что лезет на рожон»³. Но иначе он и не мог. И когда нередко говорят, что режим на излете своего существования просто опасался фронтовиков, то поведение Альшица и его судьба доказывают, что для этого имелись основания. Слишком свободной личностью проявил он себя в конце сороковых годов. А время это было еще более мрачное, чем эпоха контрреформ при Александре III и Победоносцева, и оказался он в архангельском лагере не случайно, и из этого заключения освободила его только смерть советского тирана. Как свободная личность проявил он себя в совместном с Л.Л. Раковым произведении – комедии «Опаснее врага», в которой

¹ Альшиц Д.Н. Хорошо посидели! С. 14.

² Там же. С. 17.

³ Мороз Э. Валерий Фрид. 58 ½, или Записки лагерного придурка; Даниил Аль. Хорошо посидели! // Знамя. 2012, № 3. С. 219.

власти усматривали опасность подачи хорошо узнаваемых реалий советской системы в рамках комического сюжета и в комических образах. И также свободно отстаивал он свою точку зрения в ходе обсуждения книги А.А. Зиминой «Слово о полку Игореве», хотя в данном случае он оказался ближе к гонителям, чем к гонимому автору этой книги. Во всяком случае, для понимания личности и психологии Д.Н. Альшица эта небольшая статья, написанная им на фронте, на заре его творческой деятельности, дает, как представляется, очень многое.

4.2. Д.Н. Альшиц о Н.В. Гоголе

Нет ничего удивительного в том, что Д.Н. Альшиц с его развитым литературным вкусом, с его склонностью к мягкому доброму юмору и одновременно к жесткой сатире, с его огромной любовью к русской классической литературе, обратил особое внимание на творчество Н.В. Гоголя. Как великий писатель, основоположник наряду с А.С. Пушкиным и В.Г. Белинским русской классической литературы, Н.В. Гоголь был постоянно в центре внимания исследователей, литературоведов и историков. Вместе с тем творчество Альшица как сатирика-драматурга, а также размышления над событиями за два последних десятилетия его жизни, приходившихся на постсоветский период, давали ему основание поставить вопрос об осмыслении творчества Гоголя и созданного им образно-сюжетного ряда в свете тех событий, явлений и процессов, которые переживала современная Россия.

В 2010 г. ему удалось издать книгу под характерным названием «Гоголь – наш современник», в которую он включил свои относящиеся к великому русскому писателю статьи и произведения, написанные в разное время, в том числе за последние годы. Эти статьи затрагивают тему, относящуюся к сатире в его произведениях, о переоценке им своего творчества в книге «Выбранные места из переписки с друзьями» и о втором томе «Мертвых душ». И, конечно же, особое внимание Альшиц как историк уделял вопросу о месте истории в творчестве Гоголя и вопросу о возможности признания его в качестве не только великого художника, но и историка. Вторую часть книги составили более ранние публикации, общая идея

которых также связана с темой Н.В. Гоголя и относится к значению гоголевских уроков и гоголевской сатиры для современной отечественной литературы, для понимания положения, в котором оказалась российское общество на рубеже XIX–XX вв.

Как подчеркивал Альшиц в главе «Гоголь про нас сегодняшних», которая открывает первую часть книги, в наши дни очень заметны стали жизненные ситуации, о которых еще писал в свое время великий писатель. Он приводил гоголевские слова о том, что более всего теперь «имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба», что и теперь, как и во времена Гоголя, способно обеспечить жизненный успех. Еще на одно, крайне злободневное высказывание Гоголя он обратил внимание: «Неправосудие, величайшее в свете несчастье, более всего разрывало мое сердце!»¹ И в самом деле, состояние суда уже при Альшице составляло столь острую общественную, а по существу и политическую проблему, что создавало важнейшее препятствие для всякого развития. И можно было сколько угодно с самых высоких трибун заявлять с надрывом в голосе, что нам «необходим такой прорыв...», но без реально независимого от администрации суда данное заявление вызывает в обществе совершенно очевидное и естественное недоверие. Еще одну очень глубокую гоголевскую характеристику состояния общества Альшиц считал возможным использовать и для нашего времени: По его словам, «сегодня нам то и дело попадает на глаза “улыбка <...> и выражение набожности на роже взяточника”»². Наблюдение совершенно точное. И если во времена Гоголя маска религиозности и набожности способна была прикрывать темные дела, то в наши дни, в условиях самого активного проникновения религии и церкви в общественную жизнь, подобные явления вновь получают распространение. Еще одно наблюдение Гоголя над нравами своего времени также в полной мере проявляется в нашей действительности. Масса, по словам Гоголя, «так называемых патриотов» «спокойно сидят себе по углам и накапливают капиталы, устраивая судьбу свою насчет других». Однако, продолжал Гоголь, «как только случится что-нибудь, по мнению их, оскорбительное для отечества, появится какая-ни-

¹ Аль Д. Гоголь – наш современник. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 7.

² Там же. С. 8.

будь книга, в которой скажется иногда горькая правда, они выбегают из всех углов, как пауки, завидевшие муху». Сказать точнее просто невозможно. В условиях, когда патриотизм призван единственной идеологией, что, между прочим, отражает нынешнюю идеологическую нищету и пустоту нашего политического официоза, появляется масса носителей патриотической идеи, готовых проводить сеансы «патриотического воспитания» в обществе. Но при этом реальные их действия, их жизненные ориентации бывают бесконечно далеки от идеалов, которые они с пафосом внушают людям. Народу это в целом известно, поэтому такие носители в массы патриотической идеи ничего кроме недоверия не вызывают, и это усиливает состояние у нас расколотого общества, о котором за последнее время писал А.С. Ахиезер и которое по существу является многовековым и очень приметным признаком России и российского социума.

Но если Н.В. Гоголь, великий писатель и наблюдатель за жизнью, мог с точностью указать признаки общественного состояния, с его морально-нравственным нездоровьем, то едва ли это значит, что он осознавал реальные пути выхода из такого состояния. И, пожалуй, то же самое можно сказать и таком глубоком знатоке истории и наблюдателе советского и российского общества за целый ряд десятилетий, как Д.Н. Альшиц. Так, Альшиц безусловно верно отметил появление в девяностых годах такого общественного типа, как один из наиболее знаменитых гоголевских героев, Чичиков. «Можно подумать, что Павел Иванович Чичиков собственной персоной гулял по Невскому проспекту в недавние 90-е годы нашего времени», – отмечал он. И не только, конечно же, по Невскому, но и по большим улицам и проспектам других крупных российских городов. Создав сильнейший образ Чичикова как хищника и приобретателя, Гоголь, как писал Альшиц, призывал: «гоните эту гадкую, скверную роскошь, эту язву России, источницу взяток, несправедливостей и мерзостей, какие у нас есть»¹. И, по-видимому, допускал путаницу тем самым причины со следствием. Все-таки дело не в самой роскоши, но в психологии людей, индивида и общества, и, как самое главное, в состоянии общественных отношений. Также, вполне возмож-

---

¹ Там же. С. 9.

но, Альшиц допускал не вполне точное объяснение причин такого состояния современного российского общества. По его словам, «Чичиков – классический пример рыночных отношений»¹. Никакого сомнения это, конечно же, не вызывает. Но все-таки не сами по себе рыночные отношения вызвали проблемы, переживавшиеся новейшей Россией на рубеже столетий, благодаря которым воскрес Павел Иванович Чичиков как социальный тип. Дело не в рыночных отношениях. Пример целого ряда стран показал, что только на базе этих отношений можно выстраивать современное успешно развивающееся общество. Альтернативой рыночным отношениям могло быть только то, что строилось на базе самодержавия, виднейшим теоретиком которого, как совершенно справедливо отмечал сам Альшиц, был главный герой его исторических исследований – Иван Грозный, а виднейшим отечественным практиком в новейшей отечественной истории – товарищ Сталин, отношение к которому Альшица по понятным причинам было крайне негативным. Иных, помимо становления рыночных отношений в постсоветской России, причин негативных явлений Альшиц не указывал. Но, по-видимому, в рамках данной главы со своей строго заданной темой современного звучания Гоголя он мог не делать этого. Что же касается непосредственно темы главы, то Д.Н. Альшиц раскрыл ее вполне и показал, насколько актуален Гоголь и его герои для нашей нынешней действительности.

Для Д.Н. Альшица история и современность, прошлое и настоящее, имели самую глубокую и неразрывную связь. Распространяющуюся на рубеже веков в отечественной исторической мысли идею «истории как казуса», вне анализа причинно-следственных связей, как крайней образец постмодернистской фрагментации реальности прошлого и настоящего, он не признавал. Не случайно поэтому после главы о месте Гоголя в современном российском обществе он поставил вопрос о нем как об историке, и этой теме посвящена вторая глава «Гоголь–историк». Самой формулировке темы главы он придал острое и проблемное звучание. Он при этом решительно не соглашался с известным исследователем жизни и творчества Н.В. Гоголя И.П. Золотусским, не принимавшим взгляд на великого

---

¹ Аль Д. Гоголь – наш современник. С. 8.

писателя как на историка, который даже «постоянные занятия Гоголя историей» называл «самозванством». Как подчеркивал Альшиц, «такое суждение о Гоголе» «несправедливо».

Разъясняя корни такой несправедливости, Альшиц указывал на искусственное разъединение в системе гуманитарного образования исторической и филологической части. Произошло, как писал он, то, что «историков-педагогов и будущих ученых стали выпускать из гуманитарных вузов недопрофессионалами в литературе и в языкознании». Точно также «филологов с высшим образованием – учителей литературы в школах и научных работников – стали выпускать из своих вузов недопрофессионалами в области истории»¹. На такую жесткую характеристику он имел полное право, если вспомнить, насколько хорошо он знал немецкий язык. Кроме того, он ясно видел, что перспективы развития гуманитарного научного знания в интеграции, что лингвистический поворот в этом знании, позволявший выявлять скрытые смыслы отдельных слов и целых текстов, активно развивался. Но вместе с тем Альшиц правильно заметил, что вообще для русской культуры «слитность, нераздельность исторического и литературного познания действительности – хорошо просматриваемая вековая традиция»². Он приводил известные примеры того, как эта традиция находила свое проявление в произведениях классиков русской литературы, в трудах русских дореволюционных историков. Можно от себя добавить к этому справедливому замечанию, что проявилась она также в лучших произведениях советской художественной литературы и в трудах отдельных советских историков.

Д.Н. Альшиц решительно отрицает распространенную точку зрения, что Н.В. Гоголь потерпел полную неудачу в своей попытке чтения лекций по русской истории в Санкт-Петербургском университете, называя ее мифом³. Он приводил высокое мнение о его лекциях учившегося в то время в университете И.И. Иваницкого. Со слов его Альшиц также приводил самую позитивную оценку гоголевской лекции присутствовавшего на ней А.С. Пушкина. Он указывал на такую же высокую оценку лекций Гоголя со стороны выдаю-

¹ Там же. С. 12.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 15.

щегося критика В.В. Стасова¹. Гоголь, подчеркивал он, хорошо знал труды историков – древних и новых, отечественных и зарубежных, и упоминал их в своих произведениях и письмах. И в своем изложении исторического материала он достиг соединения глубоко знания материала и художественного его изложения, и приводит этому ряд примеров.

Альшиц уделил внимание вопросу об исторических взглядах Гоголя на русскую историю и особо выделил две проблемы. Он подчеркивал, что великий писатель «резко осуждал распри удельных князей, приведшие к раздробленности Руси»². К реформам же Петра I Гоголь «относился с исключительным одобрением». В этом Альшиц видел следы «прямого влияния на Гоголя пушкинских слов, посвященных великим преобразованиям Петра». Он указывал, что, согласно Гоголю, совершенный Петром I «переворот» в русской жизни «был радостно принят всем народом», и приводит слова великого писателя, что народ будто бы в ходе и в результате реформ испытывал «восторг от пробуждения»³. Альшиц по этому поводу комментариев не дает. Между тем, такой комментарий был бы желателен, учитывая, что отношение народа к петровским реформам было значительно более сложным, о чем свидетельствует распространение в широких слоях населения теории царя-антихриста или взглядов на Петра I как на ненастоящего, подмененного царя. Известно, что по этому поводу велось немало следственных дел в Преображенском приказе и в Тайной канцелярии. И также известно то, что отношение к Петру I со стороны А.С. Пушкина было также непростым и, во всяком случае, далеким от восторженного, поскольку в пушкинском образе Петра Великого имело место соединение великого преобразователя России и «нетерпеливого и самовластного помещика», указы которого «жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом»⁴.

Справедливо отмечал Альшиц то, что Гоголь хорошо видел самые резкие классовые различия в России. Он соединял понимание

¹ Аль Д. Гоголь – наш современник. С. 16.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 18.

⁴ Пушкин А.С. История Петра I. Подготовительный текст // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10-ти т. М., 1977. Т. 8. С. 303.

этих различий с тем, что, как он высказывался в письме М.П. Погодину по поводу его драмы «Петр I»: «Чем знатнее, чем выше класс, тем он глупее. Это вечная истина». Исходя из этого рассуждения, он просил Погодина: «прибавьте боярам глупой физиогномии», имея в виду бояр – героев драмы. Рассуждение, несомненно, навеяно наблюдением за прошлым и настоящим и вызывает интерес, если не доводить его до крайностей, которые могут сдвинуть перспективу в понимании общественных отношений и все дело свести к глупости. Гоголь, как писал Альшиц, хорошо понимал, что крестьянство было в России «угнетенным классом», а Пугачев, которого он считал по-настоящему главным героем пушкинской «Капитанской дочки», вызывал его «особое восхищение»¹. Альшиц отметил еще одно созвучие между Гоголем и Пушкиным при характеристике положения крестьян и социальной несправедливости. И если у Пушкина это выражалось в образе Дубровского, то у Гоголя – в образе капитана Копейкина, ставшего атаманом разбойников где-то «в Рязанских лесах». В данном случае урок Гоголя для современных историков и политологов, которых упоминал Альшиц, состоял, по его мнению, в том, что невозможно «абстрагироваться, например, от того, что в России более двух веков существовало крепостное право», от «деления общества на классы», «якобы выдуманное Марксом и Энгельсом»², – добавлял он. Подметил такую тенденцию в развитии социально-гуманитарных наук в России Альшиц совершенно точно. В самом деле, очень было заметно, как тема истории социальной борьбы, массовых народных движений и революций, становилась в чем-то даже маргинальной. И только за последнее время, в связи со столетием революционных событий в России, вновь оживает интерес к подобной проблематике.

Но вместе с тем, и в этом отношении Альшиц совершенно прав, Гоголь вовсе не боролся против «государственного строя России», но добивался его улучшения путем своей борьбы против наиболее очевидных его недостатков, против «неистребимого взяточничества и бюрократизма чиновничества»³. Сказано совершенно точно. Но в

¹ Альшиц Д.Н. Гоголь – наш современник. С. 21.

² Там же. С. 19–20.

³ Там же. С. 22.

этой фразе особо привлекает одно слово Альшица – «неистребимого». Основываясь на своем жизненном опыте, на знаниях историка, Д.Н. Альшиц прекрасно видел, что ни Гоголь вместе с Салтыковым-Щедриным, ни приход к власти большевиков, ни перемены после краха коммунистического режима не смогли ликвидировать эти недостатки.

Еще один связанный с творчеством Н.В. Гоголя вопрос, который считал важным Д.Н. Альшиц, это вопрос о нем как о русском писателе. Сам Гоголь, подчеркивал он, так определял свое место в литературе, и оно не подлежит никакому сомнению. В равной степени его герои, писал Альшиц, «значительные лица», крепостные и баре, русские мужики и украинские селяне ... – все они равноправные жители гоголевских книг». Причину он видел в том, что Гоголь своим родным языком считал не только украинский, но и русский, он видел выразительную «силу» русского языка¹. Но и, конечно, он «видел родную Украину» «как “цветущую часть России”»². В этом отношении Альшиц прав, и для представлений Гоголя это и в самом деле было характерно. Едва ли, однако, правилен упрек его по отношению к украинской культуре последнего времени в стремлении перевести произведения Гоголя на украинский язык. Все-таки литературные переводы представляют собой самую обычную практику взаимоотношений между культурами, и, как представляется, появление украинского перевода произведений Н.В. Гоголя может только обогатить и украинскую, и русскую культуру. Впрочем, эти строки Альшиц писал до трагических событий 2014 г. ...

Силу Гоголя как историка Альшиц видел в наглядном выражении в его произведениях «великого принципа историзма». Так, например, в «Тарасе Бульбе» отчетливо проявлялась несомненная любовь автора к своим героям – запорожцам, и особенно к Тарасу. Но он не останавливался перед тем, чтобы описывать «неописуемые зверства своих героев в завоеванных польских городах и в еврейских селениях, не позволял себе смягчать краски»³. Такое описание соответствует в полной мере тому, что содержится в источниках, относящихся,

¹ Аль Д. Гоголь – наш современник. С. 25.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 26.

например, к войне 1648–1654 гг. под предводительством Богдана Хмельницкого.

Находиться на уровне исторической науки своего времени Гоголю помогало то, что он, как указывал Альшиц, «хорошо знал труды философов Канта и Гегеля, оказавших на него существенное влияние»¹. В данном случае более точными представляются сведения известного исследователя творчества Н.В. Гоголя и литературного критика Ю.В. Манна. В своей рецензии на книгу «Гоголь – наш современник», содержащей самую положительную ее оценку, он все-таки отметил, что «Гоголь плохо читал по-немецки». Но также при этом «сведения о немецкой философии он черпал из русских журналов, а также от таких компетентных в этом смысле своих друзей, как С. Шевырев»².

К наиболее сложным темам при анализе жизненного пути и творчества Н.В. Гоголя относится тема его внутреннего духовного и идейного кризиса, который он переживал на исходе жизненного пути. Тем не менее, Д.Н. Альшиц хорошо понимал, что пройти мимо этой темы невозможно, иначе просто нельзя будет понять в полной мере, чем являлся Гоголь для русской культуры. Но, подчеркивал Альшиц, решать эти вопросы необходимо с крайней осторожностью, и, конечно же, ни в коем случае не подходить «по отношению к прошлому в мантии судьбы», хотя, подчеркивал он, желавших именно так подходить к прошлому было достаточно много. При этом он поставил вопрос, «действительно ли прежние взгляды Гоголя претерпели изменения, и если да, то насколько эти изменения серьезны».

О том, что такая переоценка имела место, свидетельствует, по мнению Альшица, то, что Гоголем была проделана вообще «переоценка ... своих собственных произведений»³. Другим показателем этого было то, что Гоголь очень заметно «увлекся сбором доказательств добродетелей царя». «Монархию Гоголь объявляет венцом исторического развития и высшим благом для всех сословий», – указывал Альшиц. Но он обращал при этом внимание на аналогию между развитием воззрений Гоголя и великого немецкого философа Гегеля, в конце концов «объявившего монархию (в его случае – Прус-

¹ Там же. С. 18.

² Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 489.

³ Альшиц Д.Н. Гоголь – наш современник. С. 31.

скую) венцом творения», причем, указывал он, подобный взгляд на монархию «разделяют поныне многие»¹.

Исходя из этих посылок, Гоголь, как указывал Альшиц, наметил изменения к подходу к характеристике общества по сравнению с той, которая была в прежних его произведениях. Он приводил слова Гоголя, что в них он как автор «Ревизора» и «Мертвых душ» «вызвал наружу... всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь»². Но на новом этапе своего творчества он посчитал необходимым выделить в русской жизни иное. Он хотел показать «немногие исключения», обратиться к «характерам, являющим высокое достоинство человека». Альшиц проводит перед взором читателя череду героев из второго тома «Мертвых душ» – «идеального» помещика Костанжогло, «примера благочестия и доброты» винного откупщика Муразова, губернатора, решившего заняться «нравственным усовершенствованием» провинциальных чиновников путем «проповеди». И даже «бессовестный аферист Чичиков» в конечном итоге «исправляется». При всем при этом Гоголь, как подчеркивал Альшиц, «доказывает полезность и необходимость крепостного права», правда, «в своих письмах» этого времени, но не во втором томе «Мертвых душ», и впадает при этом «в крайний клерикализм».

Очень хорошо известно, что второй том «мертвых душ» был резко осужден, причем не только в знаменитом письме В.Г. Белинского, но и консерваторами. Тем не менее, и в этом произведении Альшиц находил то, что «великий ум и великий талант Гоголя-художника не только не утасли, а, напротив, решительно одолевали его человеческие слабости»³. Доказательства он видел в сатирических образах второго тома. Это – либеральный и образованный помещик Тентетников, бездеятельный и безвольный, послуживший позже для И.А. Гончарова прообразом Обломова. Это – «анекдотический западник» полковник Кошкарев, даже наряжавший своих «мужиков в “немецкие” панталоны, а баб в корсеты», и при этом «канцелярская душа», и некоторые другие герои. На этом основании Альшиц делал вывод: «“новый” Гоголь не смог одолеть Гоголя-художника»⁴.

¹ Аль Д. Гоголь – наш современник. С. 32.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 38.

⁴ Там же. С. 39.

Чтобы понять перемены, происходившие с Гоголем, Альшиц считал необходимым выявить причины такого изменения в его настроениях и в подходах к оценкам реалий русской жизни. Одну из них он связывал с тем, что «злобные нападки и резкие критические оценки сочинений Гоголя», «сопровождаемые шельмованием автора и серьезными угрозами», «больно ранили Гоголя». Вторая, по его мнению, вызывалась событиями накануне и во время революций в европейских странах 1848 г., когда «Гоголь был потрясен и напуган революционными выступлениями»¹. Гоголь поэтому, как отмечал Альшиц, боялся проявления революционной активности со стороны общества и усматривал ее опасность даже в проекте фаланстера французского социалиста-утописта Ш. Фурье. Но, отрицая утопический проект Фурье, Гоголь сам предлагал свой проект, при котором «замечательными общежитиями, своеобразными фаланстерами для русских крестьян должны были стать российские деревни». Создаваться же их должны были «стараниями добрых господ-помещиков» и при сохранении крепостного права. Согласно Альшицу, Гоголь со своим проектом выступил тем самым «куда большим утопистом, чем Фурье».

А как же оценка самим Гоголем второго тома «Мертвых душ»? Гоголь, как отмечал Альшиц, понял, что он создал во втором томе «фальшивую картину» русской жизни, и решил «все переделать». Но когда он уяснил невозможность этой работы, то решил не оставлять в своем «литературном наследстве» этот том «Мертвых душ» и «предал его огню». По словам Альшица, «сожжение второго тома “Мертвых душ” – подвиг честного человека и писателя». Но «восстановление нескольких его глав по уцелевшим отрывкам» – это уже «замечательный подвиг ученых-гоголеведов»².

Что же касается гоголевской сатиры, то Альшиц как человек, исключительно близкий к театральному миру, дает анализ сатиры в комедии «Ревизор» через восприятия ее зрителями. Он подчеркивал, что в сатирических произведениях конфликт выстраивался преимущественно по линии «Герой – Зрительный зал»³, но не между героями или между героями и социальной средой. Так и в коме-

¹ Там же. С. 42.

² Там же. С. 43.

³ Там же. С. 48.

дии Гоголя, где зрительский смех выступает как средство неприятия того явления, которое дается на сцене. В комедии Гоголя, подчеркивал Альшиц, герои не смеются друг над другом. И в связи с особенностями построения Гоголем конфликтной ситуации в «Ревизоре» Альшиц ставил вопрос о возможности несколько иного построения конфликта, когда основания для смеха полностью сохраняются, но при этом в комедии появляется положительный герой. Таких сатирических персонажей иногда бывает полезно, писал он, «обеспечить» «жертвами, теми, кого они будут так или иначе травить, преследовать, порочить». Подобный вопрос, отмечал Альшиц, стоял перед создателями комедии «Опаснее врага» – перед ним самим и Л.Л. Раковым. Альшиц и Раков учли при этом, что в других классических комедиях русской литературы, «Недоросль» Д.И. Фонвизина и «Горе от ума» А.С. Грибоедова такие положительные герои имеются. Но, отмечал Альшиц, «Митрофанушка, Простаковы, Скотинины – значительно ярче и колоритнее изображены Фонвизиним, чем Стародум, Правдин и другие “правильные” персонажи». И даже у Грибоедова Фамусов, Молчалин и Скалозуб «куда ярче и колоритнее», чем главный герой – Чацкий¹. Известно, что Альшиц и Раков в своей комедии создали удачные образы положительных героев. Но, по законам комедийного жанра, это менее яркие герои, чем те, на которых была направлена авторская сатира, вроде Допетровского, Хеопсенко, Малькова, пожалуй, за исключением такого «положительного» героя, как историк Иззагардинер.

Еще один вопрос теоретического значения для театральной сцены и постановки комедии, который поднимал Альшиц в связи с комедией Гоголя, был вопрос о соотношении между гротеском и изображением типичного. Гоголевские чиновники, как отмечал Альшиц, вроде Городничего, Ляпкина-Тяпкина и других, не были, конечно, слепком с российских чиновников времени Николая I. Но «мастерское гротескное преувеличение», сделанное Гоголем, «не подрывало, а, напротив, подчеркивало их типичность, способствовало узнаванию реальной картины деятельности тогдашнего чиновничества»². То же самое имело место в комедии Альшица и Ракова

¹ Аль Д. Гоголь – наш современник. С. 49.

² Там же. С. 50.

«Опаснее врага». Не случайно поэтому в беседе с заведующим отделом науки и культуры ЦК КПСС Д.А. Поликарповым, состоявшейся 29 ноября 1963 г., после премьеры в ленинградском Театре комедии «Опаснее врага», Альшицу специально пришлось разъяснять место гротеска в комедийном жанре. «Сатира не зеркало, а увеличительное стекло», – говорил он. Она жилище отрицательного героя. Сатира с преобладанием положительных элементов уже не сатира, как женская баня, куда пускают мужчин, уже не женская баня, это уже другое учреждение, это уже другой жанр»¹.

В этом Д.Н. Альшиц, сатирик советского периода и мыслитель постсоветской России, видел значение творчества Н.В. Гоголя для своего времени.

4.3. Д.Н. Альшиц и вопрос о десятой главе «Евгения Онегина»

История одной из загадок, относящихся к прошлому отечественной литературы, началась 26 ноября 1949 г., когда, по рассказу Д.Н. Альшица, главного библиографа Государственной Публичной библиотеки СССР имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, он обнаружил в библиотеке среди листов рукописи XVI в. листы с текстом, судя по почерку, относящимися к XIX в.

Как отмечал американский исследователь М. Альтшуллер, Альшиц дал описание рукописи, сделанное, по его оценке, вполне профессионально. Рукопись, судя по описанию, Альшиц отнес ко второй половине XIX в., она была на пяти листах белой нелинованной бумаги без водяных знаков. По описанию Альшица, рукопись была написана черными чернилами, мелким почерку разборчивым почерком, причем почерк не «писарский», но «культурный». Не было заглавия, пропусков и сокращений. Строфа XIX была не полной и уместилась до слов: «Онегин! – Пушкин! – Наконец»².

Через несколько дней, 6 декабря, Альшиц был арестован. После этого рукопись, по его утверждению, пропала, уже независимо, та-

¹ Там же. С. 137.

² Альтшуллер М. Биография Онегина – в руках пушкинистов // Новый журнал. № 211 (июнь, 1998 г.). Нью-Йорк, 1998. С. 188.

ким образом, от него. Находясь под арестом, он в 1950 г. по памяти написал текст, который, как он утверждал, был им обнаружен 26 ноября. В 1983 г. этот текст он представил литературоведам Л.И. Тимофееву и Вяч. Черкасскому, которые в популярном альманахе «Прометей» полностью его опубликовали и сделали его интересный и глубокий анализ. Они утверждали, что текст имеет некоторые признаки, которые позволяют считать его в самом деле произведением А.С. Пушкина.

Они обратили прежде всего внимание на строки из шестой строфы:

«Зачем в военную годину,
Уже держа в руке дубину,
Ее ты рано опустил?»

Упомянув «дубину», автор этих строк, несомненно, имел в виду известный образ, созданный Л.Н. Толстым – «Дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественною силой». Следовательно, это образ – толстовский, но не пушкинский, и Пушкину такие строки принадлежать будто бы не могли. Но Тимофеев и Черкасский нашли несколько случаев, когда образ дубины встречается в разных произведениях Пушкина. В «Истории Пугачева», указывали они, есть фраза: «Начальники оставляли свои места и бежали, завидя <...> заводского мужика с дубиною. Еще одно упоминание – в пропущенной главе из «Капитанской дочки»: «я увидел рогатку и караульного с дубиною. Мужик подошел ко мне...». В пушкинской «Заметке о холере» также есть такой образ: «Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку». Отсюда Тимофеев и Черкасский делают вывод: «образ мужика с дубиной появляется у Пушкина не раз, и, так сказать, с окраской агрессивности»¹, и является, следовательно, не только толстовским, но и пушкинским.

Еще одним аргументом против признания некоторых строк принадлежавшими Пушкину было указание на их поэтическую слабость. Тимофеев и Черкасский приводили примеры таких слабых строк:

«Чтоб развертеть восстания меч...»;
«И пуще царь пошел кутить...»;
«Всей суше будет господарь...»;

---

¹ Тимофеев Л.И., Черкасский Вяч. Апокриф!.. Или... // Прометей. М.: Молодая гвардия, 1983. Т. 13. С. 118.

«Я всех уйму с моим народом...»;
«Чинов британских сворой гадкой...»;
«Из Кишинева уж мигал...»;
«Чуть руки в кровь не обагрил»;
«Но бог помог – стал ропот ниже...».

С этим заключением они соглашаются: «Строки эти, бесспорно, слабые»¹.

Но это, по их мнению, несколько не дает основания для отрицания за этими строками авторства Пушкина. Объясняли появление у Пушкина таких слабых строк они вполне логично. Как они писали, примеров подобного рода «слабых» строк «в черновиках Пушкина можно найти очень много. Но они великого поэта совершенно не беспокоили: он знал, что позднее найдет точную формулировку». Еще один аргумент против признания этих стихов пушкинскими относились к их лексике. Так, не характерным для Пушкина, указывали Тимофеев и Черкасский, выдающийся литературовед-пушкинист Б.В. Томашевский считал выражение «корчил либерала». Но они находили в «Евгении Онегине» строку: «Иль корчит так же чудака», а в «Романе в письмах» – «...я не корчу английского лорда». Также Томашевский не считал возможным появление в пушкинском тексте выражения «в стиле теоремы» в строке «[Там Пестель] в стиле теоремы». Они при этом признавали, что Пушкин и в самом деле «не проявлял особого усердия к математике». Но по программе Царскосельского лицея, писали они, математика изучалась, причем на вполне приемлемом уровне, а в учебнике «Курс чистой математики» Е. Войтяховского «“теорема” – одно из наиболее употребительных понятий»².

Как подчеркивали Тимофеев и Черкасский, в полученном от Альшица тексте имеются строки, которые хорошо сочетаются с пушкинскими и «подделать которые кажется невозможным». К ним относятся такие:

«А нам царя военный гений
Оставил в память той поры
Новинки воинской муштры

¹ Там же.

² Там же. С. 119. В квадратных скобках Л.И. Тимофеев и Вяч. Черкасский привели сохранившийся текст А.С. Пушкина.

Да стон военных поселений.
Под этот стон и ляжешь в гроб,
[Ты, – Александровский холоп!]¹

Пушкинская строка «[Ты, – Александровский холоп!]¹» относится к графу А.А. Аракчееву.

Вполне соответствовали стилю пушкинской поэзии строки из второй строфы после хорошо известных строк Пушкина, относившихся к Александру I:

«[Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой
Над нами царствовал тогда]».

Но как продолжение характеристики императора вполне соответствуют этим четырем строкам следующие:

«Вскочив на трон отца капрала,
Он долго корчил либерала
И будто выполнить решил
Все, что Лаграп ему внушил.
Явил он действия отвагу:
В кругу интимнейших друзей
Свободомысленных князей
Чернил прожектлами бумагу...
Но почему-то из царя
Не получилось бунтаря».

Но следующая, третья строфа начинается также продолжением пушкинской характеристики царя:

«[Его мы очень смиренным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра]».

На связь между текстом, написанным Пушкиным в начале третьей строфы, и завершением второй строфы, по мнению Тимофеева и Черкасского, указывает резкий контраст при противопоставлении: царя как «бунтаря» – и царя, которого в свое время «очень смиренным

¹ Тимофеев Л.И., Черкасский Вяч. Апокриф!.. Или... // Прометей. С. 120.

знали». Однако такой контраст представляет собой известный художественный прием. Что касается отражения темы войны, то Тимофеев и Черкасский отметили строку: «Барклай был опытный стратег». Эта строка, указывали они, соответствует общей и самой высокой оценке А.С. Пушкиным князя М.Б. Барклая де Толли. В доказательство они приводили выдержку из письма А.С. Пушкина Н.И. Гречу с глубоким почтением по отношению к выдающемуся полководцу¹. По-видимому, еще более выразительный пример – пушкинское стихотворение «Полководец» со словами, обращенными к Барклаю:

«О вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Все в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук жизни невлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою»².

В качестве признака пушкинского стиха Тимофеев и Черкасский указывают: «Пробор национальностей в строках:

Иль ты забыл, иль ты простил,
Что не француз и не татарин,
Не швед, не немец, не поляк,
А только он твой главный враг –
Рабовладелец, русский барин?»

Прием, конечно, очень сильный и выразительный. Но Пушкин использовал его, как они отмечают, и в эпиграмме на Фаддея Булгарина:

«Не то беда, что ты поляк,
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, –
И тут не вижу я стыда;
Будь жид – и это не беда»³.

¹ Там же. С. 122.

² Пушкин А.С. Полководец // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1974. Т. 2. С. 356.

³ Не то беда, что ты поляк... Пушкин А.С. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 2. С. 264.

Логическую связь с историко-географическим экскурсом Пушкина:

«[Тряслися грозно Пиринеи –
Волкан Неаполя пылал,
Безрукий князь друзьям Мореи
Из Кишинева уж мигал]»,

имело, указывает Тимофеев и Черкасский, его продолжение:

«И на самом Олимпе знати
В спесивой Англинской палате,
Ударил смелый звук речей:
Поэт сразился за ткачей».

Такая логическая связь состоит в том, что упоминаются два борца за свободу Греции. Это – «безрукий» князь Александр Ипсиланти и поэт лорд Байрон, который и в самом деле в палате лордов выступал в поддержку ткачей¹.

Таким образом, Л.И. Тимофеев и Вяч. Черкасский привели ряд весьма серьезных доводов в пользу того, что текст, полученный ими от Д.Н. Альшица, соответствует тому, что безусловно относится к поэзии А.С. Пушкина. Но, тем не менее, напрямую сделать вывод об авторстве великого русского поэта и бросить вызов устойчивому мнению о том, что этот текст – не пушкинский, они не решились. Но при этом они не решаются принять взгляд на данный текст как на подделку под Пушкина, у них лишь упоминание «так называемой подделки»².

На Д.Н. Альшица как на реального автора этих строф, представленных им Л.И. Тимофееву и Вяч.Черкасскому, прямо указывал М. Альтшуллер. По его словам, «известный историк-медиевист и талантливый драматург, писавший под псевдонимом Д. Аль», написал эти строки, выдавая их за пушкинские. Пропажа листов, согласно Альтшуллеру, не удивительна: «можно сочинять за автора (Пушкина) любой текст», но «при современной технике экспертизы невозможно подделать рукопись XIX века»³. В тексте, по словам Альтшуллера, Пушкин «стал ярым революционером, сторонником угнетенного на-

¹ Тимофеев Л.И., Черкасский Вяч. Указ. соч. С. 124.

² Там же. С. 126.

³ Альтшуллер М. Указ. соч. С. 188.

рода, гораздо более радикальным, чем декабристы». Это вызывало его сомнение в возможности считать это текст пушкинским. При этом, указывал Альтшуллер, «наиболее вероятным автором» этого поэтического текста «является Д.Н. Альшиц». Несоответствие пушкинскому тексту в этих строках он видел не только на идейном уровне, но и в том, что в тексте главный герой романа в стихах, Евгений Онегин, упомянут только в последней строке последней девятнадцатой строфы¹, и более о нем в тексте не говорилось вообще.

Вопрос о том, для чего Д.Н. Альшицу потребовалось сочинять за А.С. Пушкина текст десятой главы «Евгения Онегина», якобы найденной им в Государственной Публичной библиотеке, по месту своей работы, М. Альтшуллер оставил открытым. Более определенно об авторстве Д.Н. Альшица говорил известный российский историк академик Н.Н. Покровский, который был в 1957–1963 гг. политзаключенным мордовских лагерей и который был в дружбе с Альшицем. Даниил Натанович, «стремясь при Сталине выйти из заключения, дописал недостающую десятую главу «Евгения Онегина» и выдал ее за подлинную»², – писал Покровский. Свидетельство представляется авторитетным. Сам Н.Н. Покровский, проходивший в 1957 г. по делу Краснопевцева-Ренделя, хорошо понимал психологию заключенного, и попытку такого рода, направленную на освобождение, хотя и наивную, полностью оправдывал.

Тем более, что, говоря о своем праве на такое оправдание Покровский имел ввиду того, что сам уровень поэзии в строфах, которые были представлены Альшицем как пушкинские, был несомненно высоким. В самом деле, онегинская строфа в них была полностью соблюдена. Поэтический текст, вероятно, внесенный Альшицем, хорошо соотносится с фрагментами безусловно пушкинского текста. В неполных девятнадцати строфах изложена самая суть не только русской, но и европейской истории исключительно бурной первой четверти XIX в., созданы образы не только некоторых известных личностей того времени – Наполеона и Александра I, Аракчеева и

¹ Там же. С. 189.

² Покровский Н.Н. Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках: Учебное пособие. Новосибирск: Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 2013. С. 353.

Меттерниха, Баркляя, Байрона, декабристов. В них – образы битвы при Аустерлице и Тильзита, Отечественной войны 1812 г. и революционных движений в Испании и Неаполе, движения в Греции и русского крепостного права. Эти строфы относятся к лучшим поэтическим обобщениям эпохи. В них, конечно же, нет главного героя романа – самого Онегина. Но исторический фон, на котором разворачивались события из жизни героя, представленный в художественной форме, не менее важен для понимания его личности и характера, чем непосредственное изложение событий из его жизни. И в этом отношении строфы, написанные, возможно, Д.Н. Альшицем, являются интересным вкладом в русскую культуру.

Между тем, по мнению Б.В. Томашевского, приведенные строфы, переданные Д.Н. Альшицем Л.И. Тимофееву и Вяч. Черкасскому, были безусловно пушкинскими. Как указывал Томашевский, эти строфы можно включать в издание пушкинских произведений. Вместе с тем он указывал на трудности такого издания для широкого читателя. Определялись они тем, что дошла не вся глава, части текста не связаны и прерываются большими пропусками, текст не всегда ясен и дошел в разных документах. Кроме того, текст был зашифрован Пушкиным, и при этом, проводя шифровку, поэт допускал определенные ошибки. «Читателю, – делал вывод он, – нужен интегральный текст, поэтому необходимо делать объединение документов так, чтобы сохранилось впечатление единства текста». Но при этом, указывал Томашевский, «необходимо сохранить впечатление отрывочности текста и недоделанности его в черновых строфах»¹. Ко времени своего ареста Альшиц был, несомненно, знаком с проблемами десятой главы «Евгения Онегина». Он знал о посвященной ей литературе, начало которой относилось к 1910 г.² Поэтому речь об авторстве Альшица можно вести скорее всего только в одном смысле. Стихи незаконченной десятой главы он свел в одно целое и представил их в том виде, как они были опубликованы в 1983 г. Л.И. Тимофеевым и Вяч. Черкасским. Авторство же самих строф, которые были продиктованы Альшицем авторам статьи в альманахе

¹ Томашевский Б.В. Пушкин. Кн. 2. Материалы к монографии (1824–1837). М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 242.

² Там же. С. 201.

«Прометей» 1983 г., принадлежало А.С. Пушкину. Существование же рукописи, найденной будто бы в 1949 г. Д.Н. Альшицем, но затем пропавшей, доказать или опровергнуть уже невозможно.

4.4. Д.Н. Альшиц о драматургии

Творческая деятельность Д.Н. Альшица была тесно связана с театром, прежде всего с ленинградским Театром комедии, во главе которого стоял выдающийся режиссер Николай Павлович Акимов. В этом театре ставилась и с огромным успехом шла комедия Д. Аля и Л. Ракова «Опаснее врага». Вместе с тем Альшиц не только был драматургом и комедиографом, он испытывал, кроме того, большую потребность в том, чтобы делиться своими знаниями театрального искусства, своим театральным опытом, с новыми поколениями увлеченных сценой людей. Отсюда и преподавание им в Ленинградском государственном институте культуры имени Н.К. Крупской курса основ драматургии, и создание им учебного пособия «Основы драматургии» для студентов театральных вузов, которое неоднократно переиздавалось.

Пособие Д.Н. Альшица представляет интерес как интеграция опыта советского драматурга и новых явлений, которые сформировали культуру постмодерна и новой стадии в развитии мировой культуры, которая идет на смену постмодерна и сосуществует с ним. Особенностью культуры конца прошлого столетия Альшиц видел диалог между людьми. И если со времени появления театра как особого феномена культуры эта форма искусства была рассчитана на зрителя, работала на него, то тем более это относится к театральному искусству современности. Не случайно поэтому Альшиц вступил в своеобразную дискуссию с К.С. Станиславским, утверждавшим, что театр начинается с вешалки. Не отрицая правоты великого режиссера в том, что человека, пришедшего в театр, «с самого начала, уже с гардероба, должна встречать праздничная театральная обстановка», он вместе с тем обращал внимание на другие основы театра. Это были драматургия и репертуар. Но, в свою очередь, подчеркивал он, драматургия «начинается со зрителя, с его запросов, с его уровня». Отсюда, писал он, для театра «вопрос о том, что же представляет се-

годняшний зритель, исключительно важен». И вообще, по его мнению, среди теоретических вопросов современной драматургии особо выделяется по степени своей значимости такой вопрос, как «появление совершенно нового зрителя»¹, который заполнил зрительный зал наших дней. Ранее для человека источником информации, указывал он, бывали рассказы людей, или для жителей деревни, например, повествования возвратившихся со службы солдат, повидавших много необычного. Для грамотной части населения важнейшим источником информации становилась книга, а для пореформенного периода, можно к этому добавить, периодическая печать. Роль средства информации, согласно Альшицу, которую играла «драматургия через театр», состояла в том, что она «могла показывать человеку события, свидетелем которых он не был, воспроизводить для него картины чужой жизни, сделать человека как бы сопричастным к ней», и, в общем, была направлена на удовлетворение его любознательности. Отсюда он отмечал, что в то время очень важная «функция театра» – познавательная. Многие только благодаря театру «навсегда сохраняли именно те впечатления о жизни и быте, о людях, живших в других странах или в другое время», – указывал Альшиц. В настоящее время, подчеркивал он, положение изменилось самым существенным образом. Театр в значительной мере потерял свою прежнюю роль в новых информационных условиях, при распространении кино и телевидения, а в нынешнем столетии еще и интернета. Сложилась ситуация, когда вообще «сегодняшний человек на земле – зритель, а весь мир – огромный театр, в котором он – человек-зритель – постоянно присутствует»². В таких условиях произошло сближение театра и жизни.

Поэтому, по мнению Альшица, театр стал занимать иное место в культуре, чем это было ранее, при неразвитости средств массовой информации. Столь важный для зрителя «познавательный заряд», который нес ранее театр, отошел на второй план. Но другой, «эмоциональный заряд», который традиционно исходил с театральных подмостков, полностью сохранил свою значимость. В таких услови-

¹ Аль Д.Н. Основы драматургии. Учебное пособие для студентов Института культуры. Л., 1988. С. 3.

² Там же. С. 3–4.

ях стали меняться зрительские запросы, обращенные к драматургии и к театру. Суть этого изменения, согласно Альшицу, состояла в том, что «от современного драматического произведения (и от спектакля) требуется глубинное проникновение в суть характеров взаимоотношений героев». Но, конечно же, такое требование стояло перед драматургией и ранее, и в лучших ее произведениях оно проявлялось очень отчетливо. Достаточно вспомнить только образы и характеры героев драматических произведений в русской классической литературе. Поэтому, подчеркивал Альшиц, все дело «в подлинной, еще неизведанной глубине проникновения в проблемы современной жизни», и в этом «таится возможность добиться сильного эмоционального воздействия на зрителя». В самом деле, большая проблема эмоционального воздействия на зрителя по-прежнему остро стоит перед драматургией и театром. Но едва ли было бы правильно видеть в этом какую-то новую задачу драматургии и театра. Эта – традиционная задача. Может быть, новизна ее только в том, что она в новых условиях явно вышла на первый план, тогда как познавательная задача в условиях развития средств массовой информации уже не имеет для театра такого значения, как в досоветский период, в эпоху классики и даже в эпоху модерна. Как указывал Альшиц, драматургия имеет задачу «воспитательного воздействия на человека способом эмоционального потрясения». Тем самым она имела «общую задачу со всем искусством»¹. Но ввиду того, что в драматическом произведении в центре внимания был конфликт между людьми, его героями, эмоциональное потрясение в нем проявляется особенно открыто и ярко.

Вместе с тем совершенно справедливо Альшиц обратил внимание на средства выражения чувств и эмоций в современной драматургии. Он видел один из типичных недостатков некоторых драматических произведений в том, что в драматическом произведении появляются «длинноты, “говорильня”, когда герои вместо живого, а значит – динамичного и лаконичного диалога, обмениваются “выступлениями” на заданную тему»². В результате внимание зрителя рассеивается, и он с неизбежностью теряет интерес к происходящему на сцене.

¹ Там же. С. 11.

² Там же. С. 5.

Альшиц указывал начинающим драматургам на то, что при построении драматического произведения необходимо иметь четкое представление об отличии между этим жанром и эпическим произведением, формой которого является роман или повесть. Как и в эпическом произведении, в драматическом произведении, как отмечал Альшиц, основой повествования служит социальный конфликт. В эпическом произведении социальная сторона конфликта выступает в более открытом и непосредственном виде. Приводя в пример роман «Тихий Дон» и метания главного его героя, Григория Мелехова, Альшиц указывал, что «исход изображаемого в романе социального конфликта – гражданской войны – от него не зависит», он «носит объективный характер». Но в драматическом произведении «конфликт выстраивается от начала до конца как творение самих героев». Он при этом приводил в качестве примера произведение, также связанное с темой гражданской войны – пьесу К.А. Тренева «Любовь Яровая». В нем «на примере данного человеческого конфликта» – между Любовью Яровой и ее мужем, белым поручиком Яровым, автор показал «бездонную глубину социального раскола, который поставил даже близких, даже любящих друг друга людей по разные стороны баррикад». В отличие от эпического произведения, как указывал Альшиц, социальный конфликт «раскрывается в драматическом произведении отражением в “капле воды”», которой является столкновение между его героями¹. Это необходимо, отмечал он, иметь в виду при постановках на сцене эпических произведений, или при переводе эпического конфликта в драматургический.

Как подчеркивал Альшиц, в основе драматургии «всегда лежит совершенно реальная человеческая ситуация». Для драматургии «как свойство» «обязательна современность», хотя современность драматического произведения вовсе не обязательно «равна хронологической, календарной современности»². В качестве типичного примера он привел трагедию А.С. Пушкина «Борис Годунов». Тема в ней – «народ и царь», «народ и власть», которая по существу является вечной темой для русской культуры. Конечно же, поднимать эту

¹ Аль Д.Н. Основы драматургии. Учебное пособие для студентов Института культуры. С. 9.

² Там же. С. 10.

тему на материалах только что подавленного восстания декабристов А.С. Пушкин, как отмечал Альшиц, не мог. Но и в трагедии «Борис Годунов», относящейся к событиям рубежа XVI–XVII вв., власть поняла острую актуальность поднятой в ней темы, и поэтому «Борис Годунов не увидел в свое время сцены». Конфликт в драматическом произведении должен, таким образом, «обладать общественной значимостью». Поэтому драматическое произведение обязательно рассчитано на коллективное воспроизведение, когда «работу большого коллектива» – режиссера, актеров, других работников сцены – зритель воспринимает и сочувствует идеям, преподносимым с театральных подмостков¹. Такое сочувствие выражается «сопереживанием»². Только это способно обеспечить успех драматического произведения и его театрального воплощения.

Для драматического произведения, писал Альшиц, обязательно характерен «образ конфликтного события, образ социального столкновения», от драматурга требуется создание «целостного образа события», с общей схемой: «начало борьбы, ход борьбы, конец борьбы». Такая общая схема отражает определенную жизненную ситуацию, или совокупность социальных отношений. Как отмечал Альшиц, иногда «автора поражает тот или иной жизненный факт»³. Но «жизненный факт» может стать «фактом драматургии» только при определенных условиях. Для этого его требовалось «поставить в конкретную драматургическую структуру, то есть использовать его в рамках развития социального конфликта, показав начало борьбы, ход борьбы, результаты борьбы». Отсюда видно, что Альшиц различал понятия «жизненный факт» и «факт драматургии». Но он при этом подчеркивал, что «факт драматургии» не может существовать сам по себе, он «всего лишь элемент художественной структуры – драматической композиции»⁴, которую должен создать драматург.

Собственного определения теоретического понятия «драматургический факт» Альшиц не давал. Но ему как историку было известно определение, которое давал хорошо известному понятию в ме-

¹ Там же. С. 11.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 17.

тодологии истории «исторический факт» А.С. Лаппо-Данилевский. Согласно тому, что подразумевал под этим понятием выдающийся историк, «с специфически исторической точки зрения под понятием об историческом факте можно разуметь всякое изменение действительности, объясняемое психическим воздействием индивидуальности на среду или на то целое, частью которого она охватывается». Он при этом обращал внимание, говоря об историческом факте, что «его содержание может быть сравнительно простым, элементарным или очень сложным». Но при этом историк «обыкновенно имеет дело, однако, не с простейшими, а с относительно весьма сложными фактами»¹. А.С. Лаппо-Данилевский не давал своего определения понятий «индивидуальность» и «среда». Но под средой он мог понимать культурно-историческую ситуацию, в которой происходил данный факт. Это могла быть среда, в которой имела место реальность прошлого, которая послужила основой для формирования исторического факта. Однако реальностью прошлого являлась также среда, в которой работал автор или авторы источника, фиксировавшего данный исторический факт, а также среда, или культурно-историческая ситуация, в которой находился историк, окончательно сформировавший, или построивший, в своем исследовании данный исторический факт. В построении исторического факта А.С. Лаппо-Данилевский выделил психологическую составляющую, и «психологическому истолкованию» факта придавал особое значение. Что касается индивидуальности, которая воздействует на среду, то под ней ученый понимал как автора или авторов источника, так и историка. Наиболее сложным в определении А.С. Лаппо-Данилевского является положение, связанное с «воздействием». Это означало такое воздействие на культурно-историческую ситуацию своего времени со стороны как автора источника, так и историка, в результате которой реальность прошлого выразилась в историческом факте в том виде и в той форме, как она проявилась сначала в источнике, а затем в исследовании историка.

Что касается драматургического факта, или того, что он называл «факт драматургии», то этот факт представляется еще более слож-

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. В 2-х т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. С. 428.

ным культурно-психологическим феноменом, чем исторический факт, поскольку при его формировании принимает участие еще одна ступень, без которой невозможно существование драматургии как особого феномена культуры. Или же драматургический факт также является историческим фактом, но фактом особого рода. В самом деле, при формировании драматургического факта имеет место такой начальный элемент, как жизненная ситуация в прошлом или в современной для драматурга жизни. Она давала материал для драматического произведения и зафиксирована в разных источниках, являющихся результатом воздействия индивидуальности авторов на среду, или культурно-историческую ситуацию своего времени. Далее, драматургическим фактом является само драматическое произведение, созданное автором, которое тоже было результатом воздействия авторской индивидуальности на среду, причем этой средой была культурно-историческая ситуация времени, когда работал автор-драматург. Но при этом добавляется еще одна индивидуальность, коллективного характера. Поскольку драматическое произведение обязательно рассчитано на зрительскую аудиторию, на коллективное восприятие, поскольку в замысле его заключена идея сотворчества драматурга со своей зрительской аудиторией, то такой коллективной индивидуальностью являлись зрители, сидящие в зале. Среда же, на которую они воздействовали свое реакцией на драматическое произведение, была культурно-историческая ситуация того времени, когда представлялось в театре это произведение. Но, поскольку драматическое произведение, как справедливо подчеркивал Д.Н. Альшиц, обязательно должно было быть актуальным, то автор драматического произведения и его зрители в театре находились в одной и той же культурно-исторической ситуации и через свое отношение к данному произведению оказывали на нее воздействие. Форма такого воздействия могла быть разной. Так, зрительский аншлаг, сопровождавший в шестидесятых годов комедию Д. Аля и Л. Ракова «Опаснее врага» с ее колоссальным антисталинским и антипартийным зарядом воздействовал на среду своего времени. Воздействие это находило свое отражение в заметном недовольстве партийных идеологов ее содержанием и влиянием на зрителя.

К драматургическому факту может относиться само драматургическое произведение, отдельные его эпизоды, а также обстоятельства, связанные с его представлением на сцене. Так, драматургическим фактом является, например, комедия Д. Аля и Л. Ракова «Опаснее врага». Но также драматургический факт, например, сцена из этой комедии, когда герои в кабинете директора «института кефира» Допетровского слушают по радио чтение «Конька-горбунка» П.П. Ершова. Несомненным драматургическим фактом является также рецензии на комедию в советской печати, а также вопрос об этой комедии на всесоюзном совещании по вопросам драматургии и театра в конце ноября 1963 г.¹

Отсюда возникал вопрос о соотношении между историческим фактом и местом его в драматургии. Историк и драматург, указывал Альшиц, имеют в отношении к факту разные задачи. Так, если историк в качестве одной из задач своего исследования имеет установление исторического факта, то драматург, используя исторические факты, должен «с помощью рассказа о том, как жили сказать современник, как надо жить»².

Для автора драматургического произведения, указывал Альшиц, необходимо четкое представление о его композиции. Необходимость ее учета он объяснял тем, что ее нарушение снижает качество произведения. Типичным примером такого нарушения он считал то, что автор, подсмотрев интересную жизненную ситуацию, начинает произведение с нее. Но после этого бывает трудно удержать его на уровне такого же высокого интереса. Тогда автор, писал Альшиц, «вынужден подбрасывать в свой затухающий костер новые “поленья”, подменяя развитие данного конфликта из его начальной ситуации завязыванием каких-то новых, дополнительных коллизий». Но это не идет на пользу произведению, поскольку приводит к подмене конфликта, обозначенного в его начале, каким-то другим конфликтом и его разрешением. Автор может понять это и попытаться исправить ситуацию, но не может сделать это иначе, чем вести дело «к искусственному завершению способом волевого распоряжения автора пьесы судьбами своих героев»³.

¹ Аль Д. На ковре под самым высоким флагом // Аль Д. (Альшиц Д.Н.) Шаги истории России из прошлого в будущее. С. 305.

² Аль Д. Основы драматургии. С. 41.

³ Там же. С. 18.

Альшиц считал необходимым сформировать у студентов четкое представление о структуре драматического произведения. Постольку, поскольку в этом произведении разворачивается определенная борьба, то общую его схему Альшиц представлял как развитие действия по пути: начало борьбы – ход борьбы – конец борьбы и ее результат. Начало борьбы – это экспозиция и завязка основного конфликта. Ход борьбы – поступки и действия героев. На определенной стадии развития этой части произведения наступает его кульминация. Результат борьбы – развязка в финале произведения. Далее он разъяснял смысл драматургических терминов. Он указывал, что экспозиция дает зрителю информацию, необходимую для понимания произведения в целом. Он приводил пример того, что в экспозиции «Пигмалиона» Бернарда Шоу упоминание о том, что мистер Хиггинс – профессор филологии дает возможность понять, для чего он взял в дом цветочницу Элизу Дулитл. То же самое, можно сказать, что экспозиция к комедии «Опаснее врага» представляет институт кефира, выдуманный авторами, как обычное советское учреждение. В отдельных случаях наряду с экспозицией, указывал он, используется инверсия, в которой перед началом представления кратко сообщается, чем закончится конфликт, ставший темой драматического произведения. Альшиц объяснял, для чего это могло делаться. Когда Шекспир в «Ромео и Джульетте» сообщал, чем все кончится, он снимал интерес зрителя непосредственно к действию, но стремился сосредоточить его интерес «на том, КАК это произойдет, СУТИ взаимоотношений героев, приведших к заранее известному трагическому концу»¹. В отдельных случаях, писал он, экспозиция может быть совмещена с завязкой. Что касается развязки, то она, писал Альшиц, представляет собой «момент разрешения основного конфликта, снятие конфликтного напряжения, являющегося источником движения действия»². Примером развязки он привел чтение письма Тряпичкина Хлестакову из гоголевского «Ревизора». Таким же образом, используя чтение сообщения лица, не появляющегося в комедии, в качестве развязки, поступили Д. Аль и Л. Раков в комедии «Опаснее врага». У них, однако, в соответствии с новым

¹ Там же. С. 22.

² Там же. С. 23.

уровнем техники связи, было не письмо, а телеграмма, а лицом, знакомым одному из героев, директору института Допетровскому, был некий большой начальник. Слова из телеграммы, обращенные к Допетровскому: «Начальство считает, что ты дуб»¹ означало развязку комедии, падение директора-ретрограда и своего рода «happy end» с победой ученых, занимавшихся в институте наукой. Как показал Н.В. Гоголь, и как подтвердили Д. Аль и Л. Раков, подобный прием представляет собой сильную развязку драматического произведения. Но развязка, отмечал Альшиц, еще не конец произведения. Концом его является финал. Он завершает его «драматическим обобщением». Роль его в том, что он не только завершает действие, но и «раскрывает дверь в перспективу»². Образцом финала он привел немую сцену в «Ревизоре» Гоголя.

Особого внимания в курсе основ драматургии требовало, как считал Альшиц, понятие конфликта произведения. Это совершенно справедливо, поскольку конфликт является его стержнем, на котором оно держится, составляет самую суть сюжета. Определяя конфликт «в драматическом произведении» как «способ раскрытия социального противоречия в действенной борьбе»³, он в то же время указывал, что драматургический конфликт не равнозначен жизненному конфликту. В драматическом произведении конфликт выступал неким «типическим», как указывал Альшиц, выражением жизненных конфликтных ситуаций. В то же время, в силу особенности драматического произведения как жанра литературы, конфликт как социальное явление по своей природе выражался в своем человеческом начале, как конфликт между людьми. Альшиц выделял три вида драматургических конфликтов. Это – конфликты между двумя героями, между героем и зрительным залом, между героем и средой, которой герой противостоит. Пример первого конфликта – Любовь Яровая и ее муж, белый офицер, или Отелло и Яго. Пример второго – в «Ревизоре», где единственный положительный герой «находится в зале». Пример третьего, указывал Альшиц – «Гамлет» Шекспира, «Торе от ума» А.С. Грибоедова, «Гроза» А.Н. Островского»⁴.

¹ Аль Д., Раков Л. Указ. соч. С. 356.

² Аль Д. Основы драматургии. С. 24.

³ Там же. С. 26.

⁴ Там же. С. 27.

Из традиционных принципов драматического произведения, которые сложились еще в культуре эпохи классицизма и заключались в единстве времени, места и действия, Альшиц признавал необходимым для современной драматургии только единство действия. Но это условие он считал обязательным. Его нарушение – «подмена конфликта, завязанного в завязке – подрывает возможность создания целостного художественного образа конфликтного события»¹. Благодаря принципу единства действия драматург сохраняет конфликт на протяжении всего своего произведения, не теряет его и не подменяет другим конфликтом.

Еще одной проблемой драматургии была проблема героя. Как отмечал Альшиц, распространенное понятие о положительном и отрицательном герое относительно. Так, если Катерина из «Грозы» А.Н. Островского рассматривается как положительный герой, то уход ее из жизни посредством самоубийства не может являться положительным примером, и не будет признан таковым в обществе. Критически отзывался он по поводу точки зрения, согласно которой необходим численный перевес положительных героев над героями отрицательными. «Нравственная победа или политическая правота героев может возрасть или уменьшаться отнюдь не в зависимости от их численности»², – указывал он.

Еще одной особенностью драматургии новейшего времени Альшиц видел «развитие документального искусства». «Всплеск интереса к документализму», – так он выразил ее и в качестве причины указал на исторические трагедии XX в., такие, как «две мировые войны, фашизм, атомные бомбардировки», жизнь «под страхом ядерной войны»³. Результатом стало ярко выраженное «требование к искусству: Правду! Ничего, кроме правды». Отсюда – возрастание требований «к достоверности произведений литературы и искусства»⁴. Но такое требование вовсе не снимает, по его мнению, задачу эмоционального воздействия драматургического произведения на зрителя. В документе драматург выявляет «эмоциональную,

¹ Там же. С. 28.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 34.

⁴ Там же. С. 35.

действенную силу документа», но сделать это можно только «через призму данного художественного замысла»¹. Альшиц при этом не отрицал отношения документальной драматургии к художественной литературе. Он допускал возможность в ней авторского вымысла. Но при этом подчеркивал, что это требует от драматурга «еще больше воображения и фантазии, чем вымысел, свободный от обязательств перед документом»².

Специальной темой Альшиц выделял сатиру в публицистической драматургии, что для него как комедиографа было не случайно. «История нуждается в сатире как в одном из рычагов своего движения», – такова была идея этой части пособия, и всего творчества его автора как создателя комедий. Потребность общества в сатире Альшиц справедливо определял с исторической точки зрения. Он рассматривал «смех, как орудие, как рычаг диалектики, как рычаг расправы с устаревшим прошлым. Только то, что становится смешным, перестает быть опасным»³, – указывал он. Указывая на особенности объекта сатиры в отдельные исторические эпохи, он писал, что при рабовладельческом строе это были «жестокость, чванство, вырождение паразитического класса, неуважение к труду». При феодализме – сословное неравенство, его государственное и идеологическое оформление». При капитализме – «имущественное неравенство людей, капиталистическая общественная система, которая подавляет “маленького”, то есть бедного человека»⁴. К острым политическим проблемам прилагались в сатирических произведениях образы мировой литературы. Один из таких образов, который очень удачно вспомнил Альшиц, был Крошка Цахес Г. Гофмана, «уродливое существо», которому «приписывалось» нечто великое. Наблюдение очень точное. В самом деле, через 12–13 лет после выхода в свет «Основ драматургии» Альшица стало известно, как в передаче канала НТВ «Куклы» использовался этот образ, кто выступал в нем качестве Крошки Цахеса, и по какой причине весной 2001 г. произошли принципиальные перемены на канале, после чего уровень его резко

¹ Аль Д. Основы драматургии. С. 41.

² Там же. С. 44.

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же. С. 46–47.

покатился вниз. Анализ сатирической темы в драматургии, сделанный Д.Н. Альшицем, может быть понятен при учете сделанной им совместно с Л.Л. Раковым общественно-политической сатиры в комедии «Опаснее врага». С опорой на сатиру в ней был создан яркий образ послесталинского времени, надежд советской интеллигенции на позитивные и принципиальные изменения.

Пособие Д.Н. Альшица не могло подготовить драматурга, да и не имела такой задачи. Однако оно давало хорошие знания основ драматургии с опорой на знания истории и истории культуры и театра, знакомила с особенностями современной драматургии. И в этом отношении оказывало большую пользу не только студентам театральных учебных заведений, но и всем тем, кто был связан по своей работе с театром. Хорошо написанное в литературном отношении, пособие могло быть интересно и для более широкого читателя, знакомого с театром и интересующегося театральной жизнью.

4.5. К 25-летию истфака ЛГУ

Обстановка периода, который получил известность в отечественной истории как хрущевская оттепель, сказала не только на комедии «Опаснее врага», но и на содержании и постановке на любительской сцене исторического факультета ЛГУ юмористического представления, посвященного 25-летию со времени его открытия. Постановка осуществилась в 1959 г., текст к ней написал Д.Н. Альшиц, он же выступил в роли режиссера. В постановке было обыграно несколько сюжетов, вызывавших повышенный интерес среди историков, а отчасти и вызывающих до сих пор. Эти сюжеты могут быть разделены на несколько частей. Это – исторические сюжеты, по поводу которых «ломались копыя» в историографии, вопросы, относящиеся к историческому образованию, а также принявший исключительную общественно-политическую остроту вопрос об отношении к недавнему советскому прошлому, к Сталину и массовым репрессиям. Мастерство Альшица как писателя-юмориста проявлялась в умелом перемешивании исторических ситуаций, в конструированном им столкновении прошлого с настоящим. Такая ситуация несет в себе сильный юмористический, а иногда сатириче-

ский заряд, образцом ее в мировой литературе являлось созданное фантазией Марка Твена положение янки эпохи модерна в США на рубеже XIX–XX вв., оказавшегося в Англии VI в. времени легендарного короля Артура.

Альшиц также сталкивал людей современности и раннего средневековья, когда приглашенные на юбилей истфака варяги во главе с Рюриком, Трувором и Синеусом, а также с Олегом, который «пока еще не стал ... вещим»¹. Высадившись на берег Невы, варяги встречаются с комсомольским патрулем. Комсомольцы принимают эту странную для Ленинграда компанию за алкоголиков, собираются доставить в отделение милиции, пока не выясняется, что они приглашены на юбилей истфака ЛГУ. В заключительной части сцены с варягами ведущий зачитывает письмо, которое писали побывавшие на истфаке «члены варяжской комиссии по истории СССР – Рюрик, Синеус и Трувор»: «мы наконец поняли: Во-первых, нас не было. Во-вторых, мы были недолго. В-третьих, мы быстро, и не без удовольствия ассимилировались»². Так обыгрывалась ситуация в историографии с вопросом о призвании варягов и с резким отрицанием норманизма в советской историографии того времени.

Мизансцена с варягами сменяется мизансценой с поздравлением от «юных пионеров», в которой обыгрываются некоторые особенности преподавания истории в школе. Одна из приветствующих пионеров говорит, что учительница, окончившая истфак, «На каждую тему Диктует нам схему», другая ее поддерживает: «И каждая схема Решает проблему». Другие дети говорят: «например, Цезарь Юлий Гай – По следующей схеме его излагай»: «Родился тогда-то, Перешел Рубикон – Еще одна дата», «И в заключение Должна быть цитата». И когда один из пионеров напоминает: «Как видите, тут Отсутствует Брут», ему следует ответ: «Он новая тема И новая схема». «Родился тогда-то, Умер тогда-то, Цезаря кокнул, Еще одна дата...». «И в заключение – Снова цитата»³. Пионеры подводят итог: «Как видно из рапорта нашей дружины, Проходим мы следствия, связи, при-

¹ Аль Д.Н. Восстановление ума по черепу. СПб., 1996. С. 36.

² Там же. С. 39.

³ Там же. С. 41.

чины, Темы и схемы, планы, теории...». И следующий добавляет: «Но очень мало проходим истории. Теперь и не знаешь свалить на кого, Теперь не свалить на Покровского!»¹. Упоминание об М.Н. Покровском напоминало зрителям-историкам о проработках его «антимарксистской концепции» в двух сборниках конца тридцатых годов, и в более позднее время. Схематизм в преподавании истории подан в данном случае с юмором. Смысл его в том, что за схемами и цитатами не видно в истории живых людей, а историческая схема оторвана от человека. Между тем, гуманизация истории составляла очевидную потребность культуры, но типовая система формирования исторических знаний того времени, как это показано в интермедии, не могла ее удовлетворить.

Конечно же, юбилей истфака ЛГУ не мог пройти мимо темы Петра I, которая умело переплетена с острыми проблемами в развитии культуры времени празднования юбилея. Не просто с юмором, но остро сатирически поданы некоторые стороны классовой концепции истории Петра I «в объективном изложении учителя истории – выпускника нашего факультета». Приведены в рамках мизансцены некоторые типичные и поэтому хорошо узнаваемое историографические штампы. Так, за Петром и работными людьми «крадется реакционный боярин». Один из работных людей говорит Петру: «Ну вот, батюшка-царь, выражаясь точнее, император. Предпосылки тебе созданы... Валяй, прояви инициативу»². В памяти историков тут же всплывает знакомый сюжет: предпосылки реформ Петра I. Появляется далее царь и рассуждает: «На берегу пустынных волн Стоял я, дум великих полн, И думал, думал все одно: Рубить иль не рубить окно?», имея в виду «окно в Европу». После этого «Все флаги в гости будут к нам». Но удерживало его от такого намерения то, что «Как осную вот здесь истфак И как навесят всех собак...». Но в конце концов то, что «бояре-то зашевелились... Явно замышляют скоп...» заставило принять решение: «Рублю окно в Европы И стану первым моряком»³. Комический эффект достигался соединением типичного слова из документов – «скоп» – с историографическими

¹ Там же. С. 42.

² Там же. С. 43.

³ Там же. С. 44.

штампами. В заключение все поют: «Было дело под Полтавой, Дело славное, друзья, Там сражались мы со славой Вместе с личностью Петра!»¹. Тут же вспоминался типичный штамп учебной литературы: «Личность Петра I».

Следующая мизансцена напоминала недавнюю ситуацию в культуре, а отчасти и ситуацию конца пятидесятых годов, когда шла борьба с космополитизмом, низкопоклонством перед Западом, с «растлением» молодежи и всего советского общества. Объявляется кампания «проведения военно-воспитательных действий против вторгшегося в пределы искусства противника», с мобилизацией «художественной интеллигенции». Мобилизованные поют: «Я Ермила – ты Ермила! Я громила – ты громила. Я в театре – ты в кино. Я недавно – ты давно». В памяти зрителей всплывал образ литературного критика В.В. Ермилова, активного участника погромных кампаний в советской литературе сороковых – начала пятидесятых годов. В заключение появляется боярин из прежней сцены, обрадованный тем, что мобилизованные «окон проклятое заставить хотят», в смысле окна в Европу. Все поют: «Исправим глупости Петра. Изгоним “измы” из Руси. Ура! О боже! Гой еси!»². Конечно, слова «О боже!» не вполне соответствовали хрущевскому времени, когда как раз начался новый виток антирелигиозной кампании. Но Альшиц как бы предвидел, что кампания борьбы с «измами», западными влияниями, так или иначе может привести к воспроизводству в официальной идеологии, основные положения которой транслировали мобилизованные представители «художественной интеллигенции», элементов вполне средневековой архаики на почве все того же православия и народности. И, как видим, фактического самодержавия с двуглавым орлом, хотя и в несколько более современной упаковке.

Заключительная мизансцена, разговор Ивана Грозного и Сталина, имела образец в русской литературе. В сочинении автора середины XVIII в. П.Н. Крекшина на том свете ведут диалог Иван Грозный и Петр Великий. Грозный царь признал в Петре настоящего царя, от

---

¹ Аль Д.Н. Восстановление ума по черепу. С. 45.

² Там же. С. 48.

царского рода, и полностью одобрил все, что он делал¹, в этом была суть диалога. Но внутренний смысл мизансцены Альшица в том, что между тираном позднего русского средневековья и тираном советского времени было принципиальное единство в характере власти и действий. Различались только масштабы. Когда Сталин спросил царя, «сколько ты всего уничтожил врагов народа? Хотя бы приблизительно», тот ответил: «Очень много. Приблизительно около 4000 душ». После этого между тиранами произошел дальнейший разговор. Когда Сталин сказал, что это «Пустьяки какие-то», и что вообще не понятно, «не напрасно ли тебя при таких показателях прозвали Грозным?», царь сказал: «Чем меньше на мне греха, тем лучше». Но на аналогичный вопрос Грозного Сталин ответил: «На миллионы счет идет». Характерно завершение диалога. Узнав о переменах середины пятидесятих годов в стране, Грозный сказал: «Опасаясь, как бы наш дух из кремлевских хором не выветрился». На это Сталин, несравненно лучше понимавший реалии жизни общества к середине XX в., заявил: «Не выветрился! Сейчас, как я понимаю, наступила в Москве небольшая оттепель, что всегда сопровождается распутицей. Но оттепель, как известно, явление аномальное и временное. Так что скоро опять подморозит... И дух будет опять нормальный». В самом деле, так вскоре и случилось. После снятия Хрущева началась хоть и не прямая и открытая, но последовательная и настойчивая реабилитация Сталина, отступление от положений и выводов, сделанных на XX съезде КПСС, последующих партийных документов.

В обстановке конца пятидесятих годов постановка к 25-летию истфака ЛГУ, подготовленная Д.Н. Альшицем, была очень хорошо принята на факультете и относится к лучшим образцам среди любительских театральных постановок, поднимающих острые общественные темы.

---

¹ [Крекшин П.Н.] Краткое описание Славных и Достопамятных дел Императора Петра Великого, его знаменитых побед и путешествий в разные Европейские Государства со многими важными и любопытства достойными происшествиями, представленными разговорами в царстве мертвых Генерал-Фельдмаршала и кавалера Российских и Мальтийских орденов Графа Бориса Петровича Шереметева, боярина Федора Алексеевича Головина и самого сего Великого Императора с Российским Царем Иоанном Васильевичем, Шведским Королем Карлом XII, Израильским Царем Соломоном и Греческим Царем Александром. СПб., 1788.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Даниил Натанович Альшиц прожил большую яркую жизнь, исключительно богатую событиями. В его биографии – культурная семья и хорошая средняя ленинградская школа с усиленным изучением немецкого языка, исторический факультет ЛГУ с возможностями учиться у ведущих ученых страны, фронт и участие в обороне Ленинграда. Затем – перспективная работа в одной из ведущих библиотек страны и разработка интересной проблемы, относящейся к идеологии и культуре эпохи Ивана Грозного. И после этого пять лет сталинских лагерей с выходом на свободу с полной реабилитацией...

Не менее интересны последующие, хотя и не такие бурные, события его жизни. Среди них выделяется его деятельность как драматурга, создателя в соавторстве со своим коллегой по работе и другом Л.Л. Раковым комедии «Опаснее врага», которая вызвала самое широкое одобрение в кругах прогрессивной советской интеллигенции и настороженность партийной верхушки. Это также дальнейшая разработка проблематики, относящейся к Ивану Грозному и его времени, результатом которой стало обоснование им интересной исторической концепции с предпосылкой дальнейшего исследования эпохи Ивана Грозного.

Талант рассказчика, писателя и публициста, стремление передать личные впечатления от эпохи и поделиться своими размышлениями позволили ему оставить после себя ценные свидетельства об увиденном и пережитом. Воспоминания его о событиях Великой Отечественной войны, о тюрьме и лагере, о некоторых событиях культурной жизни Ленинграда относятся к произведениям, расширяющим представление об эпохе и написанных в своеобразном художественном стиле, с юмористической подачей самых порой мрачных эпизодов. Но при этом он сумел дать образы людей, не только хорошо запоминающиеся, но и типичные для своего времени при наличии в них глубоко своеобразных личностных черт. Галерею его образов

составляют историки Ленинградского университета, фронтовики – солдаты и офицеры, тюремщики и представители администрации места заключения, сами заключенные, деятели культуры и партийные чиновники. Альшиц критически высказывался по поводу положения итальянского эрудита XVI в. Скалигера о необходимости во всяком «добропорядочном» сатирическом произведении численного преобладания «положительных» образов над «отрицательными». Конечно, сатиры в воспоминаниях Альшица было немало. Но, тем не менее, несмотря на свое неприятие данного положения Скалигера, выходило так, что в воспоминаниях Альшица в самом деле герои, к которым в разной форме выражено авторское сочувствие и которые наделены некоторыми самыми симпатичными чертами, действительно преобладают. Это не случайно для него как для писателя. Человека приличного, порядочного, светлого он умел увидеть в самой сложной и неожиданной ситуации и убедительно передать особенности его личности и характера. И находил таких людей даже среди отдельных офицеров советской госбезопасности и на разных уровнях лагерной администрации. Все это вызывает доверие к достоверности написанного им и ценности сведений воспоминаний его как источника по истории советского общества. Но ему удалось создать образы и совершенно иных людей, с которыми пришлось столкнуться на жизненном пути, по существу показать, как тоталитарная система ломала и уродовала характер человека, формировала ради своей прочности и крепости «кадры» стукачей и палачей. Подобный исторический тип, без которого невозможно представить реалии советского прошлого, также выведен Альшицем.

При всем своем таланте рассказчика, проявившимся в разных текстах его воспоминаний, Д.Н. Альшиц был прежде всего историком, получившим очень хорошую подготовку на одном из ведущих исторических факультетов страны, под руководством выдающегося историка и источниковеда Михаила Дмитриевича Приселкова. Проблемой, которая живо его заинтересовала, была им поставлена под влиянием его научного руководителя, относилась она к анализу приписок к Царственной книге. Такая тема была перспективна как историческая тема, поскольку так или иначе ставила вопрос о форме и сущности российского самодержавия. Она была перспективна

в источниковедческом отношении, поскольку была направлена на исследование одного из наиболее сложных вопросов источниковедения позднего периода русского летописания. Альшиц путем разностороннего анализа материала и ситуации, в которой появлялись эти приписки, сделал вывод о принадлежности авторства приписок царю Ивану Грозному, в логическом отношении обоснованный очень четко и обстоятельно. Данный вывод, однако, при всей своей обоснованности не может выйти за рамки гипотезы, поскольку по черком этого царя наука не располагает, и проверить его на фактическом материале невозможно. Еще один вопрос, который заинтересовал Альшица в связи с проблематикой истории самодержавия и опричнины Ивана Грозного, оказалась российская историческая мысль этого периода, в частности, огромный труд по русской истории – Степенная книга. Указывая на явную фальсификацию в ней событий шестой степени, относящихся к княжению Всеволода Большое Гнездо, которому приписывалось самое активное участие в спасении попавшего в половецкий плен князя Игоря и в борьбе с половцами, Альшиц сделал вывод о глубокой идеологической подоплеке этой фальсификации. Цель ее – показать, что уже при Всеволоде Большое Гнездо, прямом предке Ивана IV, сложилось самодержавие, а этот князь выступал самодержавным монархом, спасавшим других русских князей. Но Альшиц парадоксально видел пользу от этой фальсификации для историка в том, что она представляла собой прямую полемику со «Словом о полку Игореве» и, по его мнению, служило доказательством создания «Слова» еще в эпоху глубокого русского средневековья. Со «Словом», в котором давалась совершенно иная характеристика действиям Всеволода, Степенная книга вела полемику, доказывая существование самодержавия на Руси в конце XII в. Альшиц также отрицал мнение об отмене опричнины в 1572 г. Никакой отмены в этом году он не видел. Указание немецкого автора Генриха Штадена об ее отмене он не считал надежным. В самом Штадене видел авантюриста, который в своем сочинении о России мог себя назвать опричником для придания себе большего веса перед своим покровителем в Лотарингии. За отменой упоминания об опричнине он видел сохранение системы власти в государстве, сформированной и закрепленной в опричные годы.

Историзм мышления Альшица сказывался в том, что утверждение самодержавия в России он считал результатом длительного политического развития Московской Руси в процессе объединения русских земель. Отсюда он пришел к выводу о необходимости более четкого и глубокого понимания периода, непосредственно предшествовавшего опричнине как политическому мероприятию, направленному на окончательное закрепление самодержавной власти. В качестве новой исследовательской темы он наметил поэтому историю Избранной рады и ее реформы, и прежде всего губную реформу. В контексте научного творчества Альшица такой интерес не случаен. Его всегда интересовало как самодержавие, так и силы, которые могли оказать сопротивление самодержавной тенденции в развитии страны с утверждением всеобщей несвободы. В социальном плане такую силу он видел, в частности, в купечестве. Отсюда у него столь пристальное внимание к повести о купце Харитоне Белоулине. В политическом же плане определенную перспективу имела такая альтернатива опричным порядкам, которую он видел в правлении Избранной рады. В ней он усматривал не только выражение компромисса социально-политических сил, но и опору на посадское население, которая нашла выражение в проведении губной реформы. Эту реформу Альшиц ценил очень высоко, ставя ее даже по своему историческому значению для России в один ряд с судебной реформой при Александре II.

Известно, что в рамках распространенной за последнее время апологии Ивана Грозного, когда дело доходит до возведения монументов царю-тирану, указывается на то, что демократические порядки с участием населения, посадских людей и черносошных крестьян в управлении имели место в его царствование. Альшиц, однако, хорошо разъяснял, что, во-первых, все эти меры были мерами не царя, а Избранной рады. И, во-вторых, то, что самодержавие их вообще допустило, он правомерно объяснял массовым народным движением, восстанием в Москве в июне 1547 г. Такое объяснение показательно. На основе его, во-первых, утверждается, что еще за сто лет до бунташного века при царе Алексее Михайловиче и за полсотни с лишним лет до Смуты массовое движение народа могло заставить власти пойти на демократизацию управления в стране. Во-вторых,

оно опровергает некоторые утверждения последнего времени о негативных в целом последствиях народной борьбы за свои права, восстаний и революций, что в этих массовых движениях только лишь находили свое выражение самые архаичные черты народной культуры и массового сознания. Конечно же, проявления культурной архаики в таких движениях имело место и проявлялось самым разным способом. Но, во всяком случае, московское восстание 1547 г. заставило проводить реформы в стране с учетом интересов разных слоев населения. Вместе с тем Альшиц правомерно обращал внимание на известную оценку Избранной рады как правительства компромисса, необходимое монархии до тех пор, пока она не окрепла и уже могла обойтись без поддержки на земские силы.

Таким образом, проблема власти и народа, власти и общества, по существу, коренная проблема отечественной истории, оказывалась в центре внимания Альшица. Особенно эта проблема касается времени царствования Ивана Грозного, когда тенденция к формированию неограниченной царской власти при всеобщей несвободе нашла свое полное и законченное выражение, когда опричнина закрепила эту систему, но такое закрепление в конечном счете привело к Смуте как к первой в русской истории гражданской войне. Поэтому, вполне возможно, что ставившиеся Альшицем вопросы, относившиеся к разным сторонам истории царствования Ивана Грозного, привели бы его к исследованию истории Смуты, в рамках той же исследовательской логики, которая двигала исследования выдающегося историка, работавшего на историческом факультете ЛГУ-СПбГУ, Р.Г. Скрынникова. Известно вместе с тем, что не все положения и выводы, выдвинутые и обоснованные им, были приняты в науке. Но, виду своей логичности и опоре на широкий фактический материал, который Альшиц знал очень хорошо как историковеда и археограф, они представляют значительный интерес и как историографический факт, и как объяснительная модель для происходивших в стране процессов.

Но если отечественная история для Д.Н. Альшица была областью его профессиональных интересов, то литература оказывалась для него второй сферой приложения его творческих сил, выходящей за рамки простого увлечения. Он при этом историю и литературу проч-

но связал в своем творчестве и дал два очень симпатичных образа историков. Одним из них был ефрейтор Нонин, в образе которого были переданы некоторые черты личности самого автора, поскольку, как и сам Альшиц, Нонин оказался на фронте, не успев закончить исторический факультет. По существу, тема историка на фронте намечалась у Альшица как особая тема не только в его творчестве, но и в советской литературе, посвященной Великой Отечественной войне. Другим историком, героем комедии «Опаснее врага», был Иззагардинер, глубоко знающий историю, и при некоторой своей робости, основанной на самой свежей памяти о недавнем времени массовых репрессий, не побоявшийся вместе с настоящими учеными выступить против ретрограда-директора и консервативного руководства института, отставшего от быстро меняющейся жизни и неспособного руководить современным научно-исследовательским процессом. Вообще в комедии образ историка Иззагардинера один из сильнейших, а конфликт между ним и кадровиком института, бывшим энкаведешником Мальковым, заявлявшим о том, что «нам нужна история только актуальная, за последний год», относится к центральным конфликтам произведения. В силу своей жизненности он особо привлекает зрительское внимание.

Самую существенную часть внутреннего мира Д.Н. Альшица составляли образы и сюжеты в произведениях классиков русской литературы, А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.П. Чехова. Один из вопросов, касающихся «литературной» стороны творчества Альшица, является вопрос о 18 строфах и восьми строчках из десятой главы «Евгения Онегина», авторство которых приписывалось нередко самому Альшицу. Приписывается несправедливо, все эти строки были известны до того времени, как Альшиц объявил о своей находке записи этих строф и строк в рукописном отделе Публичной библиотек. Невьясненным до сих пор остается вопрос, существовали ли листы с этими стихами, которые нашел Альшиц, или же история о неожиданной находке этих листов была его выдумкой с целью найти повод для освобождения из заключения. И едва ли он вообще может быть выяснен. Как позже заявлял сам Альшиц, эти листы пропали по не зависевшим от него обстоятельствам. Но, во всяком случае, ясно одно: Альшиц еще до своего

ареста в 1949 г. очень хорошо знал эти стихи и вообще проблему десятой главы романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Но Альшиц был не только знатоком литературы, но и театра, в своей театральной деятельности он поднялся до профессионального уровня. Этому способствовало его творческое содружество с выдающимся деятелем советской культуры, главным режиссером ленинградского Театра комедии Н.П. Акимовым, который поставил в своем театре комедию «Опаснее врага». Образцом постановки на любительской сцене с расчетом на профессиональную аудиторию, историков ЛГУ, была творческая работа Альшица и творческого коллектива историков факультета в 1959 г., к 25-летию истфака ЛГУ, юмористических мизансцен на исторические темы, а также связанных с особенностями исторического образования. Эта постановка и написанный к ней Альшицем текст пользовалась значительным интересом в профессиональной среде, далеко за пределами исторического факультета ЛГУ.

Не удивительно, что Даниил Натанович Альшиц оставил о себе глубокую и самую светлую память. В связи со столетием со дня его рождения 7 февраля 2019 г. по месту его основной работы, в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, состоялся вечер его памяти¹. На нем присутствовали сотрудники библиотеки, представители Санкт-Петербургского государственного института культуры, где Альшиц преподавал в течение долгого времени, с шестидесятих годов. Присутствовали также представители интеллигенции Санкт-Петербурга, члены семьи Даниила Натановича, его вдова Тамара Александровна Мельникова, очень много делающая для популяризации его творческого наследия, его сын, известный сценарист Олег Данилович Данилов.

Открывая вечер, заведующий Отделом рукописей РНБ А.И. Алексеев в своей краткой речи заявил, что Д.Н. Альшиц проработал в отделе более тридцати лет и сделал в ходе этой работы свои открытия. Особо он отметил, что Альшиц еще в шестидесятые годы спас отдел от попытки избавиться от «непрофильных фондов» и перенести рукописи в несколько архивов Министерства внутренних дел. Альшиц, по его словам, не только выдающийся ученый, но и остро-

¹ Видеорепортаж с вечера памяти Д.Н. Альшица 7 февраля 2019 г. в РНБ см.: <http://nlr.ru/manuscripts/RA1735/Daniil-Alshits>

умнейший человек и жизнелюб. Об Альшице как о выдающимся ученом говорили его коллеги-историки А.П. Павлов, М.Б. Свердлов, А.В. Сиренов. По оценке А.П. Павлова, Альшиц был очень серьезным ученым и предложил целую концепцию истории России, причем не только времени Ивана Грозного, но и концепцию, относящуюся в целом к российской истории. В основе этой концепции был взгляд на опричнину как на историческое явление, которое не только сохранилось после своей формальной отмены в 1572 г., но и определило характер развития политического строя страны как самодержавия. Как говорил А.П. Павлов, Альшиц подчеркивал, что и после 1572 г. в составе двора находились люди из последнего опричного призыва, или те же опричники. Значение этого вывода Альшица А.П. Павлов видел в том, что тем самым проблема характера политического строя в государстве приобрела особую остроту. Постановка этого вопроса была, как отмечал А.П. Павлов, не случайной, поскольку тем самым по-своему ставил вопрос об альтернативности в историческом развитии России, который ранее и на другом материал ставил Н.Е. Носов.

На склонность Альшица к парадоксальному и даже шокирующему решению сложной проблемы как к своеобразному методу ее исследования указывал А.В. Сиренов. Он подчеркнул, что творчество соответствовало традициям петербургской исторической школы, и связал это с особым вниманием к источнику, прежде всего к такому, как Лицевой летописный свод и приписки к нему. По его словам, Альшиц впервые рассмотрел приписки к Лицевому летописному своду как единый корпус источников, в контексте с другими памятниками летописания и политической ситуацией того времени. Отсюда блестящее, по оценке А.В. Сиринова, положение о принадлежности этих приписок Ивану Грозному. С этим положением историческая наука не согласилась, но при этом, по оценке А.В. Сиринова, не было и доказательств обратного, то есть отсутствия авторства царя. По оценке А.В. Сиринова, вывод Альшица об Иване Грозном как об авторе приписок к своду – в определенной степени провокация, или намеренное заострение проблемы с целью привлечь к ней внимание.

М.Б. Свердлов вспоминал о своем знакомстве с Даниилом Натановичем, которое произошло еще в то время, когда он учился на историческом факультете ЛГУ. С особой теплотой он вспоминал ка-

пустник 1959 г. к двадцатипятилетию истфака. По его словам, это были замечательные годы, когда прошли времена «совиных крыл с топором», когда «на душе стало легко», и эти настроения требовалось как-то выразить, что Альшиц блестяще сумел сделать. М.Б. Свердлов также вспоминал. Как Даниил Натанович приносил и раздавал студентам билеты на комедию «Опаснее врага», и какое впечатление комедия производила на людей. Вообще, по словам М.Б. Свердлова, ситуация в ЛГУ в те годы была просто «потрясающая», постоянно шли дискуссии среди студентов, в которых участвовали и профессора. Но все это продолжалось, по его словам недолго, до 1964 г.

Поразительную силу духа Даниила Натановича отметил писатель и сценарист М.Н. Кураев. Говоря о том, сколько в жизни пришлось вынести Даниилу Натановичу, он указал на одну поразившую его деталь из его книги «Хорошо посидели». Когда он спросил Альшица, почему в этой книге нет плохих людей, то Альшиц ему ответил, что о них и писать нечего, они того не стоят. Отмечая склонность Альшица к сатирическому восприятию тех или иных событий и явлений в жизни, М.Н. Кураев привел недавний случай, когда глава правительства России заявил о необходимости присвоения периодической таблице имени Д.И. Менделеева. «Где Вы, Даниил Натанович? Это для Вас», – сказал он, имея в виду, что Альшиц бы непременно обыграл в комическом ключе такое напыщенное заявление.

Исключительно высоко оценивая вклад Даниила Натановича в историческую науку, в российскую культуру, учитывая пройденный им жизненный путь, в котором нашли свое индивидуальное выражение важнейшие события новейшей России, филолог и литературовед В.Н. Сажин поставил вопрос о необходимости специального исследования, посвященного этому замечательному человеку.

Вплоть до последних годов Д.Н. Альшиц вел активную жизнь, читал лекции, выступал со своими воспоминаниями об эпохе и ее людях, о том, что довелось ему вынести и пережить. Заинтересованного слушателя, читателя своих книг, он имел всегда, что и побуждало его на исходе жизни издать серию своих воспоминаний и размышлений о пройденном пути, о войне и сталинском лагере, о литературе и театре. Это был человек, в судьбе которого своеобраз-

но отразилось свое время, представитель поколения отечественных историков, закладывавших и развивавших по-своему основы науки, победителей в Великую Отечественную войну и узников ГУЛАГа. Эпоха новейшей истории прошла через его жизнь, как и через жизнь множества людей. Жизнь Д.Н. Альшица, все, им написанное, является выражением своей эпохи, выражением, безусловно, субъективным, но от этого еще более интересным. Он предстает в ней в качестве феномена свободной и яркой творческой личности в несвободном обществе. Типичное и индивидуальное, общее и особенное в ней нашли свое соединение. Поэтому знание биографии и творческого наследия Даниила Натановича Альшица дает более полное и глубокое представление о новейшем периоде отечественной истории, на который пришлась его жизнь.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

1938, апрель. Отзыв научного руководителя М.Д. Приселкова о работе первокурсника Д.Н. Альшица¹

ОТЗЫВ

О сочинении студента 1-го курса исторического факультета Ленинградского Государственного Университета АЛЬШИЦА Д.Н.

Работа тов. АЛЬШИЦА Д.Н. обнаружила с несомненной очевидностью отличные способности автора к стройной и логической мысли, к глубокому исследовательскому интересу в чтении и толковании древних исторических текстов, наконец, к особенной, всегда яркой и выразительной манере изложения. За краткостью времени, которое было предоставлено тов. Альшицу для написания работы, мною, как руководителем, были указаны автору те летописные и внелетописные тексты, над изучением и толкованием которых он потрудился. На первом месте древнейшее изложение о Куликовской битве в Московской Княжеской летописи, сохраненная нам через общерусский свод 1408 года в его использовании так называемой Симеоновской летописью, затем рассказ Новгородской I летописи, как древнейшего из сохранившихся Новгородских рассказов о Куликовом поле, через Новгородский свод 1421 года, затем рассказ Новгородской же, но позднейшей, 1448 года, сохраненный Новгородской IV-й летописью, и, наконец, поздний московский рассказ Никоновской летописи, отразивший уже Московскую оценку этого события XVI века. Из летописных рассказов, собранных у Шамбинаго, надлежало, конечно, остановиться только на Поведении Софония.

Вероятно, изучение только этих рассказов, летописных сказов, без изучения всех этих сводов в целом, как политических памятников – делают работу тов. АЛЬШИЦА со строго-научной точки зрения только эскизом, за которым читатель вправе ждать дальнейшего

---

¹ Машинопись.

изложения, с вовлечением в него изучения самих затронутых сводов. **18 // 18 об.**

Но надо вспомнить, что такое изучение ее только стучится в двери нашей науки и потребует, конечно, продолжительных штудий. Можно сказать даже так, что самое задание т. Альшицу разобрать только вырванные куски из летописных сводов имело в виду заинтересовать неученый круг в изучении летописных сводов, как политических памятников, указать на возможность целого ряда научных при том наблюдений, по поводу могущих осветить нам наше прошлое.

Как руководитель и как первый читатель работы тов. Альшица должен сказать, что выпавшую на него задачу он выполнил превосходно. Конечно, можно указать на увлечение его в толковании текстов, в превышении логичности построения над теми данными, которые были перед автором в текстах. Все это не должно закрывать перед нами тот успех, которого автор в основном достиг, заставив за казалось бы. Спокойным и неторопливым изложением летописцев разглядеть политические комбинации и ухищрения в изложении, за которыми, как он правильно указал, чувствуется созревание воли великого народа самостоятельной политической жизни.

Если товарищ Альшиц в своей дальнейшей работе в Университете будет также успешно трудиться над историческими темами прошлого нашего Союза, при полном успехе прохождения курса исторического факультета, нет никакого сомнения в том, что в его лице мы получим талантливую и тонкую исследователя и ученого работника.

Профессор М. Приселков

«   » апрель 1938 год

Верно: (подпись – В. Мавродин)

(ОАД РНБ. Ф. 10/1. Личное дело аспиранта Альшица Д.Н. Л. 18–18 об.)

№ 2

**1945, июнь (?). Копия отзыва д.и.н. профессора
В.В. Мавродина о дипломной работе Д.Н. Альшица¹**

Копия

ОТЗЫВ

О дипломной работе Д. АЛЬШИЦ «Иван Грозный и приписки к
лицевым сводам его времени»

Говоря о работе Д. Альшиц, прежде всего хочется подчеркнуть, что в отличие от многих дипломных и курсовых работ, он представляет собой отнюдь не более или менее удачную компиляцию, не сводку, не нечто в заголовке имеющее: «еще раз к вопросу», а оригинальное исследование.

С автором можно не соглашаться, можно спорить, а это уже само по себе является высокой оценкой для дипломанта, можно, пожалуй, упрекнуть его в некоторой смелости, обусловленной, да простит мне наш дипломант, задором молодого исследователя, но кто может отнести все это к отрицательным качествам? Я не буду говорить о содержании работы. Это сделал сам дипломант. Хочу остановиться прежде всего на приемах исследования.

Прежде всего т. Альшиц дает характеристику анализируемого им «Синодального списка», а затем переходит к тому, что больше всего его интересует и является предметом его исследования – к припискам и поправкам, сделанным неизвестной рукой.

Первый вывод, к которому приходит дипломант «редактор этот был несомненно человеком, облеченным большими полномочиями и большой властью. Это явствует из того, как безжалостно своими поправками и приписками он портит драгоценные листы летописи.

Об этом же говорит и повелительный тон приписок.

Затем т. Альшиц переходит к «царственной книге», представлявшей собой переписанный начисто «Синодальный список» за годы 1533–1553. Все замечания редактора «Синодального списка» были тщательно учтены переписчиком «царственной книги», но и этим не удовлетворился требовательный редактор. **20 // 20 об.**

На «царственной книге» той же рукой сделаны подробные замечания, на этот раз – взгляды редактора отличаются от тех, убеждений,

¹ Машинопись.

которые характеризовали его, когда он работал над «синодальным списком». В какую сторону эволюционировали его политические взгляды? Он все больше и больше подчеркивая свою ненависть к боярам, к эпохе боярского правления, к порядкам и традициям удельной поры, свою приверженность к централизованной системе, к самодержавию. Кто он, этот таинственный редактор?

Прежде всего т. Альшиц приходит к выводу, что «синодальный список» составлен до 1564 года, а «царственная книга» после 1564 года. Вехой является опричнина.

Редактор обладает исключительной властью, о чем свидетельствует тон его приписок по поводу даже самого Грозного. Редактор – человек исключительной культуры и образованности. Он в курсе буквально всех политических событий. Он очевидец взятия Казани. Он хорошо знаком по документам с рядом событий 50-х годов.

Редактор не является одним из приближенных Грозного, ибо все они были в то или иное время скомпрометированы.

Кто соответствует всем этим признакам?

Сам Иван Грозный, – отмечает тов. Альшиц.

И в доказательство этого своего положения он проводит исключительно кропотливую работу по сличению текстов приписок к летописи с текстом письма Грозного к Курбскому. Исключительное совпадение не только мыслей, но порой выражений, оборотов речи, слов подтверждает предположение дипломанта.

Исследование т. Альшица представляет большой интерес для всех нас, занимающихся историей СССР. Могу поздравить тов. **20 об. // 21** Альшица с успехом и настоятельно рекомендую его работу напечатать в «Ученых записках».

Этим выводом я освобождаю себя от обязанности заявить о своем отношении к работе тов. Альшица, как дипломанта. Она стоит выше того уровня, на котором должна, вернее сказать, может стоять дипломная работа.

Официальный оппонент

Доктор исторических наук

Профессор

Мавродин

Верно:

(ОАД РНБ. Ф.10/1. Личное дело аспиранта Альшица Д.Н. Л. 20–21)

№ 3

1945, после июля. Отзыв Государственной Публичной библиотеки о реферате аспиранта Д.Н. Альшица¹

ОТЗЫВ

О реферате Д.Н. Альшица «Исторические рукописные фонды Гос. Публичной Библиотеки им. М. Салтыкова-Щедрина».

Реферат т. АЛЬШИЦА составлен частично по русской и иностранной литературе, частично же является результатом его собственной исследовательской работы над рукописными фондами Публичной библиотеки, когда – редкое для студента обстоятельство – он систематически привлекал рукописные источники для докладов в семинаре проф. М.Д. Приселкова и для своей дипломной работы, заслужившей высшую оценку специалистов и обнаруживающей высокое мастерство источниковедческой и палеографической критики. Реферат был бы хорош даже для сотрудника Рукописного Отдела Библиотеки, для начинающего аспиранта его следует оценить, как отличный. Автор прекрасно ориентируется в крупнейших русских и иностранных фондах, оценивает их под углом зрения современной науки и обнаруживает ясное понимание необходимости их комплексного изучения для решения ряда теоретических вопросов в области палеографии и источниковедения. В лице т. АЛЬШИЦА Рукописное Отделение приобретает очень одаренного аспиранта с прекрасной общей подготовкой и ярко выраженными интересами в области изучения рукописных исторических источников.

ЗАМ.ДИРЕКТОРА ПО НАУЧНОЙ ЧАСТИ

доцент исторического факультета

Лен. Гос. Университета

(подпись карандашом выцвела)

(ОАД РНБ. Ф. 10/1. Личное дело аспиранта Альшица Д.Н. Л. 22)

---

¹ Машинопись

№ 4

**1945, после июля. Обоснование темы аспиранта ГПБ
Д.Н. Альшица¹**

Тема диссертации

Аспиранта Г.П.Б. им. Салтыкова-Щедрина
«Приписки на рукописях лицевого свода XVI века,
как исторические источники»

Аннотация.

- I. Исследованию в данной диссертации подлежат рукописные летописные сборники XVI века, изготовленные во времена Ивана Грозного, хранившиеся в Рукописном отделе Г.П.Б. им. Салтыкова-Щедрина, частично в Историческом музее в г. Москве.

главным образом: а) Синодальный список Лицевого свода. Эта рукопись является последним томом лицевого свода, посвящена царствованию Ивана Грозного и охватывает события 1535–1567 годов. Рукопись насчитывает 626 листов, писанных полууставом различных почерков и украшенных цветными рисунками.

Характерной особенностью этой рукописи является то, что на многих ее листах неизвестная рука сделала многочисленные приписки и поправки весьма важного политического характера.

б) т.н. «Царственная книга».

Эта рукопись является не чем иным, как переписанной с учетом всех сделанных поправок – предыдущей летописной книгой «Синодального списка». Рукопись содержит 683 листа и охватывает период с 1533 – по 1553 годы. Характерной особенностью этой рукописи является то, что на ее листах тот же редактор сделал множество новых приписок важнейшего политического содержания, **50 // 50 об.** частично противоречащим припискам, сделанным им же самим в первом случае.

¹ От руки.

- с) т.н. Лебедевский список Никоновской летописи. Рукопись XVII века, являющаяся продолжением Лебедевского списка и копией Лицевого свода за годы 1563–1567.
- II. Источниковедческими задачами изучение указанных рукописей являются:
- а) На основании изучения текста лицевых сводов и материала, на котором и с помощью которого они изготовлены – выяснить время составления перечисленных рукописей, что до настоящего времени не сделано.
- б) Определить время составления приписок 1-й редакции и время появления приписок 2-й редакции.
- с) Установить автора приписок.
- III. Историческое значение источниковедческих данных, даваемых исследованием указанных рукописей. Приписки к лицевым сводам являются важнейшим историческим источником, сообщающим значительно подробнее самих летописей о¹ важнейших событиях царствования Ивана Грозного. Между тем, их происхождение не ясно. Установление их автора и времени их появления² раскроет для использования в исторической науке эти замечательные памятники древнерусской письменности.
- Первая часть настоящей работы Д.Н.Альшица уже выполнена и принята к печати в разделе «Источниковедение» «Исторических записок» Академии Наук СССР.

(ОАД РНБ. Ф. 10/1. Личное дело аспиранта Альшица Д.Н. № 1. Л. 50–51)

¹ После слова «о» зачеркнуто слово «событиях».

² После слова «появление» строка вычеркнута.

№ 5

**1947. Отзыв официального оппонента, ст. науч. сотр.
ЛОИИ В.Г. Геймана на кандидатскую диссертацию
Д.Н. Альшица «Приписки к лицевым летописным
сводам XVI века»¹**

Рассматриваемая диссертация подразделена ее автором на «Введение» и 7 глав. Во введении даются общие сведения о лицевых летописных сводах, послуживших основой для данной работы, причем особенно отмечается автором то весьма прискорбное для предшествовавшего научного изучения обстоятельство, что целый ряд исследователей игнорировал тот факт, что подлинный рукописный текст этих сводов состоит из основного текста и позднейших поправок к нему в виде особых приписок на полях и между строк рукописи и рассматривал этот разнородный текст как единое целое. Автор обращает особое внимание на то обстоятельство, что редакционные поправки или приписки к основному тексту производились дважды. Сначала они были сделаны на так называемом Синодальном списке летописи, а затем, после того, как Синодальный список был набело переписан с исправлениями согласно этих приписок в новый свод, **1 // 1 об.** получивший в нашей науке наименование Царственной книги, и в этот последний переработанный текст тем же редактором были снова внесены новые еще более многочисленные поправки. Первая глава исследования и устанавливает хронологию приписок как первой, так и второй редакции.

Прежде всего автор мастерски доказывает здесь возможность разделения Синодального списка, обнимающего период времени с 1535 по 1567 гг., на две части, одновременно подготовленные – первую, говорящую о событиях до 1560 г., и вторую – с 1560 по 1567 г. Помимо логических и исторических тому обоснований т. Альшиц, проявляя большое научное палеографическое и археографическое чутье, находит здесь и чисто палеографическое обоснование. Рассматривая летописный текст, т. Альшиц обращает внимание на обилие киноварных заголовков в тексте описания событий, относящихся ко

¹ От руки, на листах ученической тетради.

времени ранее 1560 г. и на отсутствие этих заголовков после 1560 г. «Налицо другая манера изложения», – говорит автор. **1 об. // 2** До 1560 г. летописный текст состоит из отдельных рассказов, каждый из которых имеет свой киноварный заголовок. После 1560 г. писец писал все подряд, ограничиваясь лишь обычными для всякой летописи подразделениями – бесконечными пометами «такого-то лета», «такого-то месяца». Прекрасно зная литературу своего предмета, автор привлек сюда и данные «описи царского архива», напечатанной в I т. Актов Арх. Эксп. Оказывается, что в этом архиве, в ящике № 224, хранились: «списки, что писати в летописец – прибраны от лета 1560 до лета 1566 и до 1568», т.е. особо хранилась подготовленная уже для дальнейшей редакции вторая часть Синодального списка. Царственная книга успела перебелить Синодальный список с поправками лишь за годы 1533–1554. Но на перебеленный таким образом текст тот же редактор, как уже отмечалось выше, внес большое¹ количество новых приписок, иногда в корне меняющее уже выправленный им текст, причем всегда в тенденциозном духе оправдания всех поступков царя **2 // 2 об.** и обвинения бояр в крамолах и изменах. Автор справедливо замечает (цитирую): «это какие-то особо важные сдвиги произошло в жизни Московского двора в период между этими двумя редакциями, сдвиги, заставившие переосмыслить всю историю первых лет царствования Ивана Грозного и в ряде случаев прямо очернить то, что до этого было названо хорошим». Автор, по-моему², впервые в нашей науке намечает здесь³ стадильность работы над лицевым сводом летописи и в этом большая его научная заслуга. Отмечая, что «годом великих потрясений и перемен, годом, ставшим водоразделом для многих явлений жизни в Московском государстве, является год измены Курбского, год отъезда царя в Александровскую слободу, год учреждения опричнины – год 1564», автор, путем целого ряда метких научных наблюдений, с которыми трудно не согласиться, доказывает, что Синодальный список редактировался до 1564 г., а Царственная книга – после этого года.

¹ Слово «большое» вписано вместо зачеркнутого слова «огромное».

² Сверху карандашом к этому слову написано: «если не ошибаюсь».

³ Слово «здесь» вместо зачеркнутого «таким образом».

Глава II-ч, озаглавленная «Письмо Ивана Грозного к Курбскому от 5 / VII 1564 г. и приписки», является **2 об.** // **3** одной из центральных глав рассматриваемой работы, т.к. автор делает свой основной вывод, а именно, что автором приписок является сам царь. В начале главы Д.Н. Альшиц подводит своего читателя к этому выводу путем целого ряда летописных умозаключений, с которыми трудно не согласиться и на подготовленную таким образом почву бросает свой наиболее веский аргумент – никогда до него¹ не производившееся сравнение приписок с письмом Ив. Грозного Курбскому. В этом новом методологическом приеме я, между прочим, усматриваю полную научную зрелость автора, доказанную им способность к научной работе, к завершившемуся уже перерастанию его из «аспиранта» в кандидата наук. Мастерски проведенный анализ сходства, и даже отличий между содержанием письма и содержанием «приписок», автор, по моему мнению, весьма сильно подкрепляет высказанное им мнение об авторстве Грозного. Я не буду подробно останавливаться на содержании этой главы, но уилленно рекомендую всем интересующимся историей **3 // 3 об.** эпохи Ивана Грозного прочесть ее целиком, благо она входит в напечатанную уже в 23-м вып. «Исторических записок» статью Д.Н. Альшица «Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени».

Особо отмечу лишь одно наблюдение² автора, сделанное все по тому же поводу сравнения «приписок» с письмом, – это внесенную в приписку характеристику Сильвестра. Приводя эту характеристику, автор справедливо замечает, «что этот рассказ о Сильвестре, приписанный к летописи, не похож на летописное изложение. Это – самый настоящий памфлет, пропитанный иронией, столь излюбленной царем Иваном».

В гл. III автор снова возвращается к анализу описи царского архива и на основании пометок на этой описи, отмечающих, между прочим, когда и какие именно архивные материалы отсылались к царю по его требованиям, устанавливает совершенно точную прямую связь между содержанием затребованных царем на просмотр дел архива с **3 об.** // **4** содержанием приписок на полях Синодаль-

¹ Слова «до него» вписаны вместо зачеркнутого слова «ранее».

² Перед словом «наблюдение» слово «обстоятельство» зачеркнуто.

ного списка и Царственной книги. Отсюда естественный для автора вывод, что царь Иван Грозный делал свои поправки-приписки, по крайней мере, в некоторых случаях сверяясь с подлинными архивными документами.

В гл. 4 автор старается доказать, что в приписках на полях рассматриваемых лицевых летописей мы имеем не только авторский труд Ивана Грозного, но и его автограф. Можно сказать, что путем тонкой графологической экспертизы, путем целого ряда остроумных наблюдений над текстом приписок, над самим характером, над текстом письма, т. Альшиц приходит к выводу, что автором приписок «проведена самая настоящая корректура «при чем (цитирую): «исключается всякая другая форма работы, кроме как личное чтение текста и внесение поправок в процессе этого чтения тем лицом, которое читает». В начале этой главы т. Альшиц пишет: «естественно, что отсутствие до сих пор **4 // 4 об.** в нашем распоряжении автографа Ив. Грозного делает обнаружение такого автографа весьма желательным и ценным. Это, конечно, совершенно верно! Д.Н. Альшиц не колеблясь видит в рассматриваемых приписках обнаруженный им, наконец, подлинный автограф Грозного. Мне понятен научный энтузиазм молодого исследователя, делающего интересное научное открытие, а здесь даже целых два открытия – и авторство Грозного, и его автограф! Вся работа строится так логически тонко, так одно положение логически вытекает из другого, так один вывод влечет за собой другой, что вся красивая эта концепция вызывает впечатление прекрасных кружев ручной работы, где каждая петля связана с другой и все вместе дают прекрасный, законченный в своей цельности узор. Логика автора часто побеждает самый скептический ум и, я бы сказал, что автор меня почти убедил в справедливости всех своих выводов. Но все-таки не совсем, а почти совсем. Я не исключаю само **4 об. // 5** критической мысли, что мой скепсис можно отнести просто свойственной старости осторожности. «Сногшибательные» новости обычно воспринимаются старыми людьми с некоторым недоверием, причем весьма часто необоснованным, а, так сказать, интуитивным. Каюсь, что формулировка академика С.Б. Веселовского, высказанная им по тому же поводу, мне как-то ближе, для меня приемлемее, чем формулировка т. Альшица. Формулировка С.Б. Весе-

ловского гласит: «Все поправки, приписки, интерполяции Царственной книги, сделанные одним почерком и одним лицом ... сделаны при непосредственном близком участии самого царя с определенной тенденцией...». Это почти то же, что иконцепция альшица, но все-таки только «почти», и это «почти» меня устраивает.

Д.Н. Альшицу представляется, что установить, что «приписки» – это есть действительно автограф Грозного очень легко. Стоит согласиться, что Иван Грозный – автор приписок, и тогда необходимо будет признать, **5 // 5 об.** что приписки являют нам его подлинный автограф. Я бы, со своей¹ скучной осторожностью, перевернул бы это рассуждение наоборот. Найдите мне подлинный, бесспорный автограф Грозного и если почерк «приписок» будет хоть несколько схож с почерком этого автографа – я охотно поверю что и автор их сам Грозный, и писал он их сам! Но этого пока нет.

Самой большой по объему главой рассматриваемого труда является глава VI – «приписки, как исторический источник» – и в этой главе автором ставится и разрешается по-новому, совершенно оригинально, вопрос об одном из основных и важнейших эпизодов времени царствования Ивана Грозного, о так называемом боярском мятеже у постели смертельно заболевшего царя в 1553-м году, эпизоде, изложенном в приписке Царственной книги под этим годом.

Со времени одного из наших первых историков – кн. Щербатого и до наших дней, т.е. за отрезок времени в 150 лет, все наши историки, в том числе и крупнейшие, как, например, Карамзин, **Со 5 об. // 6** ловьев, Ключевский, Платонов, Пресняков и др., посвящали этому мятежу пристальное внимание, придавали ему большое значение, отмечали его влияние на дальнейший ход событий царствования Ивана Грозного. Нужно иметь большую научную смелость и убежденность в своей правоте, чтобы открыто прийти к выводу, что такого мятежа вообще никогда не существовало! И вот молодой советский исследователь – Даниил Натанович Альшиц – пришел именно к такому выводу. Я только что говорил о своем осторожном отношении к «сногшибательным» выводам и открытиям и, однако, должен со всей прямотой сознаться, что в данном случае т. Альшиц убедил меня. Убедил неотразимой логикой, убедил мастерским ана-

¹ После слова «своей» слово «стороны» зачеркнуто.

лизом противоречивых и им же впервые сопоставленных первоисточников.

Чтобы не затягивать своего отзыва, я не буду подробно излагать аргументацию автора в пользу его¹ вывода, тем более потому, что, насколько мне известно, эта глава уже принята для **6 // 6 об.** напечатания в одном из очередных выпусков «Исторических записок» и в скором времени все желающие смогут легко с нею ознакомиться. Отмечу еще лишь одно. По-видимому, именно² к такому же выводу пришел одновременно с Д.Н. Альшицем С.Б. Веселовский. О каком-либо заимствовании мыслей одним автором у другого не может быть и речи. Живут они в разных городах, друг с другом не знакомы, и работы на эту тему ни того, ни другого автора нигде еще не опубликованы. Вообще пока еще нельзя полностью сказать, в чем их мысли совпадают, и в чем расходятся. Я позволю себе все же более полно, чем раньше, привести соответствующую цитату из последнего труда С.Б. Веселовского³.

«...Внимательное исследование этого источника [т.е. Царственной книги] показывает, что все поправки, приписки и интерполяции Царственной книги, сделанные одним почерком и одним лицом, – позднего происхождения; **6 об. // 7** они сделаны лет 18–20 спустя после болезни царя 1553 г. при непосредственном близком участии самого царя и с определенной тенденцией – оправдать царя в казни старицких князей в 1569 г. Подробно этот вопрос я излагаю в особой статье».

К сожалению, указанной статьи С.Б. Веселовского я не знаю, очевидно она существует пока только в рукописи. Из приведенной же цитаты можно вывести лишь следующие разногласия: С.Б. Веселовский считает, что рассказ (приписка) о мятеже 1553-го года был составлен в 1571–1573 гг.; Д.Н. Альшиц – что в 1567–68 гг. С.Б. Веселовский считает, что тенденция рассказа – это оправдание царя в казни старицких князей в 1569 г.; Д.Н. Альшиц – оправдать царя вообще в казнях и опалах времен опричнины 1564–1568 гг.

¹ Слово «его» поставлено вместо зачеркнутого слова «своего».

² Зачеркнута фраза: «к близкому к только что изложенным по данному вопросу».

³ Сноска В.Г. Геймана: Веселовский С.Б. Последние уделы в С.-В. Руси // И.З. Вып. 22. С. 105–106.

Как видим – различия, не имеющие никакого принципиального значения и вообще, по сути своей, весьма малозначительные. И вот мне хочется отметить, что маститый академик и молодой аспирант одновременно и независимо один от другого приходят к то **7 // 7 об.** жественному новому научному открытию. Из этого я делаю вывод, что молодой аспирант, научно мыслящий как и академик, уже заслуживает по крайней мере степень кандидата исторических наук: зрелость его научной мысли не подлежит никакому сомнению.

Из этой главы я позволю себе остановиться еще на оном моменте. Свой вывод о необходимости, так сказать, ликвидировать легенду о так называемом открытом боярском мятеже 1553 г. т. Альшиц строит главным образом на противоречиях разновременных приписок и на подмеченной им попытке Грозного согласовать эти противоречия – попытке. Оставшейся не законченной, т.к. вообще прекратилась работа по составлению лицевого свода. «Если бы, говорит автор, Грозный успел согласовать эти противоречия в приписках, то, в случае окончания работ над лицевыми сводами, черновики со следами приписок были бы, вероятно, уничтожены, и вся, видимая нам теперь, сложная история приготовления летописного рассказа осталась бы навсегда скрытой от **7 об. // 8** ровными строчками полуустава. Нет сомнения в том, что немало чистовых листов наших летописей имеют свою черновую историю и что, памятуя об этом, нельзя без соответствующей пробы принимать их известия за чистую монету». Может быть, мысль эта и не нова, но она снова подтверждается автором на таком же конкретном материале, что невольно вновь оживает и призывает исследователей к сугубой осторожности при работе над летописными текстами.

На этом, собственно говоря, я и могу закончить свой отзыв. Вся работа написана прекрасным легким языком, читается свободно и просто, несмотря на то, что она представляет собою, как я уже указал выше, тончайшую филигранную работу – плетение кружевного узора. Только в свете этой чеканной точности мысли и аргументации я и позволю себе сделать несколько замечаний о некоторых мелочах, которые не имеют никакого принципиального значения, но которые мне хотелось бы вы **8 // 8 об.** править, т.к. в этой кружевной работе даже самые мельчайшие неровные петли не должны быть заметны.

На стр. 67 автор употребляет следующее выражение (цитирую): «Мы видим среди этих документов поручные записи и при том именно с тех лиц, которые отрицательно упоминаются в приписках». Во-первых, «поручные записи» даются по ком-либо, а не с кого-либо (дипломатика), а, во-вторых, «отрицательно упоминать кого-либо» нельзя, можно упоминать кого-либо с отрицательной стороны, но «отрицательно упоминать» – значит просто не упоминать. Мне могут сказать, что это уже просто придирка, но я уже говорил, что работа в целом написана таким прекрасным языком, что режут ухо даже такие мелкие шероховатости.

На стр. 85 говорится, что «царь составлял специальное толкование для того, чтобы русские послы распространяли его за границей, «аще учнут спрашивать» их об этом событии». Это, конечно, не специфика царя Ивана Грозного, как, по-видимому, считает т. Альшиц и как могут подумать его читатели, а обычная дипломатическая **8 об. // 9** практика того времени – и раньше, и позже. Наказы послам пестрят подобными указаниями, но кто их составлял, сам ли царь (это мало вероятно), Боярская-ли Дума или, может быть, и сам Польский приказ – сказать трудно.

На стр. 127–128 дается объяснение, почему князь Дмитр. Палецкий, изображенный первоначально в сравнительно мягких тонах, в последующей приписке изображается активным заговорщиком. Объясняется это, согласно мнению т. Альшица, тем обстоятельством, что поскольку дочь кн. Палецкого была замужем за братом царя, то кн. Палецкий являлся царским родственником (свойственником), а после смерти царского брата в 164-м году перестал быть таковым. Отсюда будто бы в приписках, написанных до 1564 г. (еще родственник), смягчение тона, а в приписках после 1564 г. (перестал быть родственником) – усиление тона. Объяснение это с моей точки зрения довольно наивно: хорошо ведь известно, что Иван Грозный, когда считал это необходимым, **9 // 9 об.** вовсе не стеснялся¹ казнить и ближних и дальних своих родственников, вовсе не считаясь с родством!

На стр. 215–216, приводя текст Симеоновского списка о свадьбе царя, т. Альшиц отмечает, что перед словами «дщерь Романа Юрье-

---

¹ Вместо вычеркнутого слова «считался».

вича» арь вставил слова «окольного своего» и объясняет это тем, что царь хотел этим подчеркнуть высокое положение своего тестя. Но вряд ли это так: чин окольного для родовитого боярства был унижительным¹.

Впрочем все это мелочи. Может быть несколько более серьезным является следующий вопрос – если я сам здесь чего-либо не просмотрел, хотя читал работу Д.Н. Альшица внимательно. На стр. 25–26 отмечается случай (с боярином Тучковым), когда в Царственной книге, всегда точно переписывающей Синодальный список с его приписками, вдруг дается другой рассказ, а приписка вовсе опускается. Автор очень хорошо объясняет, почему пона **9 об.** // **10** добился другой рассказ, но для читателя остается неясным, когда же и кем было допущено это изменение текста. Создается² впечатление, что текст Синодального списка перед перепиской его в Царственную книгу выправлялся кем-то помимо и вопреки царским припискам. Но это противоречит всей концепции автора, тем более, что на стр. 33 он категорически утверждает: «нашего редактора никто уже не поправлял и не дополнял».

Я полагаю, что для каждого ясно, что отмеченные мною многочисленные шероховатости не могут оказать никакого влияния на общую оценку рассматриваемой работы Д.Н. Альшица. Работа эта несомненно является крупным научным вкладом в дело изучения эпохи Ивана Грозного, и автор ее, без всякого сомнения, заслуживает присуждения искомой им научной степени кандидата исторических наук.

Ст. научн. сотрудн. ЛОИИ

В.Г. Гейман

(РНБ. ОР. Ф. 1133. Гейман В.Г. № 126. Л. 1–10)

¹ Вычеркнуто: «(см. Котошихин)».

² Перед словом «создается» вычеркнуто недописанное слово «Получае».

№ 6

**1949, июля 14. Заявление сотрудника ГПБ Д.Н. Альшица
о причине исключения его из ВКП(б)¹**

В отдел кадров ГПБ

Согласно Вашего вопроса сообщаю, что 9.2.45 года, партийным бюро упр. «СМЕРШ» Ленфронта я был исключен из членов партии, после 9-ти месячного пребывания в чл. ВКП(б). Меня исключили за то, что при вступлении в партию я не указал в партийных документах, что в 1930 году, т.е. когда мне было 10 лет, мой отец был арестован, а затем в административном порядке выслан из Ленинграда в район г. Красноярска.

Исходя из того, что 1) высылка моего отца к моменту моего вступления в В.К.П.(б) была уже актом историческим, а сам он вполне свободным человеком и даже ответственным работником; 2) что сам я всегда и везде работал честно и, в частности, проявил себя в период войны, как это отмечалось даже при исключении. 3) Наконец из того, что мое исключение было формально неправильно **12 // 12 об.** проведено – в обход партийного собрания, которое меня не исключало. Я твердо верил, что буду восстановлен в В.К.П.(б) решением высшего партийного органа. До получения ответа из К.П.К.Ц.К. – я уверенно считал себя членом партии, надеясь, что мне будет разрешено в рядах партии искупить свою вину. Однако, решением К.П.К. при Ц.К. от 20 июня 1946 года мое исключение было подтверждено, и с этим решением (оно находится в горкоме В.К.П.Б.) я был ознакомлен 15 июля 1946 г. Выписка из протокола заседания К.П.К. от 20 июля 46 года мною скопирована. Копию прилагаю. В решении К.П.К. есть фактическая неточность в формулировке. Мой отец никогда не был под судом. Он был выслан в административном порядке, без лишения в правах, даже на время высылки.

Д. Альшиц

14.VI.49 г.

(ОАД РНБ. Ф. 10/1. Личное дело Альшица Д.Н. № 2. Л. 12–12 об.)

---

¹ Машинопись.

№ 7

**1972, сентября 12. Дополнительные сведения к анкете
Д.Н. Альшица¹**Дополнительные
сведения к анкете

30 лет назад, вступая в ВКП(б) на фронте, в боевой обстановке, при формировании ударного коммунистического полка, я не указал о факте (ныне 40-летней, тогда 12-летней давности) высылки моего отца в 1930 году. Не заявил под прямым влиянием организаторов полка – заявивших – «все равно погибнешь – так уж лучше коммунистом».

Через 2 года при содействии тех же провокаторов, убоявшихся ответственности, т.к. я случайно оказался жив, – я был исключен из партии (утверждение было в нач. 1945 года). Один из тех, кто активно меня исключал – майор [...]ершков. – вообще оказался авантюристом, жившим под чужой фамилией. Позднее он был расстрелян. (Его настоящая фамилия, к сожалению, оказалась – Чапаев). 39 // 40 Факт моего исключения из ВКП(б) и мои энергичные жалобы послужили главным поводом к фальсификации против меня «дела» в 1949 году. «Дело» это полностью провалилось в первые же дни следствия. Суд отказался его принять. Я был незаконно отправлен в ИТЛ особым совещанием. В начале 1955 года я был полностью реабилитирован. При этом мне было официально заявлено, что я могу в своих анкетах и биографиях «не ворошить» это прошлое, т.к. оно незаслуженно компрометирует меня и заслуженно компрометирует провокаторов времен культа личности.

Я стараюсь следовать этому совету и, по возможности, не упоминаю эту неприятную страницу, тем более, что я простил (посмертно) негодьяв и провокаторов, которые так несправедливо портили мою жизнь.

Написав здесь, поскольку это нужно, об этой истории, я надеюсь, что смогу снова надолго забыть о ней, чтобы не омрачать этими воспоминаниями сегодняшнее хорошее время.

Д. Альшиц

12 сентября 1972 года г. Ленинград²

(ОАД РНБ. Ф. 10/1. Личное дело Отдела кадров № 3 1984 г. Л. 39–40)

¹ От руки.

² Написано от руки.

№ 8

1983. Отзыв официального оппонента, д.ф.н. Н.Н. Розова об исследовании Д.Н. Альшица «Опричнина и формирование власти самодержавия. (Разыскание и исследование новых исторических источников)», представленном в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук¹

Рецензируемое исследование – плод работы автора в течение трех десятков лет над первоисточниками русской истории.

Уже в прежних работах Д.Н. Альшица намечалось одно из основных положений рецензируемого исследования: поставить конкретные события XVI в. в «контекст» предыдущего и последующего социально-экономического развития России. На сей раз в общетеоретический контекст ставится столь сложное и противоречивое явление русской истории, как опричнина.

Работа начинается с подробного изложения мнений дореволюционных и советских исследователей в характеристике этого явления. Этому и посвящена первая часть Введения.

Во второй его части говорится, что для дальнейшего изучения опричнины нужны были новые источники. Их разысканию диссертант посвятил многие годы.

Д.Н. Альшиц разработал теоретически, а также подтвердил практически специальную методику разыскания новых источников в процессе описания рукописных собраний. Он вел эти разыскания, в основном, в рукописных собраниях Государственной Публичной библиотеки.

Д.Н. Альшицем были обнаружены и введены в научный оборот Официальная разрядная книга Московских государей, Повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина, список опричного двора Ивана Грозного, неизвестные послания Ивана 1 // 2 Грозного и другие. Кроме того, и это, пожалуй, одна из самых ярких страниц рецензируемого исследования, – Д.Н. Альшиц пересматривает происхождение, состав и идейное содержание памятников, давно вошедших в научный оборот, характеристика которых

¹ Машинопись.

стала, в буквальном смысле слова, хрестоматийной. Речь идет, например, о сочинениях, приписываемых Ивану Пересветову. Все это вместе взятое обусловило новизну, практическую ценность а, следовательно, и актуальность исследования Д.Н. Альшица.

Первая его часть посвящена предыстории опричнины. Этот подход к ее изучению является принципиально новым. До сих пор опричнину рассматривали обычно, начиная с момента ее официального учреждения в 1565 году. Д.Н. Альшиц показал генезис этого явления, его объективные корни, а также длительную всестороннюю подготовку перехода к опричнине – идеологическую, политическую, организационную. Это позволило диссертанту по-новому оценить масштаб и значение опричнины.

Вторая глава первой части исследования посвящена публицистике деятелей фактического правительства 40–50-х гг. и ее роли в подготовке опричнины. Здесь впервые сочинения виднейшего деятеля Избранной рады – священника Сильвестра – рассматриваются в их светском, публицистическом значении. Д.Н. Альшиц показывает, что Сильвестр – выходец из среды верхнего слоя новгородского посада, отражал в своих сочинениях и политические позиции и нравственные нормы этой среды. Наряду с этим, Сильвестр поддерживал программу дворянских реформ А. Адашева и во многом выражал те же требования, что и современные ему дворянские публицисты.

Основное внимание в этой главе уделено рассмотрению «цикла публицистических произведений приписываемых Пересветову». Д.Н. Альшиц убедительно доказывает, что 2 // 3 имя Пересветова – литературный псевдоним, приписанный данному лицу позднейшими авторами.

Глава о «Пересветовском цикле», наверное, вызывает возражения, поскольку в дореволюционной и советской историографии, а также в литературоведении прочно утвердилось имя писателя XVI в. И.С. Пересветова, хотя в его существовании начали сомневаться еще со времен Карамзина. Поэтому на данной главе следует остановиться более подробно.

Д.Н. Альшиц тщательно анализирует взаимоотношение редакций и списков произведений Пересветовского цикла и устанавливает последовательность их появления. Делается это преимущественно на основании анализа идейно-политического содержания

каждого из этих сочинений, а также с помощью сопоставления их текстов. При этом, однако, надо учитывать, что совпадение отдельных фраз Сказания о о книгах и Послания Сильвестра царю можно объяснить общностью источников из книг «священного писания» в трафаретном лексическом оформлении. Многие тексты из них стали «общими местами» многих памятников средневековой русской литературы. На использование одних и тех же библейских цитат указывает и Д.Н. Альшиц. В целом же выводы Д.Н. Альшица представляются вполне убедительными. «Подборку разнородных сочинений, сделанную книжниками XVII в.» нельзя считать единым художественным целым. Д.Н. Альшиц ясно показывает, что Большая челобитная – не что иное, как переделка Сказания о Магмете-Салтане, предпринятая, в основном, с целью переложить рекомендации по устройению справедливого государственного строя из уст иноверца – турецкого султана – в уста православного христианина, союзника и даже родственника Грозного

Что касается самого имени Пересветова, то можно вполне огласиться с тем, что имя «литературного героя, символизи 3 // 4 рующего обобщенный образ служилого человека эпохи важнейших социальных и политических реформ в новорожденном русском централизованном государстве».

Прежде всего, и в самом деле, трудно представить себе существование в XVI веке такого универсального писателя, каким обычно изображают Пересветова.

В исследовании Д.Н. Альшица дано вполне убедительное гипотетическое построение относительно «подлинных авторов двух главных наиболее ярких произведений рассматриваемого публицистического комплекса». Автором «Сказания о Магмет салтане» назван А. Адашев, автором Большой челобитной – сам царь Иван Грозный. Диссертант приводит в подтверждение этих предположений множество убедительных аргументов.

В своей атрибуции Большой челобитной Д.Н. Альшиц опирается на труды акад. Д.С. Лихачева – тонкого аналитика стиля писаний и поведения Грозного. Наблюдения и выводы Д.С. Лихачева о стиле Грозного точно соответствуют стилю автора Большой челобитной.

Так, из нескольких слагаемых, в числе которых наиболее убедительным представляются именно отражение «всего Грозного» –

единства манеры его поведения и писания – создается достаточно твердое основание для этой атрибуции.

В заключение главы о «Пересветовском цикле» Д.Н. Альшиц справедливо замечает: «Выявление действительных авторов Сказания о Магмет-Салтане и Большой челобитной ... поднимает значение тих произведений на новую высоту».

Вторая часть исследования, названная «Установление самодержавия», состоит из четырех глав, в которых последовательно рассматриваются основные этапы этого процесса. В заключении первой главы, озаглавленной «Идеологическая борьба Ивана Грозного за утверждение единовластия» показано, что в его лице 4 // 5 «исторический процесс становления русского самодержавства нашел выдающегося исполнителя, вполне сознающего свою историческую миссию. Кроме его публицистических и теоретических выступлений, об этом ясно свидетельствуют точно рассчитанная и с полным успехом проведенная политическая акция учреждения опричнины».

Вторая глава посвящена рассмотрению подготовки и осуществления «опричного переворота». Автор, на основании многочисленных данных источников, показал тщательность подготовки переворота, стратегию и тактику Грозного, военные, организационные и политические меры, предпринятые Грозным и его сподвижниками для установления реального самодержавия, подлинного единовластия царя.

В основу изложения этой главы, как и всей рецензируемой работы, положены два принципа: выяснение происхождения и характера источников и последовательное отношение к полученным выводам о них.

Что касается критики источников, то блестящим примером здесь является разбор «Записок» «немца-опричника» Генриха Штадена – единственного современного свидетеля «отмены» опричнины. Этот источник давно известен и широко использован историками опричнины. Но никто не обратил внимания на то, что «Записки» Штадена состоят из четырех различных сочинений, лишь в одном из которых – в последнем – Штаден говорит, что служил в опричнине. В трех других сказано, что он жил в России в «земщине». Диссертант убедительно показывает, что свидетельства немецкого авантюриста Штадена об отмене опричнины никакого доверия не заслуживают, хотя бы уже потому, что сам Штаден тут же утверждает, что опричнина продолжала существовать.

Во всех параграфах этой главы всесторонне, на огромном 5 // 6 материале обосновывается вывод о том, что отмены опричнины не было.

Последняя заключительная часть исследования содержит характеристику опричнины как «инструмента усмирения и стабилизации единовластия».

Важнейшая черта, проходящая красной нитью через все работы Д.Н. Альшица, – тщательная критика источников, смелость и убедительность полемики со своими оппонентами – проявилась и в рецензируемом исследовании. Кстати сказать, в тщательности и всестороннем рассмотрении мнения своих предшественников, я вижу лучшее доказательство глубокого к ним уважения, проявленного диссертантом.

Высказав основные свои впечатления по существу диссертации, о степени убедительности выдвинутых в ней положений, не могу не сказать о ярком литературном стиле, в котором она написана. Диссертация написана увлекательно, в ней много литературных образов и ассоциаций.

В своих литературных приемах Д.Н. Альшиц подчас, хотя и редко, допускает просторечие, прибегает, например, к таким выражениям, как «царь-батюшка», заимствует слова популярной песни «солдатушки – браво ребятушки», говорит, что Штаден «приплел» то или другое и т.п. Опасаясь, что среди рецензентов Д.Н. Альшица могут оказаться «пуритане», стоящие на страже сухого и скучного стиля докторских диссертаций, я рекомендовал бы такие выражения убрать.

О главном же «недостатке» исследования Д.Н. Альшица как докторской диссертации – превышение строго регламентированного ВАКом объема – мне говорить трудно. Все написано так живо и убедительно, с отмеченной выше краткостью и определенностью выводов, что рекомендовать, за счет чего именно следует сокро 6 // 7 тить объем, я просто отказываюсь. Надеюсь, что это сделают прежде всего рецензенты – историки-специалисты, к каковым я не принадлежу. Однако у меня нет сомнения, что и они, также как и я, признают исследование Д.Н. Альшица удовлетворяющим всем требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям.

Ст. научный сотрудник Отдела рукописей
и редких книг, доктор филологических наук (Н.Н. Розов)
(РНБ. ОР. Ф. 1338. Розов Н.Н. № 239. Л. 1–7)

№ 9

2012, октября 31. Справка из архива УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области по делу Д.Н. Альшица

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА
БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Управление по городу Санкт-Петербургу
и Ленинградской области

Служба
регистрации и архивных фондов
52.10.2012 10/35-1808/424
№

Литейный пр., д. 4,
г. Санкт-Петербург, 191123

Проректору по научной и
инновационной деятельности
Южного Федерального Университета
Айдаркину Е.К.

ул.Большая Садовая, д.105/42,
г.Ростов-на-Дону, 344006.

На № 26-58/618 от 26.09.2012 г.

Из материалов архивного уголовного дела № П-14301, находящегося на хранении в архиве Управления ФСБ России по г.Санкт-Петербургу и Ленинградской области, следует, что

АЛЬШИЦ ДАНИИЛ НАТАНОВИЧ 1919 года рождения, уроженец г.Ленинграда, из мещан, еврей, гражданин СССР, не судим, образование высшее, кандидат исторических наук, проживал по адресу: г.Ленинград, ул.Пестеля, д.14, кв.15.

За участие в Великой Отечественной войне награждён орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.». До ареста работал старшим библиографом в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

6 декабря 1949 года Альшиц Д.Н. был арестован УМГБ по Ленинградской области.

Обвинялся в том, что в период 1946-1949 г.г. среди своих знакомых проводил антисоветскую агитацию, направленную на подрыв существующего в СССР политического строя. Пытался дискредитировать одного из руководителей ВКП(б)/ и Советского Правительства, распространял клеветнические измышления о советской действительности и клеветал на условия жизни трудящихся в Советском Союзе, т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст.58 п.10 ч.1 УК РСФСР.

По Постановлению Особого Совещания при МГБ СССР от 28 июня 1950 года за проведение антисоветской агитации Альшиц Д.Н. был осуждён к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет.

2 сентября 1950 года для отбытия наказания Альшиц Д.Н. был направлен в Каргопольлаг МВД СССР (Архангельская область).

По Постановлению Центральной Комиссии по пересмотру дел на лиц, осуждённых за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении от 3 января 1955 года Постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 28 июня 1950 года в отношении Альшица Д.Н. было отменено, дело на основании п. «б» ст.204 УПК РСФСР в уголовном порядке прекращено.

15 января 1955 года Альшиц Д.Н. был освобождён.

По ЗаклЮчению прокуратуры г.Санкт-Петербурга от 15 января 1992 года Альшиц Даниил Натанович реабилитирован.

Зам. Начальник службы

А.В.Морозов

№ 10

Из гражданской поэзии Д.Н. Альшица

Ярким проявлением разностороннего таланта Д.Н. Альшица стала его гражданская поэзия, способность его откликаться в стихотворной форме на актуальные общественно-политические события своего времени. В данном приложении приводятся два опубликованных ранее наиболее значимых для своего времени стихотворения. Одно из них, относящееся к 1948 г. и содержащее шуточное обращение к академику ВАСХНИЛ (Всесоюзной академии сельскохозяйств) Т.Д. Лысенко, пользовавшемуся огромной поддержкой власти в послевоенный период. Стихотворение выражало сатирическое отношение к деятельности академика, в значительной мере по вине которого на сессии ВАСХНИЛ 1947 г. произошел разгром советской генетики. Оно стало одной из причин ареста его автора в следующем, 1949 г. Второе стихотворение, содержащее обращение к Н.С. Хрущеву, было написано незадолго до 1955 г. и до освобождения Д.Н. Альшица. Эта оригинальная просьба о скорейшем завершении его дела оказало влияние на его освобождение с полной реабилитацией в начале 1955 г.

Письмо академику Т.Д. Лысенко

Спасибо за то, что призвали к ответственности
И приняли строгие административные меры
Ко всем, кто проповедует теорию наследственности
И прочие антинаучные химеры.
Вы бы могли и меня утешить, –
Правда, просьба моя и не совеем пшеничная –
Нельзя и провести яровизацию плечи,
Не то блестит как скорлупа яичная.
Были мой дед и отец лысоваты,
Но верю я вам без всякого прекословия –
Не наследственность в плечи моей виновата,
А только одни современные условия.
Буде ваше на то одобрение –
Я не струшу, таков уж закал, –
Возложу на себя удобрение,
И навозу, и химикал...
С вами всякий тогда согласится,
Возражений не будет совсем,
Коль на плечи моей всколосится
Урожайчик хотя бы сам-семь.
И, согласно такому обилию,
Современников будет оценка.
Вам придется сменить фамилию
И назвать себя АНТИЛЫСЕНКО!

Ленинград. 1948

Опубликовано: Аль Д. (Альшиц Д.Н.). Шаги истории России из прошлого в будущее. СПб.: Наука, 2007. С. 286.

Гражданину Хрущеву

От заключенного по решению ОСО,
по обвинению в преступлениях,
предусмотренных ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР
на срок 10 лет ИТЛ

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!
Обращаюсь к вам с просьбой, написанной в стихотворной форме.
Я избрал эту форму потому, что в стихотворении можно кратко и
убедительно сказать то, на что иначе нужно много места.

На папке следственной – «хранить вечно»,
Историки будущих поколений
Прочтут и смеяться будут, конечно,
Над пошлой нелепостью обвинений.

Да что там грядущее поколень!
Вот она тут, бумажная кипа...
Сам следователь вынес постановление:
«Материалы ареста – сплошная липа». 332 // 333

Но, не сменив материала подмоченного,
Ничего не добрав для судейских весов,
Следствие фабрикацию уполномоченного
Подшило, оформило и ... в ОСО.

В ОСО штабеля недоказанных дел
Валяли быстрее котлет:
– Ага, агитация? – в ИТЛ.
– На сколько? – На десять лет.

Да, я агитатор. На факте истории
Оружием лекций, книг и статей

Я агитировал в студенческой аудитории,
Учил рабочих, учительство и детей.
Как агитатор я очень был счастлив,
В окопной землянке, при двух фитильках,
Увидев бойцов наступающей части,
Сидевших с книжкой моей в руках.

Значит – страну от фашистских ударов
Я защищал не одним автоматом,
А бился в ста тысячах экземпляров
Книжки моей, выпущенной Воениздатом...

Специальность моя у историков редкая,
Не писал я о прошлом издавека,
В глубины веков уходил в разведку я
Для советской науки добывать «языка».

Палеография и сфрагистика,
Добрый десяток других наук,
Тысячи рукописей – до листика –
Вот стоимость фактов из первых рук.
И в ходе архивных кротовых разрытий,
Вздымавших рукописей пласты непочатые,
Родилось немало полезных открытий
(После ареста – и то печатали).

Дикость! – печатать брошюры и томы,
Агитировать в массах статей тиражами
И вдруг: « ... Вы таким-то моим знакомым
Недовольство политикой выражали... » 333 // 334

Одни только бериевские кретины,
По счастью взятые теперь за жабры,
Могли малевать такие картины,
Подобные стряпать абракадабры.

А время плетется за годом год,
Дни отлетают, как дым ...
Работа стоит, ребенок растет,
Сам я молод был – стал пожилым.

Пора на свободу. Но мне не по нраву
Быть на воле, а в главном урезанным.
Свобода, по-моему, – это право
Быть в полную силу полезным...

Для воли мой план нерушимый и четкий:
Стремлюсь к ней не благ обывательских ради,
Хочу одного: назад, за решетки
Отдела рукописей в Ленинграде.
И я бы, покуда хватило сил,
В сегодняшний день из архивных трущоб,
Истории жемчуг носил и носил ...
Ваша помощь нужна, гражданин Хрущев.

Опубликовано: Аль Д. Хорошо посидели! СПб.: Нестор-История, 2010. 384 с. С. 332–334.

МИНИНКОВ Николай Александрович

**Даниил Натанович Альшиц:
гражданин, историк, писатель**

Оригинал-макет А.В. Стахеева
Дизайн обложки А.В. Киреев

Подписано в печать 25.02.2020
Бумага офсетная. Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Гарнитура Minion Pro
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 12,3
Тираж ??? экз. Заказ № 7534

Издательство Южного федерального университета

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной
и сувенирной продукции Издательско-полиграфического
комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, д. 200/1,
тел. (863) 243-41-66